

КАЛИНИНГРАДСКИЙ СОЦИУМ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

**Издательство
Калининградского государственного университета
2002**

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАЛИНИНГРАДСКИЙ
СОЦИУМ В ЕВРОПЕЙСКОМ
КОНТЕКСТЕ

Под редакцией А.П. Клемешева

Калининград
Издательство Калининградского государственного университета
2002

УДК 338.24:911.3(470.26)

ББК 330.49(2031-4К)

К 172

Редакционная коллегия:

А.П. Клемешев, кандидат исторических наук, доцент – ответственный редактор (Калининградский госуниверситет); *Э. Антола*, доктор политических наук, профессор, университет Турку, директор Института европейских исследований; *В.Н. Брюшинкин*, доктор философских наук, профессор (Калининградский госуниверситет); *С.Д. Козлов*, доктор политических наук, профессор; *А.Ю. Мельвиль*, доктор философских наук, профессор (Московский государственный институт международных отношений); *Л.И. Сергеев*, доктор экономических наук, профессор (Калининградский госуниверситет); *Г.М. Федоров*, доктор географических наук, профессор – ответственный за выпуск (Калининградский госуниверситет).

Данный проект был осуществлен при поддержке АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование.)», Министерства образования РФ, Института перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США), Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).

Точки зрения, отраженные в данном сборнике, могут не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов программы.

К 172 Калининградский социум в европейском измерении:

Сб. науч. тр. / Под ред. А.П. Клемешева. – Калининград:

Изд-во КГУ, 2002. – 191 с.

ISBN 5-88874-313-5.

Рассмотрены актуальные проблемы формирования и развития калининградского социума, испытывающего сильное воздействие фактора эксклавности. Анализируется внутренняя дифференциация социума, его идентичность, перспективы сохранения в российском культурном пространстве в условиях активного взаимодействия с внешним окружением.

Предназначен для специалистов в сфере политологии, социологии, регионологии и геополитики.

УДК 338.24:911.3(470.26)

ББК 330.49(2031-4К)

© Коллектив авторов, 2002

© Издательство КГУ, 2002

ISBN 5-88874-313-5

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Клемешев А.П., Федоров Г.М.</i> Перспективы формирования и развития калининградского социума	4
<i>Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М.</i> Инкультурация личности в условиях калининградского социума	41
<i>Кретинин Г.В.</i> Проблема идентичности калининградцев....	50
<i>Чабанова А.В.</i> Дифференцированность калининградского социума (по итогам социологического обследования)	94
<i>Федоров Г.М., Симаева И.Н.</i> Социально-демографический кризис и его следствия для калининградского социума	122
<i>Зверев Ю.М.</i> Электоральная типология городов и районов Калининградской области по итогам избирательных кампаний 1999 – 2000 гг.	142
<i>Клемешев А.П.</i> Образование как фактор формирования социума	163

А.П. КЛЕМЕШЕВ, Г.М. ФЕДОРОВ

**ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ
КАЛИНИНГРАДСКОГО СОЦИУМА**

**Актуальность изучения социальной проблематики
в Калининградской области**

В самом западном эксклавном российском регионе – Калининградской области – переплетаются процессы глобализации и регионализма, во многом определяющие специфику современных международных отношений и мировой экономики. Параллельно с этим происходит не менее важное для мирового развития взаимодействие процессов унификации и дифференциации социальных и этнических общностей. Социальные аспекты регионального развития и международного сотрудничества в регионе исключительно важны сейчас и со временем будут приобретать все большее, пока еще недооцененное, значение.

Социальные проблемы эксклавного российского региона значимы не только вследствие их существенной специфики в сравнении с большинством субъектов Российской Федерации, но и потому, что здесь активнее всего осуществляется взаимодействие российской и западной цивилизаций. Решение сложных проблем дает возможность приобрести опыт в исследовании не только настоящих, но и возможных будущих проблем, учитывая как особенности в региональной политике Федерации, так и взаимовыгодное международное сотрудничество в регионе.

Усилятся ли противоборство цивилизаций на новой восточной границе ЕС? Станет ли Калининградская область, окруженная странами Евросоюза, эпицентром разрастающегося столкновения? Или во все большей мере будет преобладать взаимопроникновение цивилизаций, и Калининградская область превратится в регион сотрудничества России и Европейского Союза как пример для других приграничных регионов с обеих сторон? Ответ на эти вопросы крайне важен для определения будущего Европы. Для получения достоверных выводов необходима углубленная разработка социальной проблематики, которая предполагает комплексное рассмотрение многоплановых, сложных и динамичных процессов, тесно связанных с региональным развитием и с процессами, протекающими в стране и мире.

А.И. Кузнецов, руководитель представительства МИД РФ в Калининградской области, уже в середине 1990-х годов обращал внимание на сложности развития культуры в Калининградской области как эксклавном регионе России, находящемся в окружении иных культур, привлекая к анализу известную концепцию борьбы цивилизаций С. Хантингтона. Согласно вытекающей из этой концепции парадигмы, Калининградская область является цивилизационным анклавом и источником цивилизационной напряженности. Если бы это было не так, то не было бы того бесконечного потока научной и околонушной литературы, издаваемой в многочисленных политических центрах Германии, Литвы, Польши и других стран, затрагивающей вопросы, относящиеся к существованию Калининградской области. Во всех этих работах доминирует один посыл – существование Калининградской области является вызовом (challenge) западноевропейской цивилизации.

В частности, А.И. Кузнецов пишет: «...Все мы плохо представляем себе как в развитии культуры в Калининградской области найти удовлетворительный компромисс между двумя крайностями: между анклавом, но подверженным сильному влиянию соседей, развитием и культурным противопостав-

лением себя им же... Первый путь развития приведет к сильной вестернизации калининградских русских и почти неминуемому конфликту с Центром (обвинения в сепаратизме), а второй – к конфликту с соседями. Существование же Калининградской области немыслимо без хороших отношений и с Центром, и с соседями...»¹.

Приведенные доводы дают А.И. Кузнецову основание утверждать, что необходима специальная культурная программа для Калининградской области, которая ввиду большой важности могла бы быть отнесена к разряду президентских. Такая президентская программа имела бы три основные цели. *Во-первых*, она обеспечивала бы такое развитие культуры, которая не дала бы «оторвать» калининградский остров от российского культурного материка. *Во-вторых*, помогала бы самоутверждению и цивилизационному закреплению здесь россиян и, *в-третьих*, гармонизировала бы отношения с соседями.

Подобная программа не была принята и даже не разрабатывалась и не разрабатывается сейчас. Между тем актуальность высказанных пять лет назад утверждений не уменьшилась. На большинстве проходящих в последнее время международных конференций и семинаров, посвященных проблемам развития Калининградской области, отмечается недостаточное внимание к социальным особенностям региона при разработке региональных стратегий². Действительно, проблемы региона в контексте расширения НАТО и ЕС на восток рассматриваются прежде всего с геополитических и геоэкономических позиций. Это связано с тем, что Калининградская область представляет собой узел переплетения многообразных политических и экономических интересов на Балтике, представляя вследствие этого, по мнению одних, потенциальную угрозу возникнове-

¹ Кузнецов А.И. Калининградская область – культурный форпост России // Вестник Балтийского научного центра. 1996. №1.

² См.: Регион сотрудничества. Калининград, 2001. Вып. 13.

ния конфликта, а, по мнению других, —дает возможность интенсивной интеграции, сотрудничества.

Разрабатываемой сейчас стратегии регионального развития явно недостает социального компонента, социальной направленности. Акцентируя внимание на сложности политических и экономических проблем калининградского эксклава, разработчики стратегий упускают из вида сложность культурологической, демографической, т.е. в широком смысле социальной ситуации в регионе, которая во многом является индикатором разнообразных мировых интеграционных процессов, в которых все активнее участвует Россия. Потенциальные возможности области недооцениваются в этом плане и разработчиками федеральных стратегий.

На основе изучения отечественного и зарубежного опыта и современных проблем регионального развития, мы уже обращали внимание на то, что усиление внимания к социальной сфере является непрямым условием экономического роста и политической стабильности в регионе³. Но, вероятно, видимое отсутствие острых социальных конфликтов в Калининградской области пока не сделало доводы о необходимости большей социальной ориентации региональной стратегии достаточно убедительными. Поэтому, развертывая исследования в рамках программы созданного в конце 2001 года в КГУ Международного института общественных наук (МИОН), мы предполагаем более детально обосновать необходимость указанного подхода.

Последовательная реализация комплексного, системного подхода в стратегическом планировании и прогнозировании предполагает не только всестороннее изучение регионального народнохозяйственного комплекса и его места в российской экономике, но и широкое использование наиболее полно отражающего весь комплекс социальных проблем понятия «социум».

³ См.: Клемешев А., Люейер П., Федоров Г. Управление региональным развитием. Калининград; 1999. С. 213.

Изучение калининградского социума

Социум – социально-территориальная общность населения, объединенная тесными социальными связями, обладающая идентичностью (самосознанием, противопоставлением себя другим социальным общностям). Социумы могут формироваться на макроуровне (Сибирь, Урал, европейская часть России), на мезоуровне (республика, край, область) и на микроуровне (населенный пункт или несколько связанных между собой городов и поселков). Для формирования социума необходимо определенное время, чтобы возникшие благодаря территориальной общности социальные связи стали устойчивыми.

Калининградский социум относится к социально-территориальным общностям мезоуровня, формирующимся в пределах субъекта Российской Федерации. Его формирование началось в 1945 году, то есть лишь 56 лет назад. Это небольшой срок для того, чтобы сложился достаточно устойчивый социум, хотя пространственная изолированность области от Российской Федерации, безусловно, способствовала становлению идентичности калининградцев. В то же время формированию социума препятствовала высокая миграционная подвижность этого переселенческого региона, интенсивный обмен населением с другими регионами не только Российской Федерации, но и Советского Союза и после его распада – стран ближнего зарубежья⁴.

Формирование социумов – сложный и длительный процесс. Рассмотрим в самых общих чертах несколько примеров, которые могут помочь в определении перспектив развития социально-территориальной общности на территории Калининградской области.

Первые два примера касаются двух соседних друг с другом социумов, в наличии и высокой степени сформированности которых нет оснований сомневаться, – социумов новгородцев

⁴ См.: Регион сотрудничества. Калининград. 2001. Вып. 15.

и петербуржцев, которые, как и калининградцы, проживают на территории Северо-Запада России.

Нынешний новгородский социум берет начало от племенной группы ильменских словен, заселивших эту территорию в середине I тысячелетия, то есть имеет этнические корни. Социальная общность первоначально складывалась, таким образом, внутри этнической общности, занимая территорию расселения соответствующих племен вокруг озера Ильмень. Согласно летописным источникам, сам Новгород ведет свое летоисчисление с 859 года, хотя реально город возник, конечно, раньше. Он консолидировал новгородскую социально-территориальную общность в составе Киевской Руси и после ее распада на феодальные княжества стал столицей Новгородской боярской республики.

Социум петербуржцев стал складываться, естественно, с момента основания Санкт-Петербурга в 1703 году. Социально-территориальная общность формировалась из жителей всех частей Российского государства, в том числе из проживавших по соседству новгородцев. И сам Санкт-Петербург отобрал от Новгорода роль «окна в Европу», в результате чего экономическое значение Великого Новгорода резко снизилось, а пространство новгородского социума резко сократилось. Оно стало ограничиваться размерами Новгородской губернии, а в советское время – Новгородской области. Значительную часть территории бывших новгородских земель подчинил своему влиянию Санкт-Петербург (хотя их жители, кроме населения собственно столицы, не стали петербуржцами; они стали жителями соответствующей губернии, области). Еще раньше от новгородского социума отделились земли поморов, где даже сформировалась отдельная этнографическая группа русских, псковичей («скобари»), и ряд других территорий. Качество социума вследствие постоянного оттока наиболее мобильной части населения в Санкт-Петербург стало не столь высоким, как могло бы быть, если бы приток наблюдался, наоборот, в Новгородский регион.

После переноса в 1712 году российской столицы из Москвы в Санкт-Петербург новый социум стал складываться особенно быстро. Его формированию способствовали административная, экономическая и культурная роль города. На уровне социального самосознания большую роль играл престиж жизни в столице. В отличие от большинства других губерний, Санкт-Петербург имел мало корней в окружающей местности и настолько отличался от прилегающей территории, что невозможно было назвать петербуржцами ее жителей. Петербургский социум как устойчивая социально-территориальная система охватывает исключительно город Санкт-Петербург. Совершенно закономерно и сейчас Санкт-Петербург и Ленинградская область являются отдельными субъектами Федерации, и даже их названия качественно различаются (не Санкт-Петербургская область). Хотя, конечно, значительная степень экономического единства этих двух субъектов имеется, и можно также говорить об элементах одной социально-территориальной общности, объединяющей «петербуржцев» и «ленинградцев».

Петербургский социум складывался из столь большого числа российских социумов и столь интенсивно, что за исторически короткий срок здесь образовался собственный говор, диалект русского языка, ставший постепенно основой русского литературного языка. Этот говор очень сильно отличался и продолжает отличаться сейчас от говора соседних, сложившихся гораздо раньше, социально-территориальных общностей новгородцев и псковичей. Сформировались совершенно уникальные для России элементы культуры, включившие компоненты различных российских регионов, а также много элементов культуры Запада. Понятия «питерский интеллигент», «коренной петербуржец» (а потом и ленинградец) долгое время служили эталоном культуры, нравственности.

Переживший блокаду Ленинград после Великой Отечественной войны практически полностью обновил население, и социум сильно изменился. Во многих отношениях послевоенный ленинградский социум сформировался заново, хотя и под

влиянием особенностей довоенного социума. Новые качественные изменения происходят и в настоящее время.

Всеобщая унификация вследствие информационного взрыва и специфической деятельности электронных средств массовой информации вызвали понятие «городская культура», во многом общей не только для различных городов нашей страны, но и всего мира. Процессы урбанизации и глобализации, распространения американизированной масс-культуры стирают качественные различия между социумами, особенно городскими.

Конечно, существенные различия остаются – и благодаря особенностям процессов социализации личности (устойчивости социумов), и вследствие сохранения большого числа элементов материальной культуры. Сказывается и углубление экономической дифференциации стран и регионов мира. Более того, современные направления унификации далеко не всегда оцениваются положительно, и многие европейские культурологи озабочены необходимостью сохранения национальных культур. К сожалению, в нашей стране (не говоря уже о нашей области) надлежащие исследования проводятся в явно недостаточных масштабах и, как и прежде, социальный аспект развития финансируется по остаточному принципу.

В формировании калининградского социума есть много общего с формированием социума петербуржцев, и очень мало сходных черт с социумом новгородцев (похожим по происхождению и развитию на другие социумы на территории первоначального расселения русских до середины XVI века). Более того, на территории Ленинградской области имеется район, с точки зрения его заселения идентичный Калининградской области. Это северная часть Карельского перешейка с Выборгом, до 1940 года принадлежавшая Финляндии. Здесь также от прежнего населения остались лишь памятники материальной культуры. Правда, в отличие от Калининградской области, эта территория не только не является эксклавом, но благодаря хорошей транспортной сети полностью интегрирована в хозяйственный комплекс Ленинградской области. К то-

му же размеры территории и численность населения здесь намного меньше.

В 1945 году в состав нашей страны вошли Южный Сахалин и Курилы, где также было полностью заменено население, и социально-территориальные общности насчитывают небольшой период существования. Однако оставшихся элементов японской культуры здесь гораздо меньше, чем немецкой в Калининградской области или финской на севере Карельского перешейка. Да и Японии эти территории принадлежали сравнительно недолго: Курилы с 1875 года, а Южный Сахалин с 1905 года, всего 40 лет. Численность проживавшего на этой территории японского населения была крайне незначительна, и наследие материальной культуры намного меньше по сравнению с Калининградской областью, где немецкое заселение началось в первой половине XIII века. Зато по условиям сообщения с «материком» Сахалин и Курилы похожи на Калининградскую область, причем здесь нет не только непосредственной, но и вообще никакой сухопутной связи с основной частью страны.

В Калининградской области, как и на юге Сахалина и на Курилах, важное значение имеет рыбная промышленность. Рыбодобывающей промышленности с ее сложными условиями труда необходим постоянный приток молодых мужских кадров, которые привлекаются из различных регионов страны, но зачастую молодые люди, сделав несколько рейсов, возвращаются в места прежнего проживания. Точно также высока подвижность военных, число которых, в связи с пограничным положением и Калининградской области, и Сахалина, и Курил, достаточно велико. И рыбаки, и военные большей частью являются временными жителями. Но из-за гораздо худших природных условий Сахалина и Курил приживаемость мигрантов здесь еще ниже, чем в Калининградской области.

По условиям формирования населения калининградский социум имеет определенное сходство и с районами нового освоения на Востоке и Севере страны, давно вошедшими в состав России. Это в основном города, возникшие в связи с ос-

воением природных ресурсов, – Магнитогорск, Комсомольск-на-Амуре, Норильск, Мончегорск и др. – в 1930-е годы, Мирный, Сургут, Уренгой, Ноябрьский, Костомукша – в послевоенный период. Для них также характерны недавнее заселение переселенцами из самых разных частей страны, высокая миграционная подвижность и низкая (по сравнению со староосвоенными регионами европейской России) приживаемость мигрантов, «мужской перевес» в молодых трудоспособных возрастах.

Отмеченные демографические особенности способствуют не только меньшей устойчивости социума, но и порождают ряд специфических социальных проблем, вызванных демографическими диспропорциями (повышенная острота проблем алкоголизма, наркомании, проституции, пониженная устойчивость семьи и пр.). Одновременно, в силу тех же демографических особенностей, для населения характерна повышенная мобильность (и в пространственном, и в социальном плане). То есть здесь быстрее могут внедряться разного рода позитивные новации. В частности, применительно к 1990-м годам, по крайней мере в отношении Калининградской области, можно отметить повышенную восприимчивость к происходящим преобразованиям и, как следствие, более быстрое развитие рыночных отношений.

Для населения нашей страны вообще характерна низкая миграционная мобильность. В 1970 – 1980-е годы она была в два раза ниже, чем, например, в Польше, и в три раза ниже, чем в большинстве стран Западной Европы. В 1990-е годы миграционная мобильность населения, особенно в перемещениях между российскими регионами, еще более снизилась. В миграциях с нынешними странами ближнего зарубежья подвижность вовсе не возросла, но ее результативность намного увеличилась вследствие резкого снижения интенсивности миграций из России в другие бывшие республики СССР.

Сравнительно низкая миграционная мобильность населения является фактором формирования более устойчивых социумов. Поэтому можно было бы полагать, что социально-

территориальные общности в России вообще более сформированы и более устойчивы по сравнению с западными странами. Однако на самом деле сравнения не вполне корректны, поскольку до начала 1990-х годов слишком различны были социальные связи, определяющие формирование и функционирование социумов как органических общественных систем. В нашей стране рыночные отношения были развиты мало, значительно большую роль играли административные воздействия. То есть в экономической сфере меньшее значение имели горизонтальные связи между людьми (основанные на купле-продаже), тогда как отношения субординации, распределения преобладали.

Тем не менее на Западе, по крайней мере, в тех сферах, где государство играет регулирующую роль, проводится политика поощрения миграционной подвижности тех слоев населения, которые наиболее активно воздействуют на социальную жизнь. Единый конкурс в высшие учебные заведения является элементом этой политики. Например, немецкая молодежь получает высшее образование, как правило, вовсе не там, где проживала и обучалась в школах. Престижные места работы, получаемые по общегосударственному конкурсу, также являются элементом этой политики. То есть, в противовес стремлению каждого социума к обособлению, проводится политика налаживания социальных связей между ними, политика упрочения общегосударственной социальной общности.

В нашей же стране, к сожалению, не удалось сформировать не только наднациональной общности «советский народ» (к чему, как известно, прилагались значительные пропагандистские усилия), но и единый народнохозяйственный комплекс, построенный не на рыночных, а на административно-командных принципах, распался. Реальная разобщенность социально-территориальных общностей республик и регионов привела к попыткам внедрить «региональный хозрасчет», устанавливавший соответствие между изолированностью социумов и обособленностью экономик. Как только национальными элитами (опирающимися на этническую и социально-террито-

риальную общность) был приведен в действие национальный фактор, процессы дезинтеграции одержали верх над попытками консолидировать экономическую, социальную и политическую общность, какой являлся Советский Союз. Итогом стало окончательное политическое разделение республиканских этносов, социумов, экономик.

Экономические, социальные, этнические и политические процессы, протекающие в Российской Федерации после распада СССР, к сожалению, пока не вызывают большого оптимизма. Отсутствие общенациональной идеи (если не считать таковой стремление построить «рыночную экономику») не способствует формированию социальной общности в пределах всей страны. Наоборот, углубляющаяся социальная дифференциация и между слоями населения, и между территориями ведет пока к определенному обособлению социумов. Снижение миграционной мобильности населения способствует этому.

Однако и на мезо- и микроуровнях условия формирования социально-территориальных общностей далеки от оптимальных, обеспечивающих устойчивость и пропорциональное развитие социумов. А государство, занятое политикой и экономикой, не предпринимает надлежащих мер социального регулирования (в том числе пространственного) и даже не стимулирует достаточную активность исследователей в этом направлении. Нынешняя социальная (и политическая) апатия большей части населения принимается за своего рода «вечный» социальный мир, без всяких признаков будущих бурь и потрясений. Такая позиция не имеет под собой оснований, и гораздо вероятнее кажутся предстоящие социальные потрясения, чем продолжение нынешней «стабильности» – если не предпринять надлежащих мер, способствующих устойчивому развитию социально-территориальных общностей на всех пространственных уровнях.

Даже рассмотрев всю совокупность различных социальных индикаторов, можно вскрыть только достаточно формальную картину состояния социума, но не его развития. Необходимо, во-первых, более детально рассмотреть внутреннюю его

структуру, выделив различные слои населения, образ жизни которых качественно различается, то есть выявить социальную стратификацию социума. Во-вторых, требуется определить направления развития социума в целом и его слоев в частности и для решения задач социально-территориального регулирования сформулировать цели развития – общие и для каждого слоя отдельные.

Для достижения устойчивого развития социумов необходимо решить две главные задачи – улучшение качественных характеристик социума в целом и каждой социальной группы в частности (рост благосостояния, уровня образования, снижение негативных социальных явлений и пр.) и уменьшение социальных различий, обеспечение возможностей продвижения населения из низших социальных слоев к высшим.

В настоящее время некоторые общие характеристики большинства российских социумов в целом улучшаются (например, увеличиваются средние доходы населения, растет уровень образования), но часть показателей улучшается медленно или, наоборот, ухудшается (включая такие негативные социальные явления, как алкоголизм, наркомания, проституция, заболеваемость социально обусловленными болезнями, преступность). Однако улучшение затрагивает не все социальные слои в равной мере, велики и нарастают пространственные социально-территориальные различия. Социальная дифференциация общества не снижается, а возможности перемещения между слоями с разным уровнем обеспеченности затруднены.

Практической задачей для целей пространственного социального регулирования является определение набора социальных приоритетов, служащих индикаторами качества социумов. В настоящее время при разработке разного рода программ преобладают экономические приоритеты, а среди социальных – приоритеты, связанные с повышением доходов населения (зарплаты, пенсий, социальных пособий).

Недостаточно внимания социальной проблематике уделяется и на региональном уровне. Между тем достижение мно-

гих социальных целей не требует больших финансовых затрат. Но для этого необходимо пересмотреть систему ценностей (имея в виду не только экономические, но и экологические, демографические, культурные, национальные приоритеты) и в федеральной, и в региональной политике государства. Требуется пропаганда легко достижимых приоритетов, изменение их субординации в общественном сознании. Необходим пересмотр приоритетов государственной политики в пользу социальной составляющей.

Формирование социумов на всех территориальных уровнях происходит в стране в достаточно сложных условиях. Более того, крайне затруднен и объективный анализ ситуации – и из-за недостаточного финансирования исследований, и вследствие трудности получения реальной информации, и благодаря крайней политизированности сохранившихся научных структур, обслуживающих интересы заказчиков, способных финансировать те или иные разработки.

Социологами используется также метод самоидентификации населения, когда в ходе обследований респонденту предлагается ответить на вопрос, к какой территориально-социальной группе он себя относит. Подобное обследование было выполнено Всероссийским центром исследования общественного мнения в июне 1997 г., в ходе реализации проекта Тасис «Глобальный план развития Калининградской области до 2010 года»⁵. Аналогичное исследование проведено учеными Калининградского госуниверситета в июне 2001 года. При некотором сходстве полученных результатов, выявились и существенные различия.

На вопрос о чувстве принадлежности к населенному пункту, району, области или всей России, респонденты, так же как и в других регионах России, в 1997 году отмечали, что самое сильное чувство принадлежности испытывают по отношению

⁵ См.: Калининградская область: диагностика кризиса. Калининград, 1998. С. 296 – 297.

к своему населенному пункту (37%) и России (40%). Согласно обследованию 2001 года, соответствующие цифры составили 32 и 25%. В 1997 году чувство принадлежности к области у калининградцев было выражено несколько сильнее среднего показателя: 16% заявило, что самым сильным у них является чувство принадлежности к области (по сравнению с 8% в Красноярском крае, 11% в Воронежской области и 4% в Ленинградской). В 2001 году такой ответ дали 28% респондентов. Самое сильное чувство принадлежности к области – у жителей малых городов, и особенно сельской местности. Большинство опрошенных по результатам обоих обследований не хотят покидать эти места и переезжать в другие регионы России или в другие страны; более 70% вообще не хотят куда-либо переезжать.

Итак, если доверять результатам проведенных исследований, житель, скажем, Советска считал себя в 1997 году прежде всего россиянином, затем советчанином и лишь потом – калининградцем, жителем Калининградской области. Аналогичные приоритеты и у проживающих в других российских регионах. Выполненное нами летом 2001 года обследование показывает, что у жителей малых городов иные приоритеты: калининградец, советчанин, россиянин. Подобные результаты дал опрос сельских жителей. А вот в областном центре на первом месте – житель Калининграда, затем – россиянин, а потом, житель области.

Это свидетельствует об усилении действия факторов, способствующих осознанию населением региона своей социально-территориальной общности. В Калининградской области принадлежность к ней выражена более сильно по сравнению с другими изученными регионами, постольку наблюдается более четкая самоидентификация жителей именно в пределах области и конкретного населенного пункта. Каковы же эти причины?

По нашему мнению, развернувшаяся в последнее время дискуссия о стратегии развития Калининградской области в

связи с расширением НАТО и ЕС на восток играет очень важную роль в осмыслении жителями региона своей идентичности. На передний план выходит именно региональная специфика, озабоченность будущим касается конкретно Калининградской области и населенного пункта, в котором проживает население.

На основе данных указанных выше опросов можно сделать вывод о формировании территориально-социальных общностей и в пределах населенных пунктов и в масштабах Калининградской области. Но, полагаем все же, что на вопрос о месте жительства, заданный жителю области в каком-либо другом регионе России, последует ответ: «Калининградская область, Калининград». Так что недооценивать степень сформированности территориально-социальной общности «калининградцы» не следует.

Следовательно, в пределах региона формируются территориально-социальные общности по меньшей мере двух уровней: в пределах населенных пунктов и в области в целом. Чувство принадлежности к областному социуму выше в малых городах и сельских поселениях, тогда как в областном центре большее значение имеет городская социально-территориальная общность.

Необходимость консолидации калининградского социума

С учетом сказанного, при всех стратегических разработках, касающихся области, при обосновании планов ее развития необходимо особое внимание уделять социальным факторам, включая формирование устойчивого социума, безусловно входящего в общероссийское культурное пространство, хотя и тесно взаимодействующего с зарубежьем – как дальним, так и ближним. Выход экономики из кризиса, конечно, важная задача, материальная предпосылка существования социума. Но не менее важно, в каком направлении социум будет развиваться. И если федеральная программа развития ОЭЗ и поправки к за-

кону об ОЭЗ, возможно, в какой-то мере определяют экономические перспективы региона, то социальной стратегии пока нет. И необходима ее разработка.

Для упрочения стабильности социума необходима объединяющая региональная идея. В начале 1990-х годов такую роль играла идея свободной экономической зоны «Янтарь». Сейчас идея Особой экономической зоны, в определенной мере дискредитированная, вряд ли может явиться таковой, хотя «зональный» механизм по-прежнему необходим для преодоления недостатков эксклавного положения области. Идея «региона сотрудничества» представляется более перспективной, но она должна быть более тесно связана с общей стратегией экономического, социального и культурного развития всей России.

Поискам путей регионального развития в последние полгода уделяется большое внимание. Целый ряд мероприятий по обсуждению региональной стратегии провела областная Дума. В области состоялся ряд международных конференций и встреч. Перспективы развития области обсуждаются в средствах массовой информации. Но большинство поднимаемых проблем (за исключением, пожалуй, визовой) касаются развития экономики, и в гораздо меньшей мере речь идет о культуре, образовании, здравоохранении, науке. Тем более не рассматриваются проблемы развития калининградского социума как единого целого.

Для того чтобы обосновать новые подходы к региональной стратегии, которая могла бы быть активно поддержана населением, Калининградский государственный университет совместно с представителями деловых кругов области организовал дискуссионный клуб «Регион», совместно с администрацией области и областной Думой участвует в выпусках серии «Регион сотрудничества». Надеемся, что наши усилия будут способствовать тому, что социальная проблематика займет не только более важное, но ведущее место в региональной стратегии.

Для оценки процессов формирования и развития калининградского социума важную роль играет объективная информация, которая должна служить эмпирической базой для теоретических обобщений. Имеющиеся статистические данные, освещающие лишь часть интересующих исследователя вопросов, должны быть дополнены результатами специальных социологических обследований. Тем более что статистика еще не научилась с достаточной степенью достоверности вскрывать социальную структуру и отражать ход многих важных для анализа социальных процессов.

Основные данные о мнениях калининградцев обеспечивает Калининградский социологический центр, который осуществляет регулярный мониторинг ряда процессов, в частности отношения к политическим лидерам. Для нас представляют интерес данные опросов, которые в определенной мере позволяют говорить о самоидентификации населения области, распространенности идей сепаратизма и других аспектах формирования калининградского социума.

Однако публикуемых данных недостаточно для того, чтобы ответить на более широкий круг вопросов, особенно касающихся социальной стратификации населения. Поэтому Калининградским государственным университетом летом 2001 года было организовано собственное социологическое исследование.

Мы надеялись подтвердить (или опровергнуть) высказывавшуюся нами ранее гипотезу о слабой степени сформированности калининградского социума, объясняемой объективными условиями его возникновения и развития⁶. И получить данные не только о преобладающих мнениях, касающихся социально-территориальной идентичности калининградцев, но и о глубине социальной стратификации населения области.

В результате исследования были получены данные, которые не только полностью подтвердили нашу гипотезу, но и

⁶ См.: Клемешев А.П., Федоров Г.М. Калининградский социум // Регион сотрудничества. Калининград, 2001. Вып. 15.

Калининградский социум в европейском измерении

позволили ее уточнить и конкретизировать. Анализ материалов продолжается, но уже сейчас можно сделать ряд важных практических выводов, касающихся необходимости дифференциации социальной политики в регионе, о чем мы также писали ранее⁷.

Обследование позволило получить данные о значительной дифференциации калининградского социума. Сведения о различиях в уровне доходов практически совпадают с данными, публикуемыми органами государственной статистики (табл. 1).

Таблица 1

Дифференциация населения по уровню душевых доходов

Уровень дохода на одного члена семьи в месяц, руб.	Доля имеющих доходы, %	
	Обследование, июнь 2001	Статистика, 2000*
До 400	3,2	1,0
400 – 800	13,7	13,5
800 – 1200	23,7	22,7
1200 – 2000	24,2	35,3
2000 – 5000	25,8	27,5
Затрудняюсь ответить	9,5	-

*Калининградская область в цифрах: Стат. сб. Калининград: Калинингр. обл. комитет гос. статистики, 2001. С. 44.

Мы попытались оценить размеры доходов, получаемые от теневых секторов. В таблице 2 приведены полученные в результате обследования данные и показана методика расчета. Во избежание завышения совокупного дохода для лиц с доходами более 10 тыс. рублей в месяц взят средний доход в размере 10 тыс. рублей. Для затруднившихся ответить указан средний душевой доход лиц, давших ответ – 2,15 тыс. рублей в месяц.

⁷ См.: Клемешев А.П., Федоров Г.М. Социально ориентированная стратегия регионального развития // Регион сотрудничества. Калининград, 2001. Вып. 11.

**Расчет совокупного месячного дохода населения
Калининградской области**

Душевой доход в месяц, руб.	Доля населения, %	Средний доход в месяц для данной группы, руб.	Численность населения, тыс. чел.	Совокупный доход, млн. руб.
До 400	3,2	300	30	9
400 – 800	13,7	600	130	78
800 – 1200	23,7	1000	224	224
1200 – 2000	24,2	1600	229	366
2000 – 5000	20,8	3500	197	690
5000 – 10000	4,2	7500	40	300
Свыше 10000	0,8	10000	8	80
Затрудняюсь ответить	9,5	2150	88	189
Всего	–	946	–	2023

Расчитанный нами на основе описанной выше методики совокупный месячный доход населения составил 1966 млн. руб., что в годовом исчислении составляет 23,6 млрд. руб.

Согласно опубликованным статистическим данным, за 5 месяцев 2001 года доходы населения Калининградской области составили 7,26 млрд. руб.⁸

Если принять полученные нами размеры доходов за среднемесячные в январе-мае 2001 года, то их общий объем за этот период составит 10,11 млрд. руб., то есть на 2,85 млрд. руб., или на 39%, больше официальных данных.

Следует также иметь в виду, что в приведенных выше расчетах нами не учтена стоимость доходов, получаемых в натуральном выражении (от приусадебных участков и др.), которые, по расчетам органов статистики, составили в 2000 году

⁸ См.: Социально-экономическое положение Калининградской области в 1 полугодии 2001 года. Калининград: Калинингр. обл. комитет гос. статистики, 2001. С. 71.

10,7% доходов домохозяйств. Если считать, что этот процент сохранился и в расчетный период, то такого рода доходы населения составили 0,78 млрд. руб. Тогда общие доходы населения можно оценить в 10,89 млрд. руб., а долю неучтенного статистикой сектора – не менее чем в 50% от официальных доходов.

Полученные данные совпадают с верхней границей оценки размеров теневого сектора экономики в процентах к валовому внутреннему продукту (имеющиеся оценки – от 30 до 50%: 30% – оценка Госкомстата, 40% – Мирового банка, 50% – МВД России).

Таким образом, наши расчеты показывают значительную роль теневого сектора в экономике области. Конечно, они являются сугубо предварительными; требуются специальные и более детальные исследования теневого сектора в регионе. Но, в принципе, превышение среднероссийских показателей, видимо, не столь велико, как это принято считать.

Существенные различия выявлены в степени удовлетворенности материальным положением населения, относящегося к разным возрастным, образовательным, профессиональным группам. Полностью удовлетворены материальным положением только 7% опрошенных. Каждый четвертый не удовлетворен материальным положением своей семьи, еще 40% респондентов скорее не удовлетворены чем удовлетворены, что в сумме составляет 65%.

Помимо удовлетворенности материальным положением семьи, респонденты отвечали на вопросы об удовлетворенности работой, образованием, жизнью в целом. Удовлетворены жизнью в целом чуть более половины опрошенных: 10% – полностью и 41% скорее удовлетворены. Около трети респондентов выбрали вариант ответа «скорее не удовлетворен» и еще 6% – «полностью не удовлетворен».

Обратим внимание на существенные различия в удовлетворенности жизнью по возрасту (табл. 3). Удовлетворенных жизнью полностью или отчасти больше всего среди самых

молодых респондентов (61%), по остальным возрастным группам этот показатель не превышает 50%. Наибольшая доля выбравших вариант «полностью удовлетворен», – в группе сорокалетних (14%), наименьшая – среди тридцатилетних (5%). Как и следовало ожидать, самая большая доля (15%) ответивших, что полностью не удовлетворены жизнью, приходится на старшие возрастные группы.

Таблица 3

**Удовлетворенность жизнью в целом (по возрасту)
(% от опрошенных)**

Насколько Вы удовлетворены жизнью в целом?	Возраст, лет					
	До 23	От 24 до 30	От 31 до 40	От 41 до 50	От 51 до 60	Старше 60
Полностью удовлетворен	10,8	10,2	4,8	13,6	5,0	2,6
Скорее удовлетворен	50,0	36,7	41,9	36,4	40,0	34,2
Скорее не удовлетворен	28,4	32,7	33,9	33,0	27,5	42,1
Полностью не удовлетворен	1,0	4,1	6,5	6,8	15,0	15,8
Затрудняюсь ответить	9,8	16,3	12,9	10,2	12,5	5,3

Дифференциация степени удовлетворенности жизнью по возрасту объясняется следующими основными причинами. Во-первых, низким уровнем доходов (особенно пенсий и пособий), что ведет к более низкому уровню жизни лиц старших возрастов по сравнению с тем, который был у них раньше, до 1990-х годов. Во-вторых, неприятием ими политических и социальных перемен, приведших к изменению их образа жизни. В-третьих, меньшим социальным опытом, а также сравнительной приспособленностью молодежи к ставшим привычным для нее чертам образа жизни, вызывающим неприятие и протест у лиц старших возрастов. Однако именно молодежь составляет ту возрастную группу, которая обладает наибольшим социальным оптимизмом.

Молодежь настроена гораздо оптимистичнее лиц старших возрастов (табл. 4). Чем моложе калининградцы, тем выше

Калининградский социум в европейском измерении

число надеющихся, что успехи регионального социально-экономического развития позволят стать им состоятельными людьми или по меньшей мере людьми среднего достатка. Население же старше 50 лет, и особенно старше 60 лет, дает неутешительные прогнозы относительно собственного благосостояния.

Таблица 4

**Оценка отражения развития региона на личном благосостоянии
в зависимости от возраста респондента (% от опрошенных)**

Возраст, лет	Выберите суждение, которое, по Вашему мнению, отражает то, как развитие региона может сказаться на Вашем благосостоянии				
	Шансы стать				Затруд- няюсь ответить
	состоятельным человеком	человеком среднего достатка	бедным	очень бедным	
До 23	32,7	42,6	7,9	1,0	15,8
От 24 до 30	16,3	34,7	8,2	2,0	38,8
От 31 до 40	12,9	35,5	14,5	6,5	30,6
От 41 до 50	13,6	36,4	15,9	6,8	27,3
От 51 до 60	5,0	22,5	22,5	10,0	40,0
Старше 60	2,6	7,9	36,8	18,4	34,2
Вся выборка	16,8	33,4	15,5	6,1	28,2

Различия в ответах на вопросы, которые давали респонденты разных возрастов существенны, но это касается не всех вопросов. То есть в определенных сферах деятельности имеются некие базовые установки, на которые возраст не оказывает определяющего влияния. Приведем следующий пример. Обеспокоенность эксклавым положением области с возрас-

том увеличивается. Но видеть область независимым государством хотела бы почти одинаковая доля лиц любого возраста (табл. 5).

Таблица 5

Доля респондентов, давших соответствующий ответ
на поставленный вопрос (% от опрошенных)

Вопрос	Возраст					
	До 23	От 24 до 30	От 31 до 40	От 41 до 50	От 51 до 60	Старше 60
<i>Насколько Вас беспокоит или не беспокоит эксклавное положение региона?</i>						
Совершенно не беспокоит	18,6	20,4	17,7	10,2	5,0	10,5
<i>Какой по статусу Вы бы хотели в будущем видеть Калининградскую область?</i>						
Независимым государством	12,9	10,2	9,7	11,4	10,0	10,8

Выявлены значительные отличия в ответах переселенцев 1990-х годов по сравнению с ранее прибывшими и уроженцами Калининградской области. Есть свои особенности в ответах лиц с разным уровнем образования.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет выявленная пространственная специфика социума. Конечно, то что существуют различия в мнениях населения Калининграда, малых городов, сельских населенных пунктов, можно было предположить заранее. Но то что они *настолько и так* различаются, выявилось только в ходе обработки материалов.

Различия между селом и городом больше, чем между большим городом – Калининградом и малыми (остальными) городами области. Но и эти последние также существенны. Данные таблицы 6 показывают дифференциацию населения трех типов населенных пунктов по уровню доходов, намного более низких в сельской местности.

Таблица 6

Распределение населения Калининграда, малых городов и сельских поселений по уровню душевых доходов, в % к итогу

Уровень дохода на одного члена семьи в месяц, руб.	Населенный пункт (тип)		
	Калининград	Малый город	Село
До 400	2,8	2,2	5,3
400 – 800	13,7	6,5	22,7
800 – 1200	16,5	37,0	26,7
1200 – 2000	21,2	30,4	25,3
2000 – 5000	27,4	8,7	17,3
5000 – 10000	4,7	4,3	2,7
Свыше 10000 руб.	0,9	1,1	0,0
Затрудняюсь ответить	12,7	9,8	0,0
Всего	100,0	100,0	100,0

Не менее показательна и дифференциация населения Калининграда, малых городов и сельских поселений по источникам средств существования (табл. 7).

Таблица 7

Основной источник средств к существованию по типам населенных пунктов, в % к итогу

Основной источник средств существования	Населенный пункт (тип)		
	Калининград	Малый город	Село
Зарплата по одному месту работы	50,5	53,9	69,3
Зарплата по нескольким местам работы	9,9	7,7	5,3
Пенсия, пособие	14,2	14,3	9,3
Стипендия	8,0	8,8	5,3
Доходы от бизнеса	10,4	8,8	5,3
Доходы от сдачи в аренду недвижимости, имущества	2,8	1,1	1,3
Другое	0,5	1,1	1,3
Затрудняюсь ответить	3,8	4,4	2,7
Всего	100,0	100,0	100,0

Сельские жители среди населения трех типов поселений в наибольшей мере ощущают себя жителями Калининградской области и в наименьшей – конкретного населенного пункта (табл. 8). Однако если сложить два первых ответа вместе (населенный пункт + область), то в сумме положительных ответов лидируют жители малых городов (70%), затем идет сельское население – 67% и лишь потом – жители областного центра (53%). То есть в малых городах наиболее активно формируется осознание принадлежности к региону, и можно предположить, что именно здесь процесс формирования калининградского социума развивается наиболее успешно.

Таблица 8

**Дифференциация ответов на вопрос о принадлежности
к социально-территориальным общностям
в зависимости от типа поселения, %**

Принадлежность к какой из следующих географических групп Вы ощущаете в первую очередь?	Населенный пункт (тип)		
	Калининград	Малый город	Село
Я в первую очередь ощущаю свою принадлежность к общности жителей той местности, города, села, где живу сейчас.			
Я – калининградец (черняховец)...	35,8	30,1	24,7
Я – житель Калининградской области	17,9	39,8	42,4
Я – россиянин	30,2	15,1	21,9
Я – европеец	3,3	2,1	1,4
Я – гражданин мира	8,5	4,2	4,1
Затрудняюсь ответить	4,2	8,6	5,5

По результатам обследования можно сделать вывод, что самая стабильная, устойчивая территориальная часть калининградского социума – жители малых городов. А именно малым городам почти не уделяется внимание при разработках региональных стратегий. Калининград учитывается, село – тоже. А малые города оказываются в центре внимания только при ка-

Калининградский социум в европейском измерении

ких-то чрезвычайных обстоятельствах, таких, как остановка градообразующего предприятия или закрытие единственной в городе бани.

В завершение обзора результатов социологического обследования отметим существенные различия между жителями Калининградской области и России в целом, выявленные в ходе анализа полученных материалов. Речь идет о дифференциации ответов на вопрос о принадлежности к той или иной социально-территориальной общности – от локальной (город, село) до глобальной (мир как целое). Соответствующие данные приведены в таблице 9.

Таблица 9

**Дифференциация ответов на вопрос
о принадлежности к социально-территориальным общностям
в Калининградской области и России в целом, %**

Место проведения опроса	Локальная общность (город, местность)	Регион (область)	Страна как целое	Европа	Мир как целое	Не знаю
Калининградская область, 2001 г.	32,2	28,0	24,6	2,6	6,6	5,5
Россия, 1994 г.	17,0	17,0	49,0	2,0	11,0	4,0

Несмотря на очевидную несформированность калининградского социума, полученные ответы на сформулированный выше вопрос идентифицируют население области с регионом и населенным пунктом гораздо четче, чем в большинстве других российских регионов. Но это происходит, видимо, потому, что эксклавное положение области отделяет ее от остальной России. И такая самоидентификация калининградцев создает серьезную предпосылку формирования в регионе социально-территориальной общности. В связи с этим актуализируется задача определения региональной идеи, которая могла бы консолидировать и стабилизировать калининградский социум.

**Эксклавное положение Калининградской области
как фактор развития социума**

Какими стали условия формирования калининградского социума после распада СССР? Быстрее или медленнее сейчас идут в регионе процессы установления устойчивых социальных связей, становления идентичности населения? Ведут эти процессы к усилению сепаратизма или, наоборот, к еще большей ориентации на Россию?

В течение 1990-х годов мы пытаемся отследить, насколько это возможно, развитие калининградского социума⁹. Соответствующие рекомендации направлялись областным органам власти. Однако острота проблемы и законодательными, и исполнительными управленческими структурами осознана все еще недостаточно. Глубина социального кризиса затушевывается необъективными оценками прожиточного минимума, безработицы, темпов экономического роста. Пассивность населения, не имеющего опоры в виде таких присущих демократическому обществу структур, как партии, профсоюзы и общественные организации, и потому почти прекратившего забастовочную и иную борьбу за улучшение условий труда и жизни, не стимулирует развитие исследований социальной структуры общества.

Однако актуальность исследований калининградского социума возрастает. Помимо общих для страны факторов социальной и этнической дифференциации, этому способствует целый ряд факторов, которые и сами по себе изучены недостаточно или односторонне. Среди них – эксклавность региона, его соседство с зарубежными странами, интеграционные процессы в Европе, приток переселенцев из стран ближнего зару-

⁹ См.: *Калининградская область: диагностика кризиса*. Калининград – Гренобль – Москва, 1998, 2000; *Клемешев А., Люейер П., Федоров Г.* Управление региональным развитием. Калининград, 1999; *Бильчак В., Самсон И., Федоров Г.* Калининградский полюс интеграции. Гренобль – Калининград, 2000.

бежъя, резкое изменение структуры экономики, особая развитость теневого сектора, обострение проблем наркомании и алкоголизма, СПИДа и других социально обусловленных болезней, преступности.

Предстоящее превращение Калининградской области в анклав внутри расширяющегося Европейского Союза, каковой она станет после скорого вхождения в ЕС Польши (уже являющейся членом НАТО) и затем Литвы (которая также намерена войти и в НАТО), может иметь следствием увеличение разрыва в уровне жизни населения региона по сравнению с соседями. При определенных условиях это приведет и к усилению визового режима на границах области, восстановлению здесь (как и в целом на западных границах России) нового «бархатного» занавеса, о котором уже говорят некоторые западные, а вслед за ними и отечественные политологи, социологи и геополитики.

То что Калининградская область стала пространственно изолированным от основной части страны эксклавом в центре Европы, безусловно, способствует упрочению социальных связей внутри региона и повышению устойчивости социума. Однако можно ли позитивно оценить подобную устойчивость? Так, все меньше калининградской молодежи продолжает образование в вузах Москвы и Санкт-Петербурга, не говоря уже о других российских образовательных центрах. И, наоборот, лишь немногие теперь приезжают учиться из других российских регионов в Калининград. Связи в сфере образования все более замыкаются на регион.

Гораздо менее частыми стали поездки жителей области к родственникам за ее пределы, и наоборот. Более того, уменьшился и обмен письмами и открытками. Это также фактор обособления социума. Отметим, что другим следствием является меньшая приживаемость мигрантов из других российских регионов, значительный отток населения в «материковую» Россию. Число прибывающих в Калининградскую область из российских областей и республик сейчас лишь ненамного пре-

восходит число выбывающих, и положительное сальдо миграции в размере 4 – 5 тыс. человек в 1999 и в 2000 годах обеспечивается за счет переселенцев из ближнего зарубежья.

Важным фактором сохранения единого культурного и информационного пространства в пределах России являются средства массовой информации. Если на телевидении преобладают московские каналы, то центральное радио, и особенно газеты, утратили свое влияние. Правда, ряд центральных изданий отчасти восстановили свою роль благодаря региональным вкладышам, но все-таки регионализация средств массовой информации весьма значительна.

Отмеченные выше факторы способствуют консолидации калининградского социума. Однако имеются и такие, которые действуют в другом направлении. Прежде всего, речь идет о том, что в 1990-е годы уменьшилась доля коренных уроженцев области в составе ее населения вследствие снижения уровня рождаемости в регионе и благодаря интенсивному притоку переселенцев. Кроме того, прежние районы выхода мигрантов – преимущественно российские области – утратили свою роль основных поставщиков переселенцев. Примерно столько же теперь прибывает мигрантов из стран ближнего зарубежья, причем их приживаемость более высока (поскольку им труднее вернуться на прежнее место жительства).

Приток мигрантов играет положительную роль в экономическом развитии региона. Но с точки зрения устойчивости социума его роль негативна. Отличия калининградского социума от других российских социумов возрастают, но устойчивость уменьшается.

Областным властям следовало бы, на наш взгляд, обратить более пристальное внимание на процессы формирования устойчивого социума в регионе, чтобы активизировать региональную культурную, социальную и даже экономическую политику. Сейчас эксклавная Калининградская область не только испытывает экономические трудности, о которых так много пишет пресса и которым уделяет внимание федеральное пра-

вительство и даже соседние страны и Евросоюз в связи с его расширением на восток. Наблюдающаяся фрагментация социума, уменьшение его устойчивости потенциально являются факторами, которые, при ухудшении экономических условий, могут способствовать дестабилизации обстановки в регионе. Не исключен, при определенных условиях, и рост сепаратистских настроений, что, с учетом геополитического положения области, ее скорого окружения странами ЕС и стремления Литвы к вступлению в НАТО, можно расценивать особенно отрицательно.

Характерной психологической чертой большинства калининградцев является их постоянная и растущая озабоченность эксклавным положением региона. При отсутствии четко сформулированной федеральной стратегии по отношению к области, повторяющиеся декларации о том, что регион является неотъемлемой частью Российской Федерации (никем всерьез не оспариваемые) не играют надлежащей роли в стабилизации общественного мнения. Наоборот, отрицательно сказываются постоянные отмены федеральным Центром тех или иных положений жизненно важного для региона статуса Особой экономической зоны. Хотя льготы, в конце концов, большей частью восстанавливаются, но отсутствие стабильности отрицательно сказывается на предпринимательской деятельности, и особенно на инвестиционной активности в регионе.

Важную роль в оценке населением своего уровня жизни играет его сопоставление с соседними странами. Калининградская область существенно уступает уровню жизни населения соседних Литвы и Польши. В пересчете по официальному обменному курсу средняя зарплата в Калининградской области в августе 2001 года была всего 100 долларов, тогда как в Литве в 2000 году – 274 доллара. В Польше в 1999 году среднемесячная зарплата составляла 463 доллара. Возможно, покупательная способность рубля в действительности несколько выше (из-за более высоких расходов на жилье и коммунальные услуги в Польше и Литве, различий в налогообложении и

др.), однако серьезное отставание Калининградской области в уровне жизни нельзя отрицать. Так, на среднемесячную зарплату калининградцев можно купить продуктов питания (в зависимости от вида) в 1,5 – 3 раза меньше, чем на среднюю зарплату в Литве. Уровень безработицы по классификации Международной организации труда в Калининградской области в конце 2000 года составил 15,7%, тогда как в Литве – 11,5%, а в Польше (в июне 1999 г.) – 11,6%.

В то же время отставание области по показателям ВВП (ВРП) в расчете на душу населения не столь велико. Многое зависит не только от производства, но и распределения ВРП, экспорта и импорта капитала, от доли заработной платы в структуре себестоимости продукции и нормы прибыли, от глубины социальной дифференциации населения. Если нынешние процессы усиления социального неравенства в регионе будут развиваться, то даже при росте количественных показателей производства продукции и увеличении ВРП социальное положение основной части населения области будет ухудшаться. В этот процесс необходимо государственное вмешательство, направленное на повышение уровня жизни населения, улучшение его качества и сглаживание социальных различий.

Усиление поддержки Польши и Литвы Евросоюзом в связи с подготовкой их к вступлению в ЕС, по мнению экспертов, ускорит социально-экономическое развитие соседних с областью стран. Разрыв в уровне жизни Калининградской области с соседями может возрасти, и социальная напряженность в регионе усилится. Этот фактор является дополнительным доводом к тому, чтобы внимание к решению проблем регионального развития со стороны федерального Центра возросло, и была разработана стратегия, не допускающая отставания области в развитии от соседей.

Изменения геополитического положения Калининградской области, в связи с вхождением в ЕС Польши и Литвы, могут сказаться на ее экономике, только начавшей выходить из кри-

зиса. И тогда в центре процветающей Европы возникнет кризисный регион, вносящий нежелательную нестабильность.

К. Велман, как и ряд других зарубежных исследователей, к регионам потенциальных конфликтов относит Калининградскую область¹⁰. Хотя, по нашему мнению, на Балтике имеется целый ряд регионов, где опасность таких конфликтов намного выше (и где конфликты уже существуют; в частности, речь идет о положении русских в странах Прибалтики). Если не создавать конфликты искусственно, не освещать ситуацию односторонне негативно, Калининградская область, как показывает весь опыт ее развития, – достаточно безопасный в отношении конфликтогенности регион.

Реальную угрозу представляет собой превращение области в депрессивную территорию. Однако возможности предотвращения такой нежелательной перспективы развития имеются. Более того, есть все предпосылки для ускоренного развития области путем превращения ее в регион взаимовыгодного сотрудничества РФ и ЕС (но не гуманитарной помощи со стороны ЕС). Возможное отставание в темпах развития от соседних регионов крайне нежелательно и для властей Калининградской области и для федерального Центра. Поэтому необходима разработка стратегии ускоренного роста экономики области.

В зависимости от того, какие аспекты изменений геополитического положения области – негативные или позитивные – будут преобладать, социально-экономическая ситуация в регионе может или еще более усложниться, или область получит дополнительный стимул к развитию.

Анализ материалов, связанных с рассмотрением проблем расширения ЕС, взаимоотношений ЕС и России, перспектив развития Калининградской области РФ в новых условиях, позволяет выделить несколько концептуальных моделей изменения положения Калининградской области в процессе взаимодействия расширяющегося Евросоюза и Российской Федерации.

¹⁰ См.: *Регион сотрудничества*. Вып. 13.

Первая модель может быть названа моделью «избыточных ожиданий». Она является очень желательной для многих (но не для всех) калининградцев, порождая специфическую мифологию, но в плане практической реализации ее следует признать неосуществимой. В основе этой модели в явной или неявной форме лежит тезис о возможности более или менее автономного процесса интеграции Калининградской области в ЕС. В качестве важнейших элементов этой концепции рассматриваются следующие положения, касающиеся участия Калининградской области в различных видах интеграционных объединений ЕС.

Во-первых, до сих пор обсуждается возможность создания безвизового режима (для калининградцев – при посещении стран ЕС и для граждан стран ЕС – при посещении Калининградской области). Российская сторона настолько либерализовала доступ граждан стран ЕС на территорию области, что (хотя и в порядке эксперимента) возможно получение виз на границе. Но ответных шагов не наблюдается, более того, нынешний безвизовый режим для посещения Польши и Литвы скоро будет отменен. Наши партнеры сейчас практически перестали говорить о возможностях не только расширения, но и сохранения нынешних условий; говорится лишь о долгосрочных и дешевых визах для жителей Калининградской области.

Во-вторых, речь идет о зоне свободной торговли, когда субъекты-участники отменяют таможенные барьеры во взаимной торговле. В действительности же, режим свободной, а затем Особой экономической зоны в одностороннем порядке отменил таможенные барьеры для импорта в Калининградскую область. Однако ответные шаги со стороны стран ЕС не последовали, и доступ калининградским товарам на территорию стран ЕС затруднен в той же мере, в какой и для товаров, произведенных в других российских регионах.

В-третьих, высказываются надежды на то, что на Калининградскую область в той или иной форме может быть распространено действие специфических программ ЕС, ориентированных на развития производственной и социальной инфра-

структур. Речь идет о программе PHARE, проектах создания системы «критских» транспортных коридоров и Балтийского энергетического кольца, поддержки «еврорегионов» и др. Здесь прогресс может быть достигнут, но для этого необходимо, прежде всего, добиться финансирования проектов с российской стороны, так как реализация подобных проектов предусматривает финансовое участие всех заинтересованных сторон.

В-четвертых, много говорится о Калининградской области как «пилотном регионе» сотрудничества РФ и ЕС в том смысле, что здесь могут отрабатываться отдельные, наиболее важные элементы будущих механизмов взаимодействия, которые впоследствии, при их позитивной оценке, стали бы применяться во взаимоотношениях РФ и ЕС в целом. Эта идея, на наш взгляд, заслуживает внимания, однако возможности ее использования требуют большого предварительного анализа.

В действительности, благодаря механизму ОЭЗ, область уже сейчас является «пилотным» регионом (правда, применительно не только к ЕС, но и к любым зарубежным странам). Следствия апробации зонального механизма для экономики области столь значительны, что вне зависимости от положительной или отрицательной оценки ОЭЗ отмена этого механизма потребовала бы сейчас новой коренной перестройки хозяйственного комплекса области. Так что апробация новаций (например, предлагаемое некоторыми использование стандартов ЕС в регионе) должна быть, во всяком случае, очень хорошо обоснована с точки зрения экономических, а также, не в меньшей мере, экологических, социальных и политических следствий. Иначе вместо «пилотного» может образоваться «подопытный» регион.

Наконец, имеются предложения о еще более полномасштабной интеграции, ассоциации Калининградской области с ЕС, создании общего рынка, когда ликвидируются барьеры не только во взаимной торговле, но и для перемещения рабочей силы и капитала, разрешается использование валюты «евро» на территории области и пр. Но для этого, во всяком случае, потребовалось бы более значительное, чем сейчас, обособле-

ние области от основной части Российской Федерации. Такого рода модель не может быть реализована без пересмотра нынешнего политико-правового статуса Калининградской области, что в обозримом будущем представляется крайне маловероятным. В связи с этим в послании Комитета ЕС Совету министров ЕС «ЕС и Калининградская область» указывается: «Это повлекло бы за собой целый ряд политических и правовых вопросов помимо того факта, что Россия вряд ли предоставит Калининграду необходимую степень автономности».

Эту последнюю позицию порой пытаются представить в более «слабом» варианте, когда внимание акцентируется на осуществлении определенных шагов Евросоюзом в отношении Калининградской области, но без рассмотрения вопроса о ее статусе. Реализация данного варианта также представляется маловероятной, так как у ЕС сложилось устойчивое представление о том, что в современной России не может быть достаточно стабильного политического курса вообще и в отношении Калининградской области в частности. Предполагается, что в настоящее время политические и экономические риски здесь слишком велики.

Вторая базовая модель изменения положения Калининградской области в процессе взаимодействия расширяющегося ЕС и России достаточно подробно представлена в цитированном выше послании Комиссии ЕС. Концептуальной основой этой модели является положение о том, что Калининградская область должна принимать участие в тех интеграционных процессах, которые получают развитие в ходе взаимодействия между ЕС и Россией. Представители ЕС признают особенности Калининградской области, но при этом не абсолютизируют их, часто ссылаясь на тот или иной положительный опыт сотрудничества с регионами Северо-Запада России (Санкт-Петербург, Новгород).

Вероятность практической реализации модели весьма велика, если рассматривать ее в качестве первого этапа на пути превращения Калининградской области в регион со-

трудничества между Россией и ЕС. Сама модель предполагает перспективу второго этапа.

Так, ЕС обращает внимание на возможности, которые предоставляет «общий базис» (*acquis*) как в плане временных рамок и порядка введения государствами-кандидатами в члены ЕС тех или иных мер, так и в плане признания возможности особых договоренностей России с этими государствами, признание и возможность поддержки политики ЕС в сфере «малого приграничного движения» (*small border traffic*) и т.д. Но перспектива второго этапа станет реальнее, если будут решены задачи первого этапа.

Во-первых, следует совместно с ЕС эффективно решить те конкретные вопросы, которые поставлены в послании Комиссии ЕС. Это является первым необходимым условием для формирования готовности ЕС для более радикальных шагов, направленных на превращение Калининградской области в регион сотрудничества между Россией и ЕС.

Вторым необходимым условием является как наличие ясной позиции федерального Центра, касающейся стратегии развития Калининградской области, так и своевременное выделение определенных финансовых ресурсов для реализации такой стратегии. При этом последняя должна быть достаточно реалистичной, учитывающей и будущие изменения, в частности вступление России в ВТО. Хотя и имеется Концепция федеральной социально-экономической политики по отношению к области, но насколько она долгосрочна и реализуема, пока неясно. С одной стороны, речь идет об усилении роли области во внешнеэкономических связях страны, с другой – о ее стратегическом значении для национальных интересов России. В проекте изменений и дополнений в Федеральный закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области», подготовленном Калининградской областной Думой, механизм ОЭЗ рассматривается как стимул регионального развития, и, одновременно, как компенсация «негативного воздействия факторов, связанных с геоэкономическим положением области».

Один из важных факторов регионального развития – это развитая система подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в регионе, наличие уже подготовленных работников достаточно высокой квалификации, в настоящее время не всегда имеющих возможность ее реализовать. Другой фактор – более развитая по сравнению с большинством российских регионов рыночная инфраструктура и рыночно ориентированный менталитет большей части населения, налаженные связи с зарубежными партнерами и возможности использования как российского, так и западного опыта. Все это, наряду с доступом на обширный российский рынок (рынок товаров, услуг, рабочей силы, капитала), создает реальные предпосылки для реализации стратегии сотрудничества и превращения области в «пилотный регион» сотрудничества по целому ряду направлений, способствующих интеграции РФ и ЕС в новую форму экономического (а возможно, и социально-культурного) сообщества.

Н.В. АНДРЕЙЧУК, Л.М. ГАВРИЛИНА

**ИНКУЛЬТУРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ КАЛИНИНГРАДСКОГО СОЦИУМА**

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.

Н. Заболоцкий.

Процесс вхождения индивида в конкретную культуру, освоение присущих ей форм и способов миропонимания и поведения, обретение когнитивного, эмоционального и поведенческого сходства с представителями данной культуры в отличие от представителей других культур осуществляется в процессе инкультурации. Инкультурация как бы «дополняет» процесс социализации индивида, является его со-

ставляющей. Социализация индивида есть процесс его вхождения в человеческое общество, приобретение им опыта, необходимого для исполнения социальных ролей. Она осуществляется в специализированных институтах социализации, но не охватывает все процессы усвоения когнитивных аспектов культуры (ценности, верования, знания и т.п.). Инкультурация же во многом есть процесс научения без специального обучения, она начинается с момента рождения, а заканчивается с уходом человека из жизни. Процесс инкультурации включает и адаптацию индивида к новым культурным условиям, культурным изменениям, и механизмы, с помощью которых этническая, национальная группа «передаёт себя по наследству», транслирует свои культурные стереотипы. (Термин «инкультурация» не тождествен термину «аккультурация», обозначающему, как правило, процесс вхождения индивида в новую для него культуру.)

В этом контексте весьма целесообразно обратиться к проблемам региональной культуры как инварианта бытия культуры национальной. Очевидно, что в условиях Калининградской области эти проблемы имеют особое значение. Региональная культура – это локализованный в пространстве и времени вариант национальной культуры, обладающий целым рядом особенностей, связанных с природно-климатическими и историческими условиями, хозяйственно-экономическим укладом, этнокультурной спецификой и социально-демографическими процессами. Региональные культуры являются составной частью культуры национальной, обладая всем комплексом её базовых характеристик и одновременно выявленной местной спецификой. Спектр оценок культурной ситуации в Калининградском регионе чрезвычайно широк: от отрицания какого-либо своеобразия вообще до утверждения того, что здесь сформировалась особая «калининградская нация». Как это часто бывает, крайности всегда однобоки. Большинство исследователей придерживаются принципа «золотой середины», считая культуру Калининградской области региональным вариантом русской

российской культуры с яркой спецификой, обусловленной рядом объективных факторов¹.

Географические и геополитические факторы. Калининградская область это полуанклав (область имеет выход к морю) России в окружении других государств, удалённый от её «материковой» части и расположенный почти в центре Европы. Это обуславливает высокую интенсивность и плотность межкультурных коммуникаций и, напротив, затрудняет общение с собственным культурным «континентом», предопределяет известную оторванность от исторических корней собственной русской культуры.

Исторические факторы. Калининградская область находится на земле, где 700 лет развивалась немецкая культура, у русской культуры здесь нет исторических корней. Это обусловило сложный характер функционирования культурного организма. Представим структуру бытия культуры, воспользовавшись известной схемой М.С. Кагана², по которой культура предстаёт в виде системы с тремя модусами: человек – деятельность – предметный мир. Человеческая модальность позволяет рассматривать человека как носителя культуры (навыки мышления, чувствования, ценностные ориентации, стремления и т.д.). Процессуально-деятельностная модальность охватывает способы опредмечивания, распредмечивания и общения. В процессе общения и деятельности человек воплощает свою внутреннюю культуру в предметную среду. Предметная модальность обнимает всю сотворённую человеком «вторую природу». Она является воплощением человеческой модальности, сохраняет в предметном виде идеи, желания, умения человека. Каждая из модальностей перетекает в другую, сохраняя известную автономность. Процесс взаимодействия модальностей в обычных условиях можно представить в виде спирали с треугольным сечением. В послевоенном Кенигсберге процесс взаимодействия модальностей культуры был нару-

¹ См.: *Вестник Балтийского научного центра*. Калининград, 1996. №1(6).

² См.: *Каган М.С. Эстетика как философская наука*. СПб., 1997. С. 95 – 107.

шен. Переселенцы принесли с собой внутреннюю культуру – русскую, советскую. Здесь они столкнулись с внешней культурой – немецкой. Человеческая и тесно связанная с ней процессуально-деятельностная модальность оказались оторванными от предметной, которая хранила на себе отпечаток человеческой модальности иной культуры. Это сразу сделало невозможным их гармоническое взаимодействие. Диалог культур начался с конфликта, который был продолжением войны иными средствами.

Со временем произошла некоторая адаптация трёх модальностей культуры друг к другу. С одной стороны, претерпела значительные изменения предметная модальность, приспособленная к потребностям, желаниям, умениям новых жителей. С другой стороны, нельзя отрицать и определённого воздействия предметной среды на человеческую и процессуальную модальности. После долгого периода противостояния и борьбы можно с осторожностью говорить о восстановлении механизма функционирования культурной системы. Мы перестали делать вид, что история Калининграда началась в 1945 году, изучаем историю и культуру земли, на которой живём, перестали уничтожать памятники чужой истории и даже восстанавливаем, вовлекая их в жизнь собственной культуры, наполняя новым культурным содержанием. Для уроженцев этой области земля стала по-настоящему родной, а шпили готических зданий и высокие абрисы кровель, липовые аллеи вдоль дорог – её знаковыми приметами.

Этнокультурная ситуация в области также отличается своеобразием. Ей присуща аморфность, связанная с интенсивностью внутрикультурных контактов. Население области было сформировано в послевоенные годы из переселенцев, прибывших из разных областей России, Белоруссии, Украины и принесших с собой колорит различных местных традиций, говоров, обрядов, разный опыт хозяйственной деятельности. Здесь, на небольшой территории области, происходил неизбежный процесс смешения культурных традиций, приводивший к упрощению и нивелировке этнокультурного своеобра-

зия отдельных групп переселенцев. К тому же сказались неизбежные для любых миграций и переселений утраты элементов бытовой культуры. Сегодня ситуация динамично развивается в связи с новым большим миграционным притоком населения из Казахстана, Средней Азии, других регионов СНГ и России, что приводит к известному увеличению этнокультурной гетерогенности при сохранении общей тенденции к аморфизации национальной идентичности.

Современная социокультурная реальность Калининградской области такова, что, на наш взгляд, позволяет допустить в качестве гипотезы возможность формирования здесь особой этнической общности. Во всяком случае, мы полагаем уместным использовать в этом контексте термин «этнокультурный феномен».

В этнокультурном феномене в полном объёме реализуются два типа связей: **человек – культура** и **культура – человек**: «переселенец» сотворил и творит культуру Калининградского региона, она же, в свою очередь, «творит» личность жителя области. Адекватное понимание процессов социализации и инкультурации индивида в условиях Калининградского региона вряд ли возможно без определённого осмысления складывающегося здесь этнокультурного феномена. При этом весьма плодотворными представляются подходы, развиваемые в рамках этнопсихологии – новой междисциплинарной области знания, активное становление которой происходит на стыке социальной психологии, культурологии, культурной антропологии, социальной философии и социологии, о чём свидетельствует ряд работ, появившихся в последние годы³.

В рамках этнопсихологии стержневым для понимания этноса является обращение к анализу культурно-психологических аспектов этнической идентичности, её детерминирующего влияния на развитие личности в той или иной этнокультурной

³ См., к примеру: *Бороноев А.О., Павленко В.Н.* Этническая психология. СПб., 1994; *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1998; *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 1999 и др.

среде. При этом справедливо отмечается, что традиционное выделение известных географических, исторических, экономических, культурных характеристик в качестве этнодифференцирующих признаков не совсем удачно, к тому же неуклонно сокращается в связи с унификацией культуры. В качестве этнодифференцирующих и этноконсолидирующих критериев, на которых строится осознание этнической принадлежности, предлагается рассматривать не столько объективные отличия культурных характеристик и элементов, сколько их субъективные восприятия и оценки в качестве таковых членами этнической общности.

В этом контексте наиболее «работающими» нам представляются дефиниции, предлагаемые Т.Г. Стефаненко: «Этническая общность – это прежде всего общность представлений о каких-либо признаках, а не сама по себе культурная отличительность... Можно определить этнос как устойчивую в своём существовании группу людей, осознающих себя её членами на основе любых признаков, воспринимаемых как этнодифференцирующие»⁴.

Осознание своей принадлежности к этнической общности, самокатегоризация в качестве её представителей сопровождаются частичной деперсонификацией самовосприятия и реализуются в появлении чувства, оценки: «Мы» (свои, похожие друг на друга) и «Они» (чужие, иные, другие). Пристрастность, стереотипизированность, эмоциональность подобных представлений, возможно, позволяют сомневаться в их истинности, но отнюдь не препятствуют самоидентификации членов этнической общности и эффективному опознанию их представителями других общностей. В сегодняшнем неопределённо сложном мире именно этническая идентичность, детерминируемая самоидентификацией, обуславливает известную стабильность этнических общностей и межэтнические отношения.

Очевидно, что данный подход не свободен от недостатков и уязвим для критики, но он позволяет обратиться к изучению явления, онтологически уже оформившегося, получившего

⁴ Стефаненко Т.Г. Указ. соч. С. 32.

беллетризированное отражение. К примеру, А.Н. Попадин описывает фигуру «условного калининградца», который любит подчёркивать свою непохожесть на других жителей России и с удовольствием слушает, как это же отмечают некалининградцы⁵. Нам представляется, что непосредственным предметом изучения должен стать менталитет, который складывается в процессе структурирования этнокультурного феномена и является его качественной характеристикой.

Термин «менталитет», «ментальность» в последние годы широко используется в специальной литературе, вошёл он и в обывденную лексику. Появились и научные дефиниции этого термина, в которых подчёркивается его культурно-психологическое содержание. Менталитет рассматривается как «обобщённое понятие, отчасти образно-метафорическое, политико-публицистическое, обозначающее в широком смысле совокупность и специфическую форму организации, своеобразный склад психических свойств и качеств, особенностей и проявлений»⁶. Или: менталитет есть «общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создаёт картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества... Восприятие мира формируется в глубинах подсознания. Следовательно, менталитет – то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о жизненном мире. Навыки осознания окружающего, мыслительные схемы, образные комплексы находят в менталитете своё культурное обнаружение»⁷.

Субъектами-носителями менталитета могут быть самые разные социальные общности и группы: национальные, этнические, региональные, политические и т.п., а также классы,

⁵ См.: Попадин А.Н. Местное время: прогулки по Калининграду. Калининград, 1998. С. 127.

⁶ Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 174.

⁷ Культурология: XX век: Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 2. С. 25. В этих же коннотациях менталитет трактуется и в словаре Современная западная философия. М., 1998. С. 249 – 252.

слои, страты и т.п. Концептуальным критерием ментального отличия является то, что они по-разному, «по-своему», осознают свою природную и социокультурную реальность, а также самих себя.

На основе всего вышеизложенного мы полагаем возможным понимать под этнокультурным феноменом некую этническую общность, складывающуюся в рамках определённой региональной культуры и характеризующуюся особым менталитетом. Этнокультурный феномен Калининградской области реализуется в формирующемся региональном менталитете, представляющем собой весьма полифоничное и «пёстрое», но одновременно достаточно целостное явление в неопределённо сложной российской реальности. Его содержательными характеристиками, в первую очередь подлежащими изучению, должны стать социальные представления (моральные, политические, правовые и т.п.) и самоидентификации (определения культурной идентичности), т.е. ментальные сознание и самосознание населения региона; причём как на уровне глобальной характеристики ментальности – её целостности, так и на уровне локальных характеристик ментальности, свойственных разным социальным группам внутри этнической общности.

Эмпирически для этого необходимы широкомасштабные, глубоко методологически и содержательно проработанные, достаточно финансово обеспеченные конкретно-социологические исследования. Их результаты в контексте кросс-культурного и типологического подходов должны быть сопоставлены с интегральными характеристиками российского менталитета как целого и характеристиками региональных менталитетов, прежде всего – Ленинградской области, учитывая определённое сходство наших регионов⁸.

⁸ Информационный массив для этого сопоставления имеется. Достаточно обратиться к таким изданиям, как: *Петербургжец. Этнонациональные аспекты массового сознания*. СПб., 1995; *Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики*. М., 1997; *Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк)*. М., 1996 и др.

Практическое значение таких исследований трудно переоценить. Они позволят доказательно, а не декларативно установить этнокультурную вариативность социализации и инкультурации личности в условиях Калининградской области, что представляется принципиально важным: при всей сложности процессов инкультурации их можно и должно корректировать, регулировать и в первую очередь – через создание региональной модели образования как главного канала трансляции культурных универсалий. В перспективе целесообразно осуществить гуманитарную экспертизу образования в регионе; методики таковой имеются⁹.

Перманентные, профессионально грамотные конкретно-социологические исследования позволят осуществлять мониторинг динамики массовых настроений в регионе, в которых весьма заметную роль играют достаточно агрессивные «русофильские» и «русофобские» тенденции. Последнее обстоятельство в немалой степени обусловлено уровнем маргинализации населения, который тоже должен стать предметом исследования. В целом изучение калининградского этнокультурного феномена должно позволить определить направленность «культурного дрейфа» региона и исключить в долгосрочной перспективе возможность его отрыва от «культурного материка» – России.

⁹ См., к примеру: *Братченко С.Л.* Введение в гуманитарную экспертизу образования (психологические аспекты). М, 1999.

Г.В. КРЕТИНИН

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ КАЛИНИНГРАДЦЕВ

Калининградская область является неотъемлемой частью России... Трудно найти политика, в той или иной степени занимающегося проблемами Балтийского региона, который не произносил бы подобных слов в различной их интерпретации. Российские политики, как правило, добавляют при этом, что область – не просто неотъемлемая часть, а один из обычных российских регионов. Навязчивое повторение таких фраз способно вызвать в обыденном сознании вопрос: политики убеждают в этом самих себя или проблема Калининградской области действительно существует?

Между тем в соответствии со статьей 65 Конституции Российской Федерации все предельно ясно: Калининградская область есть один из 89 регионов РФ¹. Столь жесткое законодательное регламентирование, однако, не устраняет существования определенной неоднородности страны в политическом, экономическом, культурном отношениях. Подобное хорошо видно на примере именно Калининградской области, которая значительно выделяется из общего ряда провинциальных регионов России. Причем не только своим территориальным расположением.

Особый характер области в политическом и экономическом плане признан и руководством страны, которое ведет по этим темам диалог с ЕС, Литвой и Польшей. Но, как уже отмечалось, «говоря о решении транспортных, визовых, энергетических и других проблем, мы часто забываем о духовной составляющей человеческого бытия. Речь идет, например, об идентичности...»².

¹ Конституция Российской Федерации. М., 2000. С. 18.

² Кретинин Г.В., Кретинина О.Г. Балтика – регион международного сотрудничества. Исторический опыт и идентичность калининградцев

* * *

Термин «идентичность» (от лат. *identicus* – тождественный, одинаковый) в российском лексиконе используется давно³. Однако с начала 90-х годов XX в. содержание термина начинает меняться и приобретать новый смысл. Прежнее понимание «идентичности» как «идентификации», т.е. отождествлении, на бытовом уровне чаще всего ассоциировалось с технико-математической или криминалистической терминологией. Теперь же все большее значение начинает приобретать его духовно-психологическая составляющая. Это естественно. Ведь тождество – это предельный случай отношения равенства. Но не может быть двух абсолютно одинаковых людей (даже проблема клонирования не позволяет утверждать это однозначно), тем более их групп или общности. В таком понимании, например, теряют смысл слова «идентичность россиян». Кому или чему должны быть тождественны россияне? Или калининградцы?

Попытку дать ответ на последние вопросы предприняли О. Карпухин и Э. Макаревич. В монографии, посвященной проблеме влияния на народные массы, формирования «массового» человека, они используют термин «самоидентификация», который заключается в понимании себя как целостности в процессе определения границ собственной культурной идентичности. Чаще всего процесс самоидентификации носит характер полного или частичного отождествления себя с той или иной культурой (массовой, классической, конфессиональной) или, наоборот, в случае возникновения субкультур (идентификация от обратного) осуществляется не по признаку общности, а как отторжение от сложившихся культурных норм⁴.

// Регион сотрудничества. Вып. 14: Формирование новой социально-экономической среды. Калининград, 2001. С. 8.

³ *Советский энциклопедический словарь*. М., 1981. С. 481.

⁴ См.: *Карпухин О.И., Макаревич Э.Ф.* Формирование масс: Природа общественных связей и технологии «паблик рилейшнз». Калининград, 2001. С. 518.

Однако самоидентификация или отождествление себя через ту или иную культуру оттесняет на второй план духовно-аналитическую составляющую, которую, на наш взгляд, и следует иметь в виду, когда речь идет о содержании сегоднешнего термина «идентичность». Этот термин все более и более входит в современную лексику, и впоследствии мы будем употреблять его без кавычек.

Логичным будет выглядеть, если дальнейшее рассуждение по интересующему нас вопросу мы продолжим с дефиниций. Учитывая, что современные российские словари не содержат комментарии на интересующую нас тему, мы вынуждены будем прийти к выводу, что понятийный аппарат в этом направлении не до конца совершенен. Таким образом, у исследователя, обращающегося к подобной проблеме, всегда есть возможность «отличиться», дать, с его точки зрения, исчерпывающее определение.

Перед нами не стоит задача исследования генезиса термина «идентичность». Это отдельная, самостоятельная тема. За последние годы она собрала обширную библиографию, но создается впечатление, что идентичность остается пока просто популярным термином. Он может использоваться, например, как сравнение: идентичность – цивилизационный код общества⁵.

Особый интерес представляет исследование проблемы «русская» или «российская» идентичность, выполненное в рамках доклада фонда «Реформа»⁶. Авторы исследования ведут речь соответственно об этнической и гражданско-государственной идентичности. Они задаются вопросом: как выглядит этническая идентичность русских, с точки зрения самих русских? Для ответа используются данные социологического опроса, проведенного другим фондом – фондом «Обще-

⁵ Бельчук А.И. Последняя великая иллюзия // Независимая газета (НГ). 2001. 8 июня.

⁶ «Русский фактор» в российской политике / НГ-Сценарии. 2001. №6. 14 июня.

ственное мнение». В соответствии с этими данными, основа русской идентичности носит, прежде всего, культурно-психологический и культурно-исторический характер, то есть люди ориентируются в первую очередь на субъективное ощущение «русскости» («любит Россию, считает ее своей Родиной», «любит русскую культуру», «считает себя русским», «говорит на русском языке»), а не на ее «объективные» (формализованные) признаки (наличие российского гражданства, запись в паспорте, русские родители).

Последний пример использования термина идентичности в исследовании национальных проблем приведен нами преднамеренно. На рубеже веков в калининградских СМИ активно ведется речь об «особом этносе». Исследования фонда «Реформа» могут быть использованы в этой дискуссии, но более подробно на этом вопросе мы остановимся несколько позже.

Итак, отечественная социология достаточно умозрительно использует термин «идентичность».

Между тем в региональном плане можно говорить об некоторых достижениях калининградцев. Например, еще в 1994 г. в одной из статей популярного в Калининграде в середине 90-х годов журнала «Запад России» появилась статья А. Попадина «Калининград: проблема идентичности»⁷. Автор статьи, проявив известную смелость, одним из первых в западном российском регионе постарался дать определение и комментарий к вновь зазвучавшему термину. Это было не научное определение, а краткий ответ на бытовой или «библейский вопрос»: *кто ты, откуда и куда идешь?*⁸

⁷ См.: Попадин А. Проблема идентичности // Запад России. Калининград, 1994. №2 (10). С. 106 – 117.

⁸ Попадин А. Указ. соч. С. 109. Кстати, нечто подобное, но только в гораздо более масштабном изложении, можно найти у З. Бжезинского, который ставит вопросы: «Что есть Россия? Где Россия? Что значит быть русским?» И еще: «Куда идет Россия и что есть Россия?» – См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1999. С. 118, 120.

Любое определение любого новатора подлежит критике. Это естественно, ибо дискуссия ведет к истине. Надо отдать должное А. Попадину, так как в отсутствии каких-либо теоретических наработок он решился «вызвать на себя огонь» критики, которой, впрочем, не последовало.

В его понимании идентичность может:

а) искаться, «обнаруживаться». «Она где-то есть, ее лишь надо найти, готовую. Действие заключается в поиске среди уже готовых рецептов и возможностей». Далее речь идет о полагающихся каждому человеку гражданско-государственных характеристик идентификационного характера (пол, национальность, место рождения, родители и т.д.);

б) создаваться или «строиться». Для нас наиболее привлекательны слова о том, что идет «культурно-историческое конструирование нового содержания [термина], определяющего особую специфичность индивида, региона, страны»⁹.

Как легко можно заметить, в статье А. Попадина речь идет о тех же самых идентичностных факторах, о которых говорилось в исследовании фонда «Реформа»: гражданско-государственном и этническом. Только этнический фактор у А. Попадина носит несколько другую нагрузку, связанную с особенностями региона: существованием здесь ранее представителей другого народа, оставившего после себя следы своей культурной деятельности, и появлением им на смену представителей различных республик, краев и областей СССР, а впоследствии и России.

Возвращаясь к определению идентичности, данного А. Попадиным, можно сделать вывод, что оно должно быть более полным, иметь понятийный аппарат, системность в обобщении. Например, в дефиниции «идентичность» можно совместить характеристики таких понятий, как менталитет и мировоззрение. На первый момент, пусть даже механически. Тогда идентичность, как вариант, будет представлена как *понятие, обозначающее совокупность и специфическую форму*

⁹ Попадин А. Указ. соч.

психических свойств и качеств, особенностей и проявлений, базирующихся на системе обобщенных взглядов на объективный мир и место человека в нем, на отношение людей к действительности и самим себе.

Нетрудно заметить, что подобное определение идентичности в целом согласуется с «библейским» определением А. Попадина. И действительно, вопрос «кто ты?» находит форму отражения через психические свойства и качества, особенности и проявления. Вопрос «откуда и куда идешь?» в полной мере связан с отношением людей к действительности и со своим местом в объективном мире.

Несмотря на то, что предложенное определение идентичности подлежит не только редакции, но и критике, мы считаем, что структурно такое определение имеет право на существование. В свою очередь, базируясь на основных тезисах определения идентичности, мы и будем строить наши дальнейшие рассуждения.

Завершая разговор о понятийном аппарате, нельзя не упомянуть о том, что известный английский психоаналитик Чарльз Райкрофт в 1968 г. опубликовал на русском языке «Критический словарь психоанализа», в котором дал свое, специфическое определение идентичности. Он считает, что это «чувство непрерывности своего бытия как сущности, отличной от всех других». В понимании Райкрофта «чувство идентичности, вероятно, является синонимом самосознания»¹⁰. Интересна его фраза, сообщающая информацию о зарождении современного понимания процесса поиска и приобретения идентичности: «Неясно, является ли поиск идентичности, которым озабочены многие американские авторы (середины 50-х годов XX в. — Г.К.), поиском роли или поиском углубленного самосознания»¹¹.

¹⁰ Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. СПб., 1995. С. 51, 52.

¹¹ См., напр.: Lund H.M. On Shame and the Search for Identity. London, 1958; Wheelis A. The Oquest for Identity. New York, 1958; Erikson E. Childhood and Society. New York, 1963.

* * *

Проблема идентичности калининградцев достаточно молода: ей всего десять лет, а вести речь о ней стали и того позже. Тогда, когда Калининградская область уже имела прочный статус российского эксклава¹² на Балтике. Однако если быть более точным, то в культурном отношении область оказалась эксклавом с момента своего образования в 1946 г. Территория с абсолютным большинством населения славянского происхождения, воспитанного в православных религиозных традициях, оказалась в польско-литовском культурном окружении с очень сильными католическими обычаями. Это был именно российский культурный эксклав. Поэтому истоки формирования идентичности калининградцев необходимо искать с момента заселения области.

Сам процесс заселения начался в августе 1946 г. Первыми его исследователями стали историки Калининградского государственного педагогического института, впоследствии университета, еще в 60 – 80 гг. XX в.¹³. Конечно, каких-либо материалов, позволяющих судить о психологическом состоянии переселенцев, воздействия на них чуждой материальной культуры, одним словом, того, что могло бы дать основания для утверждения о появлении первых, пусть неосознанных, ростков идентичности, в этих работах найти было сложно. Речь шла больше о количественных показателях процесса заселения области: сколько, когда и из каких областей приехало людей, какие льготы им предоставлялись, как росла численность населения и т.д.¹⁴

¹² Существует мнение, что термины «анклав» и «эксклав» представляют собой два близких географических понятия, обозначающих часть страны, находящуюся внутри иностранной территории или отделенную от ее основного пространства иностранной территорией. — См.: *Международная жизнь*. 1995. №6. С. 12.

¹³ См., напр.: *Колганова Э.М.* Заселение Калининградской области // *Ученые записки КГПИ*. 1962. №8; *Бирковский В.Г. и др.* История края (1945 – 1950). Калининград, 1984.

¹⁴ *Бирковский В.Г. и др.* Указ. соч. С. 54 – 58.

Духовные, психологические аспекты формирующегося сознания переселенцев были исследованы значительно позже. Ведущую роль в этом сыграл профессор Ю.В. Костяшов¹⁵. Так, он значительно расширил ареал выхода населения из республик и областей СССР. По данным прежних исследований, количество их определялось в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 9 июля 1946 г. «О первоочередных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства в Калининградской области». В этот процесс были вовлечены 20 областей РСФСР, 7 областей Белоруссии и 3 автономных республики. Впоследствии к ним добавилось еще 6 административно-территориальных образований¹⁶.

Исследования Ю.В. Костяшова позволяют говорить о том, что этих образований было, как минимум, в два раза больше. Дело в том, что помимо организованного планового переселения существовал неорганизованный, стихийный поток переселенцев в новую область¹⁷.

Как ранний, так и более поздний опыт говорит о том, что подобные неорганизованные переселенцы в своей основе яв-

¹⁵ См.: *Костяшов Ю.В.* Заселение Калининградской области после второй мировой войны // *Гуманитарная наука в России*. М., 1996; *Он же.* О национальной структуре, этнографическом облике и социокультурной адаптации советских переселенцев в Калининградской области (1945 – 1950 гг.); *Он же.* Заселение Калининградской области (1946 – 1950) // *Очерки истории Восточной Пруссии*. Калининград, 2001. Кроме того, Ю.В. Костяшов являлся руководителем коллектива, проводшего исследование «Переселенцы рассказывают». По результатам исследования подготовлена монография, вышедшая на немецком, польском и русском языках.

¹⁶ *Государственный архив* Калининградской области (ГАКО). Ф. 298. Оп. 1. Д. 4. Л. 65. См. так же: *Бирковский В.Г. и др.* С. 55; *Восточная Пруссия*. С древнейших времен до конца второй мировой войны. Калининград, 1996. С. 488; *Костяшов Ю.В.* Секретные документы отдела спецпоселений МВД СССР о заселении Калининградской области в 1946 г. // *Проблемы источниковедения и историографии*. Калининград, 1999. С. 64 – 67.

¹⁷ См.: *Костяшов Ю.В.* О национальной структуре... С. 69.

ляются инициативными, деловыми людьми, оказывающими значительное влияние на всю ситуацию в регионе. «Целеустремленные... вновь приехавшие активно заявили о себе и в экономической, и в политической жизни. Эта сравнительно небольшая... группа способна влиять на остальную, большую часть населения области». Эта цитата из публикации уже наших дней, и характеризует она переселенческий процесс 90-х годов¹⁸.

К сожалению, в конце 40-х годов подобная харизматическая особенность оказалась мало использованной. Тому есть объективные причины. И идеологические, и экономические (ограничение частнопредпринимательской деятельности, например). Но наиболее значимыми были скорее всего социально-психологические причины, естественным образом влиявшие как на плановых, так и на инициативных переселенцев. Впоследствии они рассказывали, что «все увиденное ими в Восточной Пруссии резко отличалось от того, что было на их прежней родине. Их поразили внешний вид городов и поселков: ни одного деревянного здания, остроконечные крыши с красной черепицей¹⁹, мосты с ажурными чугунными решетками. Удивляли мощенные булыжником и брусчаткой или покрытые плитками дороги, обилие зелени, ухоженные палисадники с

¹⁸ Калининградская правда. 2001. 3 августа.

¹⁹ Кстати, остроконечные черепичные круши – это не проявление национальной особенности немцев, как принято думать сегодня. В значительной степени – это особенность строительства. Дело в том, что черепичная крыша сама по себе тяжеловесна, она создает большую нагрузку на каркас и фундамент здания. Если ее делать пологой, то сильные снегопады, которые часты в приморской провинции, приведут к увеличению этой нагрузки за счет массы снега, скапливающегося на пологой крыше. Поэтому крыши и делали островерхими, снег тогда сам скатывался с них. В России существовала традиция использовать в качестве кровельных более легкие материалы, такие как дранка, солома, жесь. Конструкция крыши позволяла воспринимать значительную снежную нагрузку, и островерхие крыши строились редко.

невиданными прежде цветами. Любимым занятием для многих стало посещение местных кладбищ, которые отличались от русских, и скорее были похожи на парки с красивыми памятниками, скульптурами и склепами. Непохожими были храмы, отпугивающие своей строгостью и даже суровостью, а внутри непривычное убранство: скульптуры вместо икон, орган, скамейки для сидения. Вселявшиеся в уцелевшие квартиры и особняки сталкивались с незнакомой планировкой, совершенно иным уровнем комфортности жилья, впервые знакомились с некоторыми элементами повседневного европейского быта. Для большинства переселенцев, особенно из российской и белорусской глубинки, открывался новый мир вещей. Некоторые из собеседников признавались, что на рынок, где немцы распродавали свое имущество, они ходили, как в музей: здесь можно было увидеть ковры, старинные часы, подсвечники, фарфор, хрусталь и множество других необычных предметов. В сельской местности люди сталкивались с забытой на их родине хуторской системой, иными способами ведения земледелия и животноводства, непривычным сельскохозяйственным инвентарем. Несмотря на страшные разрушения, оставалось впечатление основательности, добротности, чистоты и порядка. Многие почувствовали, что действительно «попали за границу», что здесь «жили другие люди»²⁰.

Все эти впечатления формировали у переселенцев своеобразный комплекс «чужаков». Среди многих калининградцев превалировало чувство временности проживания на этой земле, что вело к постоянной миграции населения области. Люди уезжали отсюда и снова возвращались сюда. Известны случаи, когда некоторые семьи совершали несколько таких переездов. В 1948 – 1950 гг. область покинули почти 40% переселенцев²¹.

Была и еще одна причина, в соответствии с которой многие калининградцы не стремились держаться за место нового

²⁰ Костяшов Ю.В. О национальной структуре... С. 73 – 74.

²¹ См.: Костяшов Ю.В. Заселение Калининградской области после второй мировой войны. С. 83.

жительства. Так получилось, что переселенцы были искусственно отделены, изолированы от привычных родственно-соседских связей, местных традиций. Они, как могли, старались сохранить «кусочек» родины. Понимая, что этого нельзя сделать в одиночку, стремились селиться поблизости от односельчан, образуя своего рода неформальные колонии воронежцев, курян и т.д. Принципа землячества, т.е. компактного поселения вместе жителей одних и тех же областей, придерживались и государственные власти. В целом подобная политика себя оправдала. Из 13 районов области в 5 сельское население сформировалось главным образом за счет выходцев из одной области (их удельный вес составил более 50% населения района). К таким районам относились Краснознаменский, Гусевский, Багратионовский, Неманский, Черняховский. В четырех районах – Нестеровском, Озерском, Полесском и Славском – население оказалось довольно смешанным. В остальных формировалось за счет двух-трех областей выхода²².

Казалось бы, что поставленная цель в основном была достигнута. Однако значительный уровень миграции в дальнейшем нивелировал желание населения жить в соседстве с земляками.

Более того, особенностью переселенческого процесса следует считать значительную утрату местных культурных обычаев, традиций. Впрочем, проф. Ю.В. Костяшов считает, что переселенцы в значительной степени уже были лишены национальных традиций. Это было связано с коллективизацией, которая уничтожила традиционное крестьянство, являвшееся основным носителем народных обычаев, с отсутствием элементарных материальных условий для функционирования традиционной народной культуры (своеобразие одежды, способ питания, убранства жилища и т.п.), с созданием в России на протяжении многих веков межэтнического типа россиян на основе русского уклада жизни, русской культуры, русского

²² См.: Костяшов Ю.В. О национальной структуре... С. 69 – 70. См. также: Als Russen in Preussen.

языка. Хотя и русские вбирали в себя особенности бытия других народов. Оторванные от своей «малой родины», попавшие в чуждую культурную среду, переселенцы и вовсе очень скоро лишились остатков этнографического своеобразия²³.

К этому выводу уважаемого профессора хотелось бы добавить еще один аргумент: на утрату этнографического своеобразия в немалой степени оказало влияние то, что среди переселенцев, как правило, не было представителей старшего, «третьего» поколения – хранителей традиций или их остатков.

Хотя жизнь, практика часто опровергают теоретические выводы. Современные этнографы отмечают, что на рубеже XX и XXI вв. в Полесском районе сохранились небольшие деревеньки, заселенные в конце 40-х годов марийцами и мордвой. Жители этих деревень довольно быстро адаптировались к новым условиям и до сего времени сохранили свою национальную самобытность.

Когда мы говорим о культурном эксклаве, появившемся в юго-восточной Прибалтике после Второй мировой войны, то мы имеем в виду прежде всего русскую культуру. Это связано, конечно, с национальным составом населения области с момента ее заселения.

Первые данные о национальном составе населения были получены после переписи населения в 1959 г. Тогда доля русских составила 77,57% от общей численности населения, затем шли белорусы – 9,36%, украинцы – 5,84% и литовцы – 3,48%²⁴. Последующая динамика формирования национального

²³ См.: Костяшов Ю.В. О национальной структуре... С. 72 – 73. Выводы проф. Ю.В. Костяшова поддерживает В.Н. Абрамов, который считает, что «отсутствие местной русской дореволюционной духовной среды и ее материальных следов превратили балтийскую провинцию в единственный полностью советский район СССР в плане культуры». – См.: Абрамов В.Н. Калининградская область: социально-политические и геополитические аспекты общественной трансформации 90-х гг. СПб., 1998. С. 26.

²⁴ См.: Национальный состав населения Калининградской области. По данным ВНП 1989 г. Стат. сб. №4. Калининград, 1990.

состава населения области позволяет говорить об относительной неизменности приведенных выше цифр. Скорее всего эти цифры сложились на начальном этапе заселения. Тогда можно говорить о том, что изначально 77 – 78% населения были русскими, около 15% – белорусы и украинцы, этнически близкие к русским, а 7 – 8% приходилось на представителей других наций²⁵.

По данным переписи 1989 г., 66,5% белорусов и 60% украинцев считали родным язык другой национальности²⁶. Стоит ли говорить о том, что под «другим» подразумевался русский язык? Исходя из этого, общая численность носителей русского языка, представителей русской культуры составляла около 90% населения области. Все это и позволяет говорить о русской культуре, ставшей основой формирования в области региональной российской культуры.

Конечно, региональная культура испытывала на себе большое влияние западноевропейской культуры. Область имела значительные контакты с внешним миром, чем отличалась от внутренних регионов СССР, не помышлявших даже и думать об этом. По мнению некоторых исследователей, основная «заслуга» в этом принадлежала экономической специализации области, и прежде всего рыболовному и транспортному флоту²⁷. И действительно, с морем, с работой за пределами СССР была связана четвертая часть трудоспособного населения, в прибрежной зоне (включая Калининград) – каждая третья семья²⁸. Контакты моряков и рыбаков с пред-

²⁵ Недавние исследования, выполненные проф. Ю.А. Костяшовым, показывают, что в 1948 – 1950 гг. удельный вес республик в основном приросте населения составлял: РСФСР – 74,6%, Белоруссия – 12,4%, Украина – 7,2%, Литва – 4,3%. – См.: *Костяшов Ю.В. О национальной структуре...* С. 68.

²⁶ См.: *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* Калининградская область: современные этнокультурные процессы. М., 1998. С. 9.

²⁷ См.: *Абрамов В.Н.* Указ. соч. С. 26.

²⁸ См.: *Кучерявый П.П., Федоров Г.М.* География Калининградской области. Калининград, 1989. С. 73.

ставителями западного мира ощутимо сказывались на формирующейся культуре Калининградской области.

Казалось бы, что в условиях единого государства, каким был Советский Союз, в условиях формирования единой общности – советского народа, говорить о какой-то культурной эксклавности калининградцев было излишне. О ней и не говорили, как, впрочем, не говорят и поныне. Однако, несмотря на то, что значительная часть литовцев, особенно до середины 80-х годов, вполне искренне воспринимала существование единого государства, поступиться своими культурными принципами в пользу единой советской культуры они не могли. Литовская культура формально являлась ее частью, но реально национальное культурное своеобразие было незыблемо. Таким образом, Литва как бы являлась преградой на пути создания единого русского культурного пространства. И культурно-духовный анклав, в котором находились калининградцы, тоже был реальностью.

Конечно, в 40-х, первой половине 50-х, даже до 60-х годов, основное внимание в области уделялось ее экономическому возрождению. Духовно-психологическая составляющая калининградского мировоззрения не представляла значительного интереса для властных структур. Нельзя сказать, что областные и государственные органы культуры совсем не занимались этим вопросом. Однако в то время значительные силы и средства отвлекались на строительство объектов культуры, создание сети культурно-просветительских учреждений, большое внимание уделялось подготовке кадров, другим организационным вопросам²⁹. Работа эта была масштабная и по мановению «волшебной палочки» выполнить ее было невозможно. Необходимо было создавать систему, вырабатывать традиции. Достаточно сказать, что Калининградский государственный университет был открыт только в 1967 году.

Возможно, отвлечение, или, можно сказать, увлечение созидательной деятельностью, имело свои негативные стороны,

²⁹ См.: *Бирковский В.Г.* и др. Указ. соч. С. 94 – 97.

особенно в непосредственной работе с населением. С формальной точки зрения все было нормально. Система идеологического обеспечения заработала почти сразу же, как только была создана область. Иначе и не могло быть в советском государстве, тем более после победоносной войны.

И все же уровень миграции в области оставался очень высоким, среди населения муслировались слухи о возможном возвращении области Германии. Они особенно усилились после установления отношений СССР с ФРГ в 1955 г., после венгерских событий в 1956 году. Да и впоследствии ввод советских войск в Чехословакию в августе 1968 г. тоже послужил причиной возникновения подобных слухов и настроений к перемене места жительства.

Но жизнь брала свое. Постепенно начала формироваться калининградская общность, естественно, как часть советской общности. В 60-х годах область становится более открытой для посещения (пока только жителей СССР). Сами калининградцы в психологическом плане в основном урегулировали свои отношения с прежней, большой родиной, их поездки туда в то время не представляли особой сложности. Местные жители все более и более стали ощущать себя хозяевами той земли, на которой они ныне проживают. В это время даже появились и песни о Калининграде.

Миграционные процессы в большей степени становились односторонними. Дело в том, что область нуждалась в специалистах различных отраслей народного хозяйства. Всех их готовить область сама не могла. Появление в рыбацком крае института рыбной промышленности, переведенного в конце 50-х годов из Москвы, решило проблему специалистов рыболовецкой и смежных с ней специальностей. Но требовались врачи, инженеры, геологи (в 60-х годах началась разведка недр области) и т.д. Помощь других регионов была очень значимой.

Наконец, в жизнь вступило второе поколение калининградцев, тех, кто родился здесь. Начала решаться проблема неукорененности, снизился уровень человеческого отчужде-

ния. Да, на общественное сознание советского человека, калининградца (с точки зрения идеологии того времени), негативно влияли обширные контакты с Западом. Но они были во многом уравновешены присутствием в области большого количества людей, самым непосредственным образом связанных с понятием «патриотизм». Речь идет о значительном военном присутствии в Калининграде. Как отмечают современные исследователи, «высокая милитаризация в определенной степени блокировала вестернизацию общественного сознания. Офицерский корпус оказывал сильное консервирующее воздействие на социально-политическую обстановку в Калининградской области». И далее: «Последнюю (имеется в виду область. – Г.К.) отличала стабильность даже на закате перестройки, в 1990 – 1991 гг. не было зафиксировано особых всплесков несанкционированной активности жителей»³⁰.

Отмечать сегодня только негативные черты военного присутствия было бы не совсем правильно. Да, присутствие военной группировки оказывает сильное воспитательное значение на население, вызывает определенное привыкание к военным и, вообще, является одним из мощных идентичностных факторов. С этим надо считаться, во многом благодаря данному обстоятельству в 2000 г. губернатором области стал командующий Балтийским флотом адмирал В. Егоров.

Но сама проблема военного присутствия, ее роль в формировании идентичности калининградцев значительно шире.

Надо отметить, что для россиян длительное время Восточная Пруссия однозначно воспринималась как колыбель прусского милитаризма, как фашистская твердыня. Затем эти позиции начали смягчаться, пока в конечном итоге не превратились в понимание того, что Восточная Пруссия и Кенигсберг – это в определяющей степени символ мужества и героизма советских солдат, одержавших здесь военную победу. Этот уголок Балтики стал восприниматься как земля, ставшая родной для сотен тысяч россиян, пострадавших в годы Второй мировой войны, как область, ставшая неотъемлемой частью России.

³⁰ *Абрамов В.Н. Указ. соч. С. 27.*

Мы уже отмечали, что исследователи недостаточно уделяли внимания вопросам формирования психологии первых советских переселенцев в область, создания у них уверенности в надежности происшедших перемен, развития чувства настоящего хозяина области. Между тем первое поколение переселенцев, как их сегодня называют – поколение победителей, обосновавшихся в области, начинало свою жизнь в условиях естественного пафоса после победной войны³¹.

Для формирования идентичности важное значение имеет среда обитания. Сегодня часто задаются вопросом: почему в тот период не было принято решение о восстановлении разрушенных войной исторических мест в бывшей Восточной Пруссии? Смогли же это сделать в соседней Польше?

Ответ здесь может быть как очень простым, так и достаточно сложным. Прежде всего, речь надо вести о том, что у поляков сохранилась определенная историческая традиция владения этой территорией. Эльбинг – Эльблонг неоднократно был и польским, и немецким городом. Полякам легче было адаптироваться в этом городе, и, конечно, он и восстанавливался после войны с учетом сложившихся принципов городского развития, архитектурных особенностей. С этим можно соглашаться, можно спорить, но поляки восстанавливали Эльблонг как свой, польский город. То же самое было с Мариенбургом, нынешним Мальборком, да и со многими другими городами, имевшими общую немецко-польскую судьбу.

Несколько иначе обстоят дела у наших других соседей – литовцев. Они декларируют, что Клайпеда – литовский город. Да, сегодня это так. Внешне все выглядит, как и у поляков. Однако на уровне подсознания, с учетом уже сложившихся идентичностных воззрений (литовцы в этом значительно опережают россиян, в том числе и калининградцев), сегодняшние

³¹ По некоторым оценкам, численность этого поколения в настоящее время составляет 20% от общей численности населения области. – См.: Клемешев А.П., Федоров Г.М. Калининградский социум // Регион сотрудничества. Калининград, 2001. Вып. 15. С. 12.

жители Клайпеды отчетливо представляют, что много веков подряд в этом городе, который имел стойкое название Мемель (в позднее средневековье – Мемельбург), жили немцы³². Это был немецкий город, часть жителей которого была, говоря современным языком (по аналогии с российскими немцами), немецкими литовцами. Мемель тоже имел разрушения после Второй мировой войны. Что восстанавливать литовцам?

Конечно, некоторая схожесть ситуации с поляками все-таки есть. Но вот именно что – некоторая. До 1923 г. Литва Мемелем не владела, но литовцы всегда считали его своим городом. Однако восстанавливать несохранившуюся крепость XVIII в. и более ранних веков? Или фортификационные сооружения Германии XIX в.? Один из сохранившихся немецких фортов используется в культурных целях, но все же следует признать, что было бы нелогичным требовать от литовцев полного восстановления архитектурного облика Мемеля, пусть даже XIX в. Литовская идентичность этого просто не позволит сделать.

Возражением высказанной идее, конечно, может служить пример с восстановлением в центре сегодняшней Клайпеды памятника поэту XVII в. Симону Даху. Памятника, установленного немцами в канун Первой мировой войны и выполненного в виде скульптуры одной из его поэтических героинь – Анны, Анхен, из прусского селения Тарау³³. Однако все прекрасно знают, что Дах (пусть даже он и родился в Мемеле, повторим, сегодняшней Клайпедой) и литературный прообраз его героини, дочери пастора из Тарау, были и остались в истории немцами. И восстановление памятника в 1989 г.³⁴ во многом было политическим моментом в отношениях с Германией и известным фрондизмом России.

Конечно, все было значительно сложнее у калининградцев. Ни о каком восстановлении немецких, особенно обладавших

³² См.: Альбрехт Д. Пути в Сарматию. Десять дней в стране пруссов. М., 2000. С. 245.

³³ Hermanowski G. Ostpreußen. Wegweiser durch ein unvergessenes Land. Bechtermünz, 1996. S. 206.

³⁴ См.: Альбрехт Д. Указ. соч. С. 251.

известной символикой, зданий и сооружений не могло быть и речи. Переселенцы являлись носителями российской ментальности. Им психологически трудно было вживаться в узкие улочки, тесные городки с их массивными зданиями темно-красного цвета. Восстанавливать эти разрушенные здания? Зачем? На этой основе редко кто пытался противостоять тому, чтобы даже полуразрушенное здание не разрушали дальше, а, наоборот, попытались бы восстановить, вдохнуть новую жизнь в него. В большинстве своем население снос полуразрушенного здания не то что не поддерживало, а просто оставалось равнодушным: значит, так надо. О духовном восприятии прежней культуры не могло быть и речи.

Мы совершенно не согласны с теми высказываниями, что все эти разрушения осуществлялись в угоду идеологическому принципу «вырывания корней прусского милитаризма». Да, эти штампы существовали, были действенны еще долго (руины Королевского замка, в том числе и по этой причине, были снесены только в конце 60-х годов.) В то же время острота послевоенного момента была сглажена довольно быстро: на бытовом уровне русские и остававшиеся в области до конца 40-х годов немцы достаточно быстро установили между собой вполне нормальные отношения. Хотя, конечно, негативные моменты, как на идеологической основе, так и в отношениях русских и немцев, совсем исключать нельзя.

В начале 70-х годов, после того, как в Европе произошли позитивные сдвиги в международных отношениях, когда население осознало, что область никто и никому не собираются возвращать, начался процесс изменения в общественном сознании калининградцев. Постепенно был снят с повестки дня вопрос, который еще недавно стоял остро перед населением: какой город мы строим (восстанавливаем) – русский Калининград или немецкий Кенигсберг? Начался процесс переосмысления места и роли калининградцев на этой многострадальной земле. Да, наблюдались случаи сноса историко-культурных сооружений в городе и области (орденская кирха в Советске, одна из церквей в Московском районе Калининграда), но уже

шел процесс понимания, что сама культура неделима, что здесь, на этой земле, имели право на существование творения рук и немцев, и поляков, и литовцев, и русских. Постепенно складывалась, по сути, новая общность людей, менялись взгляды на действительность и у людей старшего поколения. Стал вопрос и об исторических корнях калининградцев, пока еще совершенно «неглубоких», но уже закрепляющихся на этой почве.

У нового поколения калининградцев появились первые вопросы: кто мы, что из себя представляем на этой земле? Так начинался поиск идентичности. Предстояло не только определить свое место на этой земле, но и строить свои отношения с ближними и дальними соседями, осваивать новый для россиян пласт культуры. Собственно говоря, первыми ростками идентичности можно считать историю со сносом руин Королевского замка. Небольшая группа творческой интеллигенции попыталась воспрепятствовать этому решению, мотивируя свои действия тем, что замок следует считать не «наследием милитаризма», а прежде всего памятником истории и культуры³⁵.

Несмотря на подобный пример отношения к прошлому (замок был снесен в 1969 г.), на территории области продолжали еще сохраняться разрушенные во время войны памятники культуры. Между тем воспоминания о ней теряли былую остроту: время лечило. Память о войне постепенно перетекала в спокойное русло, хотя в периоды обострения международного положения, кризисных ситуаций, связанных с военной стороной общественной жизни, происходила активизация именно той составляющей ментальности, которая связана с памятью о военном прошлом.

Это можно видеть на примерах противостояния блоков НАТО и Варшавского договора или региональных конфликтов на рубеже XX и XXI вв.

³⁵ См.: *Сухова С.* Бой после победы // Калининградский комсомолец. 1990. 31 марта – 7 апреля.

Более того, современные процессы общественно развития так или иначе постоянно возвращают нас к событиям конца Второй мировой войны, к терминологии того времени.

В связи с расширением НАТО на восток в российской прессе звучат высказывания о будущем Калининградской области, которые можно сформулировать как вопрос: это динамично развивающийся регион сотрудничества России и ЕС или российский форпост на Западе? И еще: если Литва станет членом НАТО, то не превратится ли тогда Калининградская область в российскую крепость на Балтике или, как ее называют иностранные журналисты, Калининградскую крепость?³⁶

Интересную точку зрения в этом плане высказал В.Н. Абрамов. Он считает, что сторонники проекта превращения области в форпост России на Западе (представители силового блока, административные работники и политические публицисты, считающие себя государственниками) думают прежде всего о неких высших стратегических интересах державы³⁷. Естественно предположить, что их оппоненты отстаивают региональные интересы.

Практическая реализация этих интересов видится по-разному. Как правило, речь идет о развитии области как неотъемлемой части России, или же об изменении статуса области, без которого такое развитие невозможно (диапазон вариантов здесь широк, вплоть до создания самостоятельной Прибалтийской республики)³⁸.

³⁶ Каскад. 2001. 2 августа.

³⁷ См.: Абрамов В.Н. Перспективы Калининградской области // Регион сотрудничества. Вып. 17: Дискуссионные вопросы регионального развития. Калининград, 2001. С. 6.

³⁸ Наиболее реальные варианты изменения статуса анализирует В.Н. Абрамов. – См. там же. С. 4 – 12. Проф. В.В. Ивченко считает, что оснований для «особости» нет, так как значительное число субъектов РФ (Чукотка, Камчатка, Курилы, Сахалин и др.) имеют сходные с Калининградской областью условия развития. – См.: Ивченко В.В. Экономико-организационный механизм развития Особой экономической зоны // Прогнозирование и стратегии развития Особой экономической зоны России. Калининград, 2000. С. 13.

Как правило, подобные узкоспециальные дискуссии редко становятся достоянием широкого внимания населения области. Более значительное распространение имеют точки зрения, в которых легко можно проследить явные сепаратистские настроения.

Последние несколько лет с общественной арены ушли конкретные предложения, которые могли бы способствовать отрыву области от России³⁹. Подобные предложения (о создании на территории Калининградской области самостоятельного государства) часто преследовали политические или даже узколичные интересы. В настоящее время их озвучивают представители некоторых общественных групп, проявляющих активность в период обострения ситуации в области в экономическом или политическом плане.

По сообщению представителей областной администрации, пик сепаратизма приходился на 1993 г., когда о выходе из состава России задумывалось около 20% населения. В 2001 г. за независимость, но в составе России, высказывались только 6% опрошенных калининградцев. Причем последняя цифра представляет собой норму последних лет⁴⁰.

Казалось бы, что на формирующуюся идентичность калининградцев такое количество людей, активно выступающих за изменение статуса области, влиять не будет.

Однако здесь не все так просто. В 80 – 90-х годах XX века в жизнь вступало новое поколение жителей области, уже имеющее здесь исторические корни (в области проживали представители старшего поколения, хранители традиций, появились дедовские могилы, родные деревни и города). Практически исчезли следы войны, хотя она иногда и напоминала о себе в различных проявлениях. Но если в 60 – 70-х гг. мы говорили только о начале создания калининградской общности, о первых, пусть неосознанных

³⁹ К ним можно отнести, например, предложение немки М. Денхофф о создании на месте области территории, управляемой кондоминиумом. – См.: *Денхофф М.* Швеция, Россия, Польша, Литва... Кондоминиум в Калининграде? // *Запад России*. 1992. №2. С. 103 – 107.

⁴⁰ *Янтарный край*. 2001. 11 августа.

ростках идентичности, то сейчас речь шла об общности людей со своими традициями, менталитетом, уже всерьез задумывающейся о своей идентичности. Это поколение выросло с пониманием того, что город, область, в котором выросли калининградцы, стали российскими по итогам Второй мировой войны. Война прервала одну культурную традицию, но появилась другая, новая традиция. Эти две культурные традиции не могут существовать изолированно друг от друга, и «старшая по возрасту» так или иначе оказывает влияние на калининградскую культурную традицию.

Да, здесь было значительное отличие идентичности калининградцев от идентичности жителей многих и многих регионов России. Но общность, в основе которой лежали идеи, методы, принципы российской культуры, была создана. Конечно, в конце 80-х – начале 90-х годов это была калининградская часть советской общности, причем, как мы уже отмечали, оптимизированная, здоровая общность. Нет сомнений в том, что она успешно бы восприняла процессы реформирования государства.

Но события 90-х годов придали Калининградской области некоторое своеобразие. Суверенизация постсоветского пространства привела к появлению большого количества беженцев, переселенцев. В начале третьего тысячелетия примерно каждый десятый житель области переселился сюда из Казахстана, Средней Азии, других регионов⁴¹. Как правило, это очень энергичные, предприимчивые люди, высокообразованные, интеллектуально развитые. Достаточно сказать, что в середине 90-х годов благодаря им в области была решена проблема с учителями и врачами. Да и большинство остальных переселенцев занимают значимое место в общественной жизни.

⁴¹ Так, московские этнологи сообщают, что за период 1990 – 1997 гг. миграционный прирост составил 102238 человек. – См.: *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* Указ. соч. С. 58. Известны и другие цифры. А. П. Клемешев и Г. М. Федоров сообщают, что, по предварительной оценке, такая группа переселенцев насчитывает свыше 25% населения области. – См.: *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Калининградский социум... С. 12.

В то же время столь мощная волна новых переселенцев естественным образом сказалась на неокрепшей еще общности калининградцев, стало наблюдаться ее размывание. Должно пройти время, чтобы подобная эрозия ментальности была самоликвидирована, а процесс формирования калининградской общности приобрел естественное движение вперед. Собственно говоря, пока надо согласиться с исследователями, утверждающими, что сегодня «наличие сформировавшейся территориально-социальной общности, социума в Калининградской области требует доказательств»⁴². И еще. Возможно, подобное влияние новых переселенцев несколько (до середины 90-х годов) отсрочило прямую постановку проблемы формирования идентичности калининградцев.

Специалисты отмечают, что половину переселенцев составляют представители различных российских регионов, другую – мигранты из стран ближнего зарубежья. Для проблемы идентичности калининградцев важным является то, что, несмотря на все лестные характеристики, которые были даны мигрантам выше, следует отметить и другое. «Эта группа социально неоднородна, крайне мобильна и с точки зрения формирования устойчивого социума привносит наибольшую нестабильность»⁴³.

Переселенцы или те, кто прибыл в область относительно недавно, явились своего рода катализатором процесса приобретения областью нового статуса, вплоть до создания отдельного государства⁴⁴. Нельзя сказать, что переселенцы заложили

⁴² Клемешев А.П., Федоров Г.М. Указ. соч. С. 7.

⁴³ Там же. С. 12.

⁴⁴ Чтобы не быть обвиненным в делении жителей области на «коренных» и «некоренных», автор сообщает, что он сам не является исконным жителем Калининградской области. Более того, длительное время проходил военную службу в очень отдаленных от Калининграда регионах СССР и России. Другими словами, не является «чистым». Замечание сделано для объективности рассматриваемых процессов.

основы этого процесса. Его истоки можно отнести к концу 80-х годов XX в., когда стали разрабатываться первые федеральные программы⁴⁵. То есть уже тогда подчеркивалась «особость» Калининградской области.

Почва для ростков этой «особости» была достаточно богатой. В частности, присутствие значительного потенциала другой культуры. Не было ее носителя – немецкого народа, но материальные следы культуры оставались, они влекли своей необычностью, в какой-то степени закрытостью. Перестройка общественного сознания, государства во второй половине 80-х годов была воспринята по-разному. Часть населения, получив облегченный доступ к архивам, литературе, контактам с иностранцами, занялась ликбезом в отношении немецкой культуры, ее контактов с российской и другими культурами. Можно даже сказать, корректировкой ментальности калининградцев в отношении к прошлому.

Но были моменты неадекватного, протестного отношения к недавнему прошлому, выразившиеся в проявлении особого интереса к прошлой истории, культуре, подчеркивания ее превосходства перед сегодняшней на этой земле, российской культурой. Причем это явление с конца 80-х годов получило распространение среди населения области, влияя на его мировоззрение. В последнее время оно стало рассматриваться как первое проявление идентичности калининградцев. Установлена даже дата публичного заявления процесса идентичности – 23 апреля 1988 года. В этот день газета «Калининградский комсомолец» опубликовала «Открытое письмо в метрополию». Современные авторы считают, что автор этого письма В. Храппа поставил «сразу несколько ключевых проблем, связанных с определением идентичности жителей Калининградской области»⁴⁶.

⁴⁵ Например, так называемая Экспертиза направлений экономического развития Калининградской области. – См.: *Хлопецкий А.П., Федоров Г.М.* Калининградская область: регион сотрудничества. Калининград, 2000. С. 26.

⁴⁶ Культурная политика в Калининградской области. Калининград, 2001. С. 28 – 29.

Отметив прежде всего логическое несоответствие: в одной проблеме идентичности не может быть нескольких, пусть даже и «ключевых», проблем, остановимся на том, что по прошествии времени хорошо видно. Ни о какой идентичности в «Открытом письме» не было и речи. Скорее всего это был эпатаж с целью привлечения внимания общественности, что, впрочем, и было достигнуто. На наш взгляд, в этом случае логичнее рассуждать как раз о самоидентификации со ставшей доступной общественному сознанию прежней культурой. Сложно что-либо говорить об успехе такой самоидентификации, так как продолжения «Открытого письма» не последовало.

Вместе с тем в упомянутом письме, как справедливо отмечают авторы исследования о культурной политике в области, есть два момента: впервые СССР был назван «метрополией» (в Калининградской области?) и из «большого советского народа» выделялся «маленький народ» с особым историческим статусом»⁴⁷.

Что касается термина «метрополия». Эпатаж автора «Открытого письма» требовал использования адекватной терминологии. Но термин оказался живучим. То ли из-за нашей любви к фразеологии, то ли из-за лени, не позволяющей открыть толковый словарь, но термин теперь уже используется применительно не только к бывшему СССР, но и к сегодняшней России, причем в форме, совершенно не соответствующей его содержанию. В частности, калининградский регион объявляется частью российской метрополии⁴⁸. Естественно, что подобным образом на свет появляется колониальный аспект идентичности калининградцев.

⁴⁷ Культурная политика... С. 29.

⁴⁸ См., например: *Обчинников Б.А.* О книге и ее авторах // Каргополов С., Городилов А., Куликов А., Гомин А. Свободная зона и особый статус (далее – Свободная зона...). Калининград, 2001. С. 4. См. также: метрополия – государство, владеющее захваченными им колониями; колония – страна или территория, лишенная самостоятельности, находящаяся под властью иностранного государства. – Цит. по: Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 236, 309.

Значительно сложнее обстоит дело с термином «калининградцы – малый народ». Позднее он трансформировался просто в понятие «народ» (один из идеологов такого названия – Г. Бурнаев; он говорит не иначе, как народ Балтийской Республики⁴⁹). Теоретическую базу под это понятие пытается подвести А. Городилов. В одной из его работ можно прочесть и о «народе Восточной Пруссии (Калининградской области)». Здесь же идет речь «о корневом родстве руссов с пруссами», подчеркивается общность и с пруссаками (опять же, на «родстве специфики геополитической, природной и экономической»), схожесть их менталитетов, а Российская Федерация объявляется матерью Восточной Пруссии. При этом идея сепаратизма считается присущей «Восточной Пруссии (Калининградской области)», но она, как считает А. Городилов, ограничится только достижением нового статуса региона⁵⁰.

Подвергшись критике за столь странное сравнение Восточной Пруссии и Калининградской области, А. Городилов впоследствии отказался от исторических экскурсов, но по-прежнему сохранил вольность в использовании терминов и понятий. Например, он объединяет по принципу равенства такие понятия, как народность Калининградской области, народ Калининградской области и калининградский этнос⁵¹.

То что народность и нация суть разные понятия – словарные истины. «Что касается калининградского этноса, то для его гипотетического формирования, даже при самых благоприятных для этого условиях, видимо, требуется намного большее время, чем 56 лет, которые прожили на этой земле первые переселенцы», считают калининградские ученые. А далее они же приводят пример, в соответствии с которым пруссаки «за более чем 700 лет проживания здесь так и не стали отдельным от немцев этносом»⁵².

⁴⁹ Новый наблюдатель. 1998. 1 августа.

⁵⁰ См.: *Городилов А.А.* Россия в центре Европы. Калининград, 1998. С. 131.

⁵¹ См.: *Свободная зона...* С. 129.

⁵² *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Указ. соч. С. 8.

Наличие этноса характеризуется этническим самосознанием. Таким самосознанием обладают, например, русские независимо от того, где они проживают. Появление еще одного русского народа, каковым будет являться «народ Калининградской области», способно привести к раздвоению и последующему делению самосознания (по аналогии большинство субъектов Российской Федерации могут объявить себя народами: народ Воронежской области и т.д.). Теоретически подобное деление может привести вообще к растворению национального самосознания.

Возможно, это интуитивно чувствовали пруссаки, являвшиеся в целом носителями немецкого самосознания. Поэтому они и не стали отдельным этносом.

Надо согласиться с А. Клемешевым и Г. Федоровым, которые утверждают, что в Калининградской области формируется социум как территориально-социальная общность. Причем идет начальная стадия его формирования, в которой важную роль играет такой идентичностный фактор, как место рождения. В частности, существует утверждение, «что если большинство жителей являются уроженцами данной территории, то социум сформирован»⁵³. Ждать, когда подобное произойдет естественным путем в Калининградской области, осталось, видимо, недолго. Можно будет говорить и том, что к этому периоду следует ожидать в значительной степени сформированную идентичность калининградцев.

Отсюда становится понятно, что пропагандируемый А. Городиловым, пусть даже и «ограниченный», или «регулируемый», сепаратизм будет влиять на образование социальной общности. Раскол никогда не приводит к единству самосознания. Трудно объяснить значительной части населения области то, что «свободная экономическая зона как раз и создается для включения региона в процессы интеграции». Но чтобы интегрироваться, надо прежде всего получить государственность в рамках области, «в отдельно взятом регионе России и не более того»⁵⁴.

⁵³ Клемешев А.П., Федоров Г.М. Указ. соч. С. 9

⁵⁴ Свободная зона... С. 138.

Идентичность калининградцев, так же как и идентичность представителей других регионов РФ, базирующаяся в значительной мере на российской культуре, будет оставаться частью российской идентичности. Естественно, со своими особенностями, контактами с культурными обществами стран-соседей. В то же время разрыв с общим духовно-психологическим полем России способен привести к изменению формирующегося самосознания калининградцев. Останутся ли они после этого россиянами? Вопрос, на который пока нет ответа.

Вместе с тем необходимо учитывать и те обстоятельства, что проблема идентичности калининградцев во многом зависит от культурного влияния на нее со стороны Литвы, Польши и Германии. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и другие страны, но названные выше имеют особое отношение к Калининградской области: Польша и Литва – как непосредственные соседи, Германия – в силу исторических причин. Впрочем, исторические причины с не меньшим основанием могут относиться и к странам-соседям.

С некоторых пор в исследовательско-политологической среде любят оперировать известными тезисами С. Халтингтона о «столкновении» цивилизаций. Особенно популярна схема «цивилизационного разлома». Этот разлом странным образом совпадает в целом с возможными границами ЕС и НАТО на востоке, делит территорию по религиозной и кастовой принадлежности. В нашем регионе граница цивилизаций совпадает с границами Балтии, Российской Федерации и Республики Беларусь.

Интересно взглянуть на схему «цивилизационного разлома» с другой стороны. С точки зрения темы о культурном сотрудничестве. В таком случае мы можем увидеть, что к культурному анклаву, точнее, полуанклаву, хотим мы этого или нет, но следует отнести Литву. Литва в значительной степени находится в восточнославянском культурном окружении, где влияние русской культуры довольно значимо, даже если взять литовско-польскую границу. Прилегающие к ней районы дли-

тельное время входили в состав России, население знает русский язык, сохранило или знакомо со многими российскими обычаями, традициями и т.д.

По опыту калининградцев можно утверждать, что эксклавная или анклавная жизнь есть достаточно суровое испытание на политическое, экономическое и культурное влияние ближайших соседей. А потому Литве так или иначе придется считаться с присутствием на своих границах значительных восточнославянских культурных «группировок», которые, может быть, даже незаметно будут оказывать влияние на духовные контакты соседних народов, несмотря на то, что Литва в целом ориентирована на Запад. Есть определенные сомнения в том, что литовской ментальности ближе «западная» ментальность, чем ментальность соседей. Модные увлечения имеют способность достаточно быстро проходить, затем появляется обеспокоенность за свою индивидуальность и многое становится на место.

Кроме того, линия Халтингтона подчеркивает лимитрофный характер существования государств Балтии. Еще с античных времен известно, что лимитрофы содержали войска, прикрывающие границы Римской империи. Но в то же время население лимитрофов жило своей особой жизнью, испытывая на себе и оказывая взаимное влияние на соседей Империи. И нам от культурного сотрудничества не уйти. И литовский фактор при формировании идентичности калининградцев будет играть если не определяющую, то одну из основных ролей.

Возвращаясь к современным реалиям, позволим себе высказать утверждение, что взаимодействие российской и литовской культур не только осуществлялось прежде, но в значительной степени именно в благоприятных условиях. Исторически.

Зададим себе вопрос: почему российско-литовские отношения являются более продвинутыми, чем российско-латышские или российско-эстонские, хотя судьбы трех балтийских республик во многом схожи? Можно искать ответ в

экономической или демографической плоскостях. Не претендуя на абсолютную истину, попробуем обратиться в другую сферу – в историческую.

По большому счету российская ментальность не отягощена какими-то отрицательными эмоциями при упоминании слова «литовец». Те же Эстония и Латвия в историческом сознании россиян ассоциируются с Курляндией, Лифляндией и Эстляндией, то есть провинциями, из которых происходили прибалтийские бароны, немцы. Известное негативное отношение к немцам в России в XIX веке формировалось прежде всего из-за прибалтийских немцев, хотя в целом это были нормальные российские подданные, верой и правдой служившие своему Отечеству. Все дело в том, что русское дворянство не считало государственную службу достойным занятием, и прибалтийские немцы просто заполняли пустующую нишу. В результате на высших государственных должностях их было значительное количество, и в народе формировалось мнение о засилье немцев.

Подобные причины уже давно не играют какой-либо роли в общественном сознании, но стереть в исторической памяти устоявшиеся стереотипы бывает чрезвычайно трудно. Причем это даже и не в сознании, а скорее всего в подсознании.

Иное дело, литовцы. По тому же большому счету, в отношениях россиян и литовцев не было каких-либо событий, негативно отложившихся в исторической памяти россиян. Средневековое противостояние Литвы и Руси? Значительное количество российских историков и сегодня считают, что это было противостояние Литовской Руси и Московской Руси, имея в виду, что население Великого княжества Литовского более чем на 90% состояло из славян, русинов⁵⁵. Польское нашествие 1612 г., разделы Польши в XVIII в., восстания в XIX в. совершенно не ассоциируются у россиян с литовцами. Практически нет каких-то «зацепок». Но это с российской стороны.

⁵⁵ См.: *Думин С.В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // *История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории России IX – начала XX века.* М., 1991. С. 76 – 126.

А с литовской? Скорее всего и литовская ментальность не несет в себе столько негатива по отношению к России, как это иногда кажется. Разделы Польши в XVIII в.? Но ведь Литва в этот период не была самостоятельной. Наиболее рельефно в российско-литовских отношениях выделяются события 40-х годов нашего века. Но они были инициированы идеологическими причинами. Отношения между народами здесь играли не заглавную, а явно подчиненную роль. В целом же эти отношения веками развивались, как правило, вполне нормально.

Результаты этого краткого анализа подтверждаются и примером послевоенного заселения области. Значительное число литовцев в послевоенное время по ряду причин не могло вернуться в Литву для постоянного проживания. Тогда многие из этих литовцев селились в Калининградской области (!?), режимной по тому времени!⁵⁶ Селились и после того, как область стала открытой. Россияне и литовцы жили совместно, и неразрешимых проблем не существовало. В результате в Калининградской области сегодня есть населенные пункты, где численность литовского населения превышает 50%. В значительной степени эти литовцы и послужили своеобразным передаточным звеном для развития российско-литовских культурных отношений.

И еще. Давно признано аксиомой два положения. Первое – культура может создаваться на отдельно взятом языке. Второе – нацию, которая является носителем этого языка, никак нельзя считать единственным или главным автором создателем культуры.

В историческом сознании литовского народа естественным образом сохранилась близость к исчезнувшим пруссам-язычникам. Сегодня это признается всеми. Но нельзя не признать и другого.

⁵⁶ Возможно, поэтому удельный вес литовцев в Калининградской области в период ее заселения в 1948 – 1950 гг. составлял 4,3% от общей численности населения, а по переписи 1989 г. – 2,07, в 1997 г. – только 1,92%. – См.: Костяшов Ю.В. О национальной... С. 68; Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю. Указ. соч. С. 48.

Во времена правления литовского короля Миндаугаса в Литве достаточно сильными были позиции православия и на этой основе связи с соседями – древнерусскими народами. В период Великого княжества Литовского на формирование литовской культуры оказывали влияние русины, численность которых была очень значительной от общей численности населения княжества. Эти обстоятельства тоже ведь из ментальности народа не вычеркнуть. Да и сегодня число русскоязычных жителей составляет несколько меньше 15%. Причем, оставаясь носителями русской культуры в Литве, они тем не менее, будучи литовскими гражданами, участвуют в литовском культурном строительстве, в развитии литовской культуры.

Все это в комплексе (как древнеисторические, так и более современные обстоятельства) и служит одной из основ благоприятных двусторонних межгосударственных отношений.

Теперь о том, что непосредственно относится к региональным отношениям и исследуемой нами проблеме идентичности.

Мы уже отмечали, что в культурном плане Калининградская область как эксклав существует с момента своего образования. Даже в составе СССР несколько сотен тысяч жителей области, являвшихся носителями российской культуры, находились в польско-литовском «культурном окружении». Формально для жителей области в этом плане за последнее десятилетие ничего не изменилось.

Литовское культурное влияние на ментальность калининградцев оказывалось все это время. Но сегодня актуальны два подхода к периодизации развития культурных контактов между литовцами и россиянами в Принеманье.

Некоторые политики, да и деятели культуры считают, что начало этих контактов следует вести примерно от 1991 г. Именно тогда начали открываться новые возможности для взаимодействия как между Россией и Литвой, так и Калининградской областью и уездами Литвы. Конечно, можно вести отсчет развития культурных отношений между соседями и с начала 90-х годов. Но это будет отвечать некоторой заданности отношений, сковывающей творческое начало в любом ви-

де культурной деятельности, с привнесением в эти отношения некоторой искусственности, а то и цензурированности. Подобный подход существенно ограничивает историю добрососедских отношений литовцев и россиян, проживавших на обоих берегах Шешупы и Немана. Ведь их географическое место проживания не изменилось от того, что раньше (с 1945 г. и по 90-е годы) они находились в одном государстве, а сегодня отделены друг от друга государственной границей. И еще. Если вести отсчет с 91-го года, то как тогда относиться к тому, что в 60-х годах калининградцы ездили в Паневежис «на Баниониса», а в театре города Советска можно было встретить литовцев из Пагегяя и Таураге?

Видимо, логичнее будет вести отсчет современному развитию культурных отношений со второй половины сороковых годов. Реально оценивая этот период, мы можем говорить о некоторой культурной традиции, сложившейся на территории, разделяемой, скажем так, реками Неман и Шешупе, раз уж мы говорили, что для духовного мира государственных границ не существует. Здесь же мы должны отметить, что эта традиция за последнее десятилетие подверглась определенной деформации.

Объективные обстоятельства заставили в начале 90-х годов нарушить эту традицию проведением государственной границы. Казалось, что более мощная культурная субстанция, каковой Литва была для Калининградской области, наложит своего рода эмбарго на отрезанный от «большой» России кусочек российской культуры. Но этого не произошло.

Увлечшись политическими реалиями, мы совершенно упускаем из виду общение между народами именно на духовном, даже на бытовом уровне. Сегодня можем говорить о том, что для калининградцев литовское культурное присутствие стало обыденным явлением. При этом, естественным образом поддерживая свою диаспору на калининградской территории, литовцы оказывают активное влияние на формирующуюся идентичность калининградцев. Это особенно заметно в районах концентрированного проживания литовцев: в Славском, Неманском, Краснознаменском, в г. Советске.

Надо сказать, что это влияние носит наступательный и одновременно односторонний характер.

Так, различные СМИ периодически сообщают о частых случаях дискриминации русскоязычного населения и русского языка (русские составляют в Литве более 8% населения). Это особенно проявляется в местах компактного проживания русскоязычного населения (например, Вильнюс, где проживает до 50% от общего числа русских в Литве, Клайпеда, где подобный показатель достигает 40%). Например, в Вильнюсе имеются польский, еврейский и другие национальные культурные центры. Однако проблема открытия Российского культурного центра пока не находит решения. В этом плане показателен опыт Калининграда, где в апреле 2000 г. была создана региональная национально-культурная автономия литовцев Калининградской области.

Литовские деятели культуры являются частыми гостями различных мероприятий в Калининграде и области, решаются вопросы об увековечивании памяти литовских деятелей науки и культуры, событий, связанных с литовской историей. Причем иногда даже в нарушение законодательства Калининградской области.

Калининградцы испытывают духовно-психологическое давление различных литовских организаций во всем том, что относится к так называемой «Малой Литве». С подтекстом некоего территориального притязания.

И все же в целом влияние литовского культурного фактора на формирование идентичности калининградцев следует считать позитивным.

Несколько иначе складывается ситуация с другим соседом – с Польшей. Казалось бы, общие славянские корни двух народов – русского и польского – должны были играть определяющую роль в идентичностных процессах. Однако известным ограничителем является историческое прошлое. История в Польше всегда выступала важнейшим фактором общественного развития. В отношениях России и Польши за тысячелетний период можно найти и позитивные и негативные моменты

сотрудничества. Однако польское общественное сознание в большей степени концентрируется на негативе, на недоверии к России, поэтому столь часты периоды охлаждения в отношениях двух стран.

Калининградская область – единственная территория России, которая граничит с Польшей. Весь период своего существования область была отделена от Польши надежной границей, контакты между населением были сведены к минимуму. Разница по сравнению с Литвой – ощутимая.

Примерно с середины 90-х годов Польша выбрала однозначный курс на сотрудничество с Западом. Если сравнивать с Литвой, то никаких «неудобств» от этого Польша не испытывала. Она имела обширные границы с Центрально-Европейскими государствами и в полной мере этим воспользовалась. Но поворот Польши на Запад означал сокращение контактов в области культуры, науки с Калининградской областью. За исключением одного – торгово-рыночных отношений. Но цивилизованные формы этих отношений не получили широкого распространения, а для населения, особенно приграничного с обеих сторон, – стали очень распространенными челночные торговые операции. Надо ли говорить о том, что популярная в приграничных районах торговля часто приобретает контрабандный характер и соответствующим образом влияет на ментальность населения этих районов.

В таких условиях роль польского фактора в формировании идентичности калининградцев была незначительной, иногда и с негативным оттенком. На сложившуюся ситуацию не могла оказать позитивное влияние даже польская диаспора в Калининградской области в силу ее относительной немногочисленности⁵⁷. Кроме того, за период проживания в области поляки, по сравнению с другими национальностями, в наибольшей степени ассимилировались (85,7% поляков считало русский

⁵⁷ В 90-х годах число поляков, проживавших в области, было относительно стабильным и насчитывало от 4,4 до 4,9 тыс. человек. – См.: Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю. Указ. соч. С. 48, 49.

язык своим родным. Выше процент только у евреев – 95,9)⁵⁸. Польской диаспоре пришлось решать свои идентичностные проблемы, и потому оказать существенного влияния на культурные отношения калининградцев и жителей приграничных воеводств они не смогли.

На рубеже столетий наметились изменения в культурных отношениях между Калининградской областью и северо-восточными воеводствами Польши. Может, это звучит несколько преувеличенно, но сводить все к отношениям контрабандистов в пограничных регионах, не совсем верно. Поэтому стали более частыми встречи калининградских и польских ученых, появились совместные польско-российские издания, расширились контакты между университетами, особенно Калининградского и Вармийско-Мазурского в Ольштыне. Поляки стали проявлять большую заинтересованность к культурной и научной жизни калининградцев⁵⁹.

Можно предположить, что в недалеком будущем влияние польского фактора на формирующуюся калининградскую идентичность возрастет. Насколько оно окажется положительным или негативным, будет зависеть от восприимчивости общественного сознания калининградцев к действиям польских соседей и от того, какими эти действия будут.

Итак, можно говорить о влиянии литовской культуры на формирование идентичности калининградцев (преимущественно в районах компактного проживания литовского населения), отметить относительную индифферентность польской культуры по отношению к этой же проблеме. В то же время нельзя не отметить мощное культурное присутствие в области Германии и соответственно, ее большое влияние на российскую духовно-психологическую среду.

Несмотря на значительные разрушения и безвозвратные потери культурных достопримечательностей в годы Второй миро-

⁵⁸ Там же. С. 9.

⁵⁹ См.: *Kretinin G. Środowisko historyczne Kaliningradu // Komunikaty Warmińsko-Mazurskie. 2001. №2 (232).*

вой войны, их утрату (по разным причинам) в послевоенный период, в области сохранилось еще много зданий, сооружений, объектов истории и культуры, предметов довоенного быта, которые не только стали базой для распространения немецкого культурного влияния в области, но и оказали значительное воздействие на ментальность калининградцев. До недавнего времени его обнаружить было сложно. Ситуация изменилась с началом 90-х годов.

В первые годы свободного посещения Калининград и область буквально были наводнены немцами – бывшими жителями Восточной Пруссии. Появился термин «ностальгический туризм». Немцы искали свои бывшие дома, посещали памятные им места и постепенно стали устанавливать контакты с нынешним местным населением.

Ностальгический туризм стал дополняться ответными визитами в Германию калининградцев. Наряду с бизнесменами, делавшими первые шаги на предпринимательском поприще, туда поехали представители культуры, науки, вузов Калининграда. Подобные контакты со временем становились все более частыми. Немецкие фонды, общества стали финансировать отдельные проекты в области культуры, литературы, театра.

В это же время в общественном сознании происходила переоценка ценностей. В Калининградской области она напрямую была связана с итогами Второй мировой войны. Возник и продолжает существовать (появляясь в общественном мнении периодически) вопрос о возвращении городам, носившим имена советско-партийной направленности, их исторических имен. Пик такой кампании можно было наблюдать в 1993 – 1994 гг. Видимо, руководству Калининграда и области пришлось приложить много усилий, чтобы противостоять соблазну обратного переименования.

В начале 90-х годов в России активно обсуждался вопрос о восстановлении немецкой автономии. В связи с тем, что заявление президента Б. Ельцина о возвращении немцев в Поволжье натолкнулось на сильное сопротивление населения, проживавшего в районах, куда должны были вернуться немцы из Сибири, Казахстана, встал вопрос о поиске нового места обитания.

В это время в области уже появились российские немцы, впрочем, не только российские, но и казахские, узбекские и другие. Так как Германия в начале 90-х годов активно принимала к себе на постоянное жительство соотечественников из бывшего СССР, а область оказалась ближайшим регионом к Германии, то Калининград стал как бы «станцией пересадки».

Однако не все немцы, прибывшие в Калининград, уезжали дальше, на историческую родину. Часть их оставалась в Калининградской области на постоянное жительство. Так постепенно в области стала формироваться немецкая диаспора.

До 1990 г. численность немцев не превышала 1300 человек, в 1997 г. их уже насчитывалось 5400. Такая динамика роста позволила немецкому меньшинству переместиться с 13 на 5 место по численности в населении области. Российские немцы селились в основном в сельской местности, договорившись предварительно о предоставлении им работы и прописки. У них было желание создавать компактные поселения, вплоть до строительства новых деревень. Размещались переселенцы в Багратионовском, Черняховском, Краснознаменском, Нестеровском, Славском, Озерском, Правдинском районах⁶⁰.

В начале 90-х годов в среде российских немцев и возникла идея о создании автономной немецкой республики в Калининградской области. По мнению политологов, идея была достаточно опасной для будущего Калининградской области как российской территории. В конечном итоге она реализована не была.

В области была создана организация российских немцев, которая стала заниматься культурно-просветительской деятельностью, оказывать помощь вновь прибывающим сюда соотечественникам. Вскоре, ввиду внутренних неурядиц, общество «раскололось» на две части, процесс получил негативную окраску.

Все эти процессы не всегда положительно отражались на авторитете Германии в Европе, вносили определенные сложности в отношения с Россией. Очень часто в области звучал

⁶⁰ См.: Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю. Указ. соч. С. 19 – 20, 49.

термин «германизация». Руководство Германии понимало, что обстановку надо было нормализовать.

В начале 90-х годов Германия проводила комплекс мероприятий по улучшению условий жизни немцев в России. В основном это касалось районов Западной Сибири, где проживало примерно 600 тыс. немцев. Например, в Омской области и Алтайском крае были образованы немецкие национальные районы Азово и Гальбштадт.

Конечно, создание подобного района в области было невозможно по политическим (в особенности) и демографическим причинам. Тогда было решено создать в Калининграде центр, который бы оказывал помощь переселенцам из России, Казахстана, Средней Азии в Германию и поселенцам, остающимся в области. Одновременно этот центр должен был бы координировать культурно-просветительскую деятельность и собственным примером подчеркивать немецкое присутствие в Калининграде. Этот центр был назван Немецко-Русским домом (НРД).

Стоит отметить, что со временем в самой Германии начало меняться отношение к переселенческой политике. В 2001 г. уполномоченный правительства ФРГ по делам переселенцев Йохен Вельт заявил о необходимости внесения в федеральный Закон об изгнанных ряда поправок для более качественного отбора кандидатов на переселение. Спикер фракции «зеленых» в бундестаге Чем Эздемир отметил, что «переселенческая политика себя изжила», что необходимо отменить привилегии переселенцев, последние должны попадать под действие Закона об иммиграции⁶¹. Несомненно, такие действия значительно осложнят дальнейшую миграцию немцев из России и, в частности, могут привести к увеличению их численности в Калининградской области.

Как бы там ни было, но присутствие немцев, пусть и российских, в Калининградской области стало фактом. У них налажены широкие контакты с немцами из Германии, последние

⁶¹ Кобольд: Информационный бюллетень для российских немцев и их соседей. 2001. №11. 27 марта.

в свою очередь стали частыми гостями в населенных пунктах области. Все это сказывалось на ментальности местного населения. Особенно на ментальности молодежи.

Дело в том, что различные благотворительные и особенно религиозно-благотворительные организации обращают особое внимание на детей, социально не устроенных или плохо устроенных, на детей-сирот. Практически все детские дома, школы-интернаты имеют своих шефов из Германии. Дети сизмальства привыкают к предметам домашнего обихода, одежде, игрушкам, мебели немецкого производства, отвечающим немецкой ментальности. Лютеранская община из Георгенбурга шефствует над детским садом «Родничек», общественная организация «Антропос» – над школой-интернатом №3, фонд «Кенигсберг» – над интернатом для детей с детским церебральным параличом и т.д.

Наиболее крупный проект был осуществлен в Зеленоградском районе организацией «Салем» и фондом «Салем-Русь». Патриарх движения «Салем» Готтфрид Мюллер занимался религиозной благотворительностью в Африке, Америке, Израиле. Под Зеленоградском Мюллер построил несколько детских домов семейного типа, объединив их в деревню «Салем». Как сообщают местные СМИ, первые две крестьянские многодетные семьи будут выращивать «экологически чистые продукты по салемским биоаграрным технологиям»⁶².

Кроме различных организаций, на детской и школьной ниве активно работают и отдельные немецкие граждане. Так, Карл Ринтшенк из Фризена регулярно финансирует летний отдых для группы школьников в Советске. Гельмут Хоффман из Золингена с компаньоном оплачивает школьные завтраки детям из малоимущих семей Зеленоградска⁶³. Причем многие организации и абсолютное большинство частных лиц работают в этом направлении совершенно искренне и бескорыстно.

Одним из факторов, оказывающих существенное влияние на формирование идентичности калининградцев, следует считать

⁶² См.: *Калининградская правда*. 2000. 4 ноября.

⁶³ См.: *АиФ* в Калининграде. 2000. 6 мая.

их отношение к религии. Вполне объясним общий интерес жителей области к этой форме общественного сознания: на протяжении нескольких десятилетий западный регион России оставался атеистическим. На этом фоне естественна активность различных конфессий по привлечению в свои ряды новых членов.

Конечно, ведущую роль в этом процессе играет православная церковь. Присутствие в области литовской и польской диаспор обуславливало существование в области верующих-католиков. По сути, с нуля начинала свою деятельность лютеранская церковь. В настоящее время насчитывается более 20 ее приходов и около 2000 прихожан. В апреле 1999 г. в Калининграде было открыто вновь построенное здание церкви, под ее покровительством конкретно находится детский приют «Яблонька». Церковь реставрирует ряд старых и довоенных церквей в поселках области. Очень активно работает евангелический приход в г. Гусеве (бывший Гумбиннен, город, давший приют зальцбургским переселенцам в 1732 г.), где на средства бывших жителей Гумбиннена была восстановлена Зальцбургская кирха XVIII в. Зальцбургское землячество очень деятельно сотрудничает с профессурой Калининградского университета, периодически приглашая в Билефельд, где располагается штаб-квартира землячества.

Достаточно влиятельна в области новоапостольская церковь, объединяющая около 2000 прихожан и имеющая солидные финансовые возможности. Так, в кратчайший срок (2 – 3 года) была восстановлена буквально из руин церковь в г. Гурьевске и построено новое здание церкви в Калининграде.

Немцы очень активно занимаются проблемой сохранения памяти о Кенигсберге и других исторических местах Восточной Пруссии. Они не упускают случая, чтобы не только поставить вопрос о сохранении или восстановлении того или иного памятника культуры, но и вкладывают в это средства. Примером является восстановление Кафедрального собора.

Еще одной акцией по сохранению памяти о немецком пребывании на этой земле, которой немцы придают исключи-

тельно важное значение, влияющее на духовно-психологическое состояние калининградцев, является работа по восстановлению немецких воинских захоронений периода Второй мировой войны. Работы ведутся на основе соответствующего соглашения между правительствами РФ и ФРГ 1992 г. С немецкой стороны работы выполняются силами Народного союза Германии по уходу за воинскими захоронениями, с российской – ассоциацией «Военные мемориалы» (штаб-квартира – в Москве), которая имеет своего представителя в Калининградской области. Финансирование работ осуществляет Народный союз. Непосредственно для раскопок, перезахоронений и благоустройства территорий привлекается местное население, молодежь и школьники – как русские, так и немецкие, для которых создаются молодежные лагеря. Для поддержания и дальнейшего благоустройства территории кладбища немецкая сторона нанимает зрителей из местных жителей с достаточно высокой (по сельским меркам) оплатой.

В начале века общественность Калининграда приступила к обсуждению возможности празднования двух юбилеев: 200-летия И. Канта и 750-летия основания города.

Таким образом, немецкое культурное присутствие в области является реальностью. Причем оно достигнуто естественным, цивилизационным путем. Это присутствие и оказывается тем фактором, который существенно влияет на формирование идентичности калининградцев. Происходит изменение не только мировоззрения населения области, но и трансформируется его самосознание.

* * *

Перестроечные процессы в Центральной и Восточной Европе в конце 80-х – начале 90-х годов привели к образованию в юго-восточной Прибалтике российского эксклава – Калининградской области. Жители области оказались под воздействием мощных политических и экономических сил. Будучи неотъемлемой частью России, область тем не менее находится между двумя полюсами – ЕС, с одной стороны, и РФ – с другой. Создавшаяся

политико-экономическая ситуация подчеркивает особую роль Калининградской области не только для России, но и для Европы. С чем, собственно говоря, согласна и РФ, участвующая в российско-европейском диалоге по проблемам области.

Российский субъект выдвинут далеко на запад и, естественно, новые веяния в науке, общественных отношениях для России могут начинаться именно с Калининградской области. Примером может служить проблема формирования или поиска идентичности калининградцев. Понятие, обозначающее духовно-психологические процессы во взаимодействии с мировоззрением человека, начинает играть все более значимую роль в общественной жизни области.

Проблема идентичности, сформулированная в середине XX в., появилась в Калининградской области только в 90-х годах. Естественно, что она привлекает к себе внимание социологов, психологов, обществоведов, журналистов... Возможно, что в недалеком будущем без учета влияния идентичности не будет рассматриваться ни один процесс общественной жизни. Отсюда легко объясним тот интерес, который это понятие, скорее даже явление, вызывает у специалистов.

Анализируя проблему формирования идентичности калининградцев, можно выделить те направления, которые оказывают непосредственное воздействие на самосознание человека, жителя Калининградской области. В нашем конкретном случае – это появление и развитие социально-территориальной общности, ее исторические и культурные особенности, военно-патриотические и геополитические факторы. Значительную роль в формировании идентичности калининградцев играет наше зарубежное окружение.

Несомненно, что при дальнейшем исследовании проблемы могут появиться новые направления, факторы, которые смогут затенить или, наоборот, развить дальше уже отмеченные. Проблема идентичности калининградцев еще мало изучена. Она требует к себе пристального внимания. От того, как успешно будет вестись ее исследование, во многом зависит не только социальное и культурное развитие области, но и ее (области) политическая стабильность и экономическое процветание.

А.В. ЧАБАНОВА

**ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТЬ
КАЛИНИНГРАДСКОГО СОЦИУМА
(по итогам социологического исследования)**

В задачи исследования входило выявление объектов идентификации населения региона, степени идентификации жителей региона с различными социальными общностями, включая социально-территориальные, выявление взаимосвязи идентификации с полом, возрастом, уровнем образования, родом занятий, социальной мобильностью и другими характеристиками респондентов.

Опрос проводился в июле-августе 2001 г. среди жителей региона методом интервью по двухступенчатой выборке. На первом этапе было отобрано 33 населенных пункта разного типа, включая г. Калининград, города и поселки девяти районов области. На втором – проводился отбор респондентов случайным путем. В опросе приняли участие 383 человека.

Обработка и анализ данных, полученных в результате опроса, проводился с помощью программы «ДА-система».

В результате опроса были получены следующие предварительные выводы.

Удовлетворенность жизнью

Каждый четвертый опрошенный не удовлетворен материальным положением своей семьи, еще 40% респондентов скорее не удовлетворены, что в сумме составляет 64,7%. Полностью удовлетворены своим материальным положением только 7% опрошенных. Несколько парадоксально выглядит полная удовлетворенность своим материальным положением 16% сельских жителей. Группа неудовлетворенных на селе насчитывает только 49,4%.

Сельские жители демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности жизнью по сравнению с горожанами: сре-

ди них доля полностью удовлетворенных и скорее удовлетворенных жизнью в целом составили соответственно 18,7 и 46,7%. Жители областного центра удовлетворены своей жизнью в меньшей степени, что, вероятно, связано с более высокими запросами и притязаниями. Большинство жителей малых городов скорее удовлетворено жизнью в целом, хотя доля полностью удовлетворенных здесь минимальна (4,3%).

В целом по выборке получены следующие данные относительно удовлетворенности респондентов своей работой: 15,8% опрошенных удовлетворены работой полностью, 36,5% скорее удовлетворены, 24,7% скорее неудовлетворены, 7,9% полностью неудовлетворены. Таким образом, общая сумма положительных ответов составляет чуть более половины.

Интересно, что сельские жители в гораздо большей степени удовлетворены своей работой (в той или иной степени удовлетворены работой 61,6% сельчан), чем горожане (аналогичный показатель по подвыборке калининградцев составляет 50,3%, по жителям малых городов – 49,3%).

Наиболее высокий уровень удовлетворенности работой в подгруппах предпринимателей (19,4% ответов «полностью удовлетворен» и 35,5% «скорее удовлетворен») и военнослужащих (соответственно 27,8 и 38,9%). Большая часть респондентов – руководителей, специалистов естественнонаучного, технического и гуманитарного профиля, квалифицированных рабочих выбрали вариант ответа «скорее удовлетворен» (соответственно по 53,3, 44,4, 62,5 и 46,0%). Наибольшая доля в той или иной степени неудовлетворенных работой (50,7%) – среди служащих. Тех, кто был бы совершенно не удовлетворен работой, нет в группах руководителей и специалистов гуманитарного профиля.

Анализ удовлетворенности работой респондентами с разным уровнем образования показывает, что наибольшее число тех, кто доволен работой полностью или в основном, – среди опрошенных с высшим образованием (60,9%). По остальным группам этот показатель варьируется от 28,6 до 46,5%.

Удовлетворенность работой связана и с уровнем дохода, который она обеспечивает. С увеличением дохода растёт и

удовлетворенность респондентов своей работой: если в группах с низким уровнем дохода на одного члена семьи доля в той или иной степени удовлетворенных работой составляет примерно треть, то в группах наиболее обеспеченных опрошенных она достигает трех четвертей.

Относительно удовлетворенности респондентов образованием получены следующие данные: 18,7% опрошенных полностью удовлетворены уровнем своего образования и квалификации, 35,0% скорее удовлетворены, 26,2% скорее не удовлетворены и 7,5% полностью им не удовлетворены. Более других удовлетворены респонденты с высшим образованием: доля в той или иной степени удовлетворенных в этой группе достигает 75%, что в полтора раза выше средневыборочного показателя и, например, в два раза больше, чем в группе респондентов с начальным профессиональным образованием.

Неудовлетворенность уровнем образования и квалификации заставляет респондентов предпринимать в этом отношении какие-то шаги. В целом по выборке примерно треть опрошенных в ближайшие годы намеревается получить образование более высокого уровня, повысить свою квалификацию или пройти профессиональную переподготовку. В подгруппах респондентов, в той или иной степени не удовлетворенных своим образованием, этот показатель достигает 40 – 45%.

Укорененность на территории области

Среди опрошенных – люди с самым разным «стажем» проживания в области: от тех, кто попал сюда в 1945 г. или родился здесь, до переселенцев текущего года.

Чуть более половины (56,4%) опрошенных жителей Калининградской области родились на ее территории. Остальные – переселенцы разных лет из других российских регионов (20,9%), бывших советских республик (17,9%), зарубежных по отношению в территории бывшего СССР стран (1,6%).

Всю жизнь прожили на ее территории 81,9% уроженцев области, остальные на разные периоды времени покидали ре-

гион, чтобы снова сюда вернуться. Опрошенные, родившиеся за пределами области, в большинстве случаев попали сюда, будучи взрослыми, в том числе переехали в регион относительно недавно, небольшая их доля попала в область в детском возрасте.

Почти все респонденты, родившиеся в области, считают себя ее коренными жителями. Среди родившихся за ее пределами доля тех, кто в той или иной степени считает себя коренным жителем региона, существенно меньше, но все же не столь мала – 51,8% (табл. 1).

Таблица 1

**Самопричисление к коренным жителям области
(% от опрошенных)**

Считаете ли Вы себя коренным жителем нашей области?	Место рождения		Вся выборка
	Калининградская область	За пределами области	
Да	88,4	25,5	62,6
Скорее да, чем нет	6,5	16,3	10,5
Скорее нет, чем да	1,9	13,7	7,1
Нет	1,9	39,2	17,0
Затрудняюсь ответить	1,4	5,2	2,9

Ощущение себя коренным жителем области у опрошенных связано с конкретной ситуацией смены места жительства. Среди тех, кто родился за пределами области, но провел здесь детство, доля респондентов, в той или иной степени считающих себя коренными жителями, составляет более двух третей; среди попавших в регион взрослыми она снижается до трети, среди мигрантов 1991 – 1995 гг. – до 26,1%, наконец, среди мигрантов последних пяти лет она составляет только 12,5%.

Что касается того, ощущают ли себя неуроженцы области переселенцами, мигрантами, то это зависит от продолжительности проживания в регионе. В целом среди тех, кто родился за пределами региона, на вопрос: «Живя в Калининградской

области, ощущаете ли Вы себя переселенцем, мигрантом?» – только 5,4% ответили «определенно да» и 7,4% «скорее да, чем нет», 18,9% респондентов выбрали вариант ответа «скорее нет, чем да», 60,8% – «определенно нет», 7,4% респондентов затруднились с ответом. Среди мигрантов последних десяти лет доли ответивших «да» и «скорее да» составляют соответственно 23,1 и 7,7%.

В связи с проблемой укорененности в области интерес, с нашей точки зрения, представляют ответы респондентов на вопрос: «Что для Вас является родиной?». Место (город, село), в котором они родились, считают родиной 42,6% опрошенных, в том числе 46,3% уроженцев региона. Россия – родина для 29,2% всех опрошенных и 29,6% уроженцев области. От этих данных несколько отличаются данные по подвыборке переселенцев из российских регионов: здесь родиной считают Россию 40% респондентов, место рождения – 26,3%. В среднем по выборке считают родиной Советский Союз 4,4% опрошенных, но доля таких респондентов варьируется в зависимости от места рождения.

Выбор вариантов ответов на вопрос о родине различается от одной возрастной группы к другой. Так, наибольшее число считающих родиной место своего рождения – среди людей в возрасте от 41 года до 50 лет (51,1%) и самых молодых (до 23 лет) респондентов (46,6%). Самая низкая доля – среди опрошенных в возрасте 31 – 40 лет (30,2%); они же чаще других выбирали вариант ответа «место, где прошло детство» (19,0% против, например, 5% по подвыборке молодежи до 30 лет). Доля выбравших вариант ответа «Россия» варьируется от 21,1% респондентов в возрасте старше 60 лет до 36,7% опрошенных в возрасте 24 – 30 лет. Доля респондентов, считающих родиной СССР, растет с возрастом, достигая 10,5% в группе лиц старше 60 лет.

Учитывая, что Калининградская область имеет исторические и социокультурные особенности, нетипичные для обычных российских регионов, респондентам задавался вопрос об их отношении к довоенному этапу ее истории, культуре Вос-

точной Пруссии. Оказалось, что более половины респондентов относятся к довоенной истории края, культуре Восточной Пруссии с уважением. Трети опрошенных очень интересны история и культура Восточной Пруссии. Около 7% составила доля респондентов, относящихся к истории края безразлично, чуть более 2% опрошенных она чужда или они относятся к ней негативно.

По всем возрастным группам преобладает позитивное отношение к «восточнопрусскому» прошлому региона. Наибольшее число «безразличных» пришлось на молодежь (8,7% – среди респондентов до 23 лет, 14,3% – от 24 до 30 лет) и самую старшую группу (13,2%).

Следует отметить, что заметных различий в отношении к довоенной истории и культуре края между уроженцами области и родившимися за ее пределами нет. Переселенцы последнего десятилетия относятся к ним с большим интересом (43,6% по подвыборке живущих в области с 1991 г. против 32,2% по остальным респондентам), среди них меньше безразличных и нет тех, кто относится к истории и культуре Восточной Пруссии негативно или враждебно.

Переселенцы

Безусловный интерес среди опрошенных жителей Калининградской области представляет группа переселенцев последних лет. В нашей выборке она составляет 10,2%. В ней примерно поровну представлены мужчины и женщины (соответственно 48,7 и 51,3%), возраст которых составляет от 17 до 67 лет. Наиболее велика группа молодых переселенцев: лица в возрасте до 30 лет составляют 51,2% подвыборки, от 31 года до 50 лет – 28,2%, старше 50 лет – 20,5%. Большинство (71,7%) в подвыборке – русские, остальные – представители других национальностей. Треть переселенцев последнего времени – родом из России, пятая часть – из Казахстана, остальные – уроженцы Украины, Белоруссии, Узбекистана, Литвы, Польши.

Респондентам, переехавшим в регион в течение последних нескольких лет, задавался вопрос о причинах, повлиявших на смену места жительства (можно было выбрать три варианта ответа). По подвыборке последних 10 лет наиболее часто мигранты называли такую причину миграции, как политическая и межнациональная напряженность на прежнем месте жительства (39,4%). Далее следуют: перспектива улучшить свое социально-экономическое положение и семейные обстоятельства (по 27,3%), решить социально-экономические проблемы (21,2%) и другие причины.

Между мигрантами 1991 – 1995 гг. и последних пяти лет с точки зрения причин смены ими места жительства есть ряд различий. Так, мигранты второй половины 90-х годов более чем в три раза чаще выбирали вариант ответа «социально-экономические проблемы на прежнем месте жительства» и в полтора раза реже – вариант «перспектива улучшить свое социально-экономическое положение на новом месте жительства», что может говорить о снижении привлекательности региона для переселенцев. Также, в отличие от мигрантов первой половины 90-х, среди переселенцев последних пяти лет появились такие (14,3%), для кого, по крайней мере, одной из причин смены места жительства стало намерение получить образование.

Опрошенные мигранты последнего десятилетия – люди с довольно высоким уровнем образования: 43,6% респондентов имеют высшее, 15,4% – неполное высшее, 20,5% – среднее специальное образование. По основному роду занятий это прежде всего служащие (20,5%), студенты (23,1%), предприниматели (10,3%), руководители и специалисты (12,8%), военнослужащие (7,7%). Только 2,6% респондентов указали, что являются безработными. Пятая часть опрошенных мигрантов имеет доходы на одного члена семьи ниже 800 руб. и от 800 до 1200 руб. в месяц, почти четверть – 1200 – 2000 руб. и 2000 – 5000 руб. в месяц, то есть в материальном плане это относительно благополучная группа. Для почти половины подвыбор-

ки основной источник средств к существованию – зарплата по одному месту работы, для пятой части – доходы от бизнеса.

В целом можно сказать, что мигранты последних лет достаточно успешно адаптируются к жизни в области, вливаются в региональный социум – как в социально-экономическом, так и в социокультурном плане. Существуют определенные ограничения, связанные с объективными закономерностями процесса адаптации, что выражается в различиях между мигрантами с большим и меньшим стажем. Как уже упоминалось, с ростом срока проживания мигрантов на территории области увеличивается доля тех из них, кто считает себя коренными жителями области, и уменьшается – тех, кто ощущает себя переселенцем (табл. 2).

Таблица 2

**Самопричисление к коренным жителям
и переселенцам мигрантами разных лет
(% от опрошенных)**

Вариант ответа	Мигранты	
	1991 – 1995 гг.	1996 – 2001 гг.
<i>Считаете ли Вы себя коренным жителем нашей области?</i>		
Да	17,4	0,0
Скорее да, чем нет	8,7	12,5
Скорее нет, чем да	21,7	6,3
Нет	47,8	62,5
Затрудняюсь ответить	4,3	18,8
<i>Живя в Калининградской области, ощущаете ли Вы себя переселенцем, мигрантом?</i>		
Да	27,3	18,8
Скорее да, чем нет	9,1	6,3
Скорее нет, чем да	13,6	25,0
Нет	50,0	37,5
Затрудняюсь ответить	0,0	12,5

Идентификация жителей региона

В связи с задачами исследования нас интересовала степень идентификации респондентов прежде всего с различными социально-территориальными группами, а также социальными общностями и группами иного типа. Согласно полученным данным, часто ощущают духовную близость с людьми, проживающими в одном с ними городе, селе, 29,5% респондентов, с россиянами – 25,3%. Оба показателя существенно ниже аналогичного по таким наиболее значимым для опрошенных группам, как семья и друзья, а также группам людей того же пола (46,2%), возраста (40,5%), рода занятий (40,5%), национальности (34,5%) взглядов (35,2%) и даже достатка (31,1%). Наши респонденты ощущают духовную близость еще реже, чем с соотечественниками и локальной общностью, лишь с таким неопределенным социальным образованием, как граждане СНГ (9,1%), с несуществующей на сегодняшний день общностью «советский народ» (9,7%), а также с трудно представляемым сообществом всех людей на Земле (7,6%). Таким образом, локальная общность и страна в целом занимают периферийные позиции в иерархии социальных общностей, с которыми респонденты ощущают духовную близость.

Разные группы респондентов по-разному оценивают свою идентификацию с предложенными социальными общностями и группами.

В рамках данного исследования особый интерес представляет идентификация различных социальных групп жителей области с социально-территориальными общностями. Уроженцы Калининградской области немногим реже (22,7%), чем в среднем по выборке, испытывают духовную близость с россиянами; гораздо выше этот показатель у тех респондентов, чьей родиной являются республики Средней Азии (более 50%). У уроженцев российских регионов он достигает 30%. Уроженцы Калининграда и других российских территорий

реже идентифицируют себя с советским народом (9,7 и 7,5% соответственно), чем представители других бывших союзных республик (около 15%).

Что касается духовной близости с населением локального сообщества, то жители небольших городов и сел ощущают ее чаще (в 46,2 и 41,3% случаев соответственно), чем жители областного центра (17,8%). В этом плане существует также различие между жителями малых городов со статусом и без статуса районного центра (33,3 и 58,3%). Таким образом, степень идентификации с локальным сообществом связана не только с его численностью (чем крупнее, тем слабее идентификация с ним), но и с какими-то другими факторами.

Среди прочих респондентам задавался вопрос: «Принадлежность к какой из следующих географических групп Вы ощущаете в первую очередь?». Он представляет особый интерес в связи с возможностью сравнить полученные ответы с теми, которые давали на подобный вопрос участники международного (1990 г.) и всероссийского опросов (1994 г.)¹ (табл. 3).

Таким образом, можно видеть, что явного перевеса в пользу какого-либо из предложенных вариантов ответа нет. Локальная общность как объект для идентификации выбирается нашими респондентами примерно в трети случаев. Далее следуют варианты «Я – житель Калининградской области» и «Я – россиянин» (соответственно 28,0 и 24,6%). Несмотря на то, что различия между числом ответов невелико, с нашей точки зрения, можно говорить о предпочтениях одних объектов идентификации по сравнению с другими. И сложившаяся последовательность предпочтений явно отличается от данных всероссийского опроса (1994 г.), согласно которым почти половина респондентов определяет себя в первую очередь как жителей России, а менее пятой части опрошенных идентифицируют себя с регионом и локальной общностью.

¹ См.: Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: Совпадение, 1998. С. 282 – 285.

**Сравнительная структура идентификаций
(% от опрошенных)**

Место проведения опроса	Локальная общность (город, местность)	Регион (область)	Страна как целое	Европа	Мир как целое	Не знаю
Калининградская область, 2001 г.	32,2	28,0	24,6	2,6	6,6	5,5
Россия, 1994 г.	17,0	17,0	49,0	2,0	11,0	4,0
США	36,7	12,8	30,2	3,1	15,4	1,9
Канада	30,2	15,9	38,9	2,8	9,2	2,5
Великобритания	38,8	16,1	30,9	2,5	9,2	2,5
Дания	51,7	21,9	21,6	1,6	2,0	1,3
Франция	40,0	13,6	27,5	7,8	9,8	1,3
Западная Германия	33,9	29,0	13,6	5,2	6,2	3,4
Италия	40,6	11,0	27,5	4,8	14,5	1,5
Норвегия	68,4	13,0	14,0	1,2	2,3	1,1
Швеция	55,6	12,4	24,4	3,2	3,2	1,2
Польша	35,0	12,0	45,0	4,0	2,0	1,0
Восточная Германия	25,0	27,0	37,0	5,0	4,0	1,0
Чехия	38,0	17,0	35,0	2,0	7,0	1,0

По сравнению (при всей его условности) с международным исследованием 1990 г. наши респонденты выбирали вариант «локальная общность» реже, а «регион» несколько чаще, чем опрошенные жители многих стран-участниц. Налицо отличия от наиболее развитых европейских стран и сходство со странами Восточной Европы.

Рассмотрим различия в идентификации с географическими группами внутри нашей выборки. Они, например, связаны с типом населенного пункта, где проживают респонденты. Так, калининградцы чаще остальных выбирают локальную общность (35,8%) и страну (30,2%) и в значительно меньшей степени, по сравнению с остальными – регион (17,9%). Жители малых городов и сел скорее идентифицируют себя с областью (соответственно 39,8 и 42,4% ответов), затем со своим насе-

ленным пунктом (30,1 и 24,7%) и только потом со страной в целом (15,1 и 21,9%).

Кроме того, структура идентификаций различается по возрастным группам. Молодежь до 23 лет и респонденты старше 50 лет в первую очередь выбирают вариант «локальная общность» (соответственно 35, 40 и 44,7%). В то же время значительная доля (больше трети) группы респондентов старших возрастов выбирает вариант «россиянин», тогда как идентификация со страной в целом характерна только для 15,5% самых молодых опрошенных. Лица в возрасте 24 – 30 и 41 – 50 лет скорее выбирают регион (32,7 и 36,4%). Большая часть тридцатилетних выбрала Россию (33,3%).

В целом по выборке доля респондентов, идентифицирующих себя с Европой (2,6%), незначительна, причем все выборы варианта «европеец» приходятся на людей в возрасте до 50 лет. Наибольшее число выбравших вариант «гражданин мира» – молодые респонденты до 30 лет.

Еще один вопрос анкеты, направленный на выявление идентификаций респондентов с социально-территориальными общностями: «Какая из перечисленных групп скорее относится к категории “мы”?». Респонденты имели возможность сделать три выбора из представленных ответов в порядке ослабления идентификации. Были получены следующие результаты (табл. 4).

Таблица 4

Выбор «мы»-группы (% от опрошенных)

Какая из перечисленных групп скорее относится к Вам как к категории «мы»?	Выбор			Общее число выборов любой очередности
	1-й	2-й	3-й	
Россияне	45,7	24,3	7,3	77,3
Калининградцы	27,7	42,6	7,6	77,8
Представители одной с Вами национальности	11,0	3,9	8,4	23,2
Славяне	5,7	7,8	17,5	31,1
Европейцы	2,6	3,7	16,4	22,7
Затрудняюсь ответить	7,4	17,8	42,8	—

Из таблицы можно видеть, что по первому выбору лидирует вариант ответа «россияне» (45,7% ответов), по второму – «калининградцы» (42,6%). Однако по совокупности выборов оба варианта занимают особые позиции по сравнению с остальными. Интересно, что по совокупности выборов третью позицию в списке «мы»-групп занимает вариант «славяне». Следует отметить, что с каждым выбором существенно возростала доля респондентов, затруднившихся с ответом.

Наиболее явные различия в ответах на вопрос о «мы»-группах наблюдаются по возрастным группам. Особенно интересны данные по первому выбору. Самые большие доли респондентов, выбравших вариант «россияне», среди возрастных групп 51 – 60 лет (60%), старше 60 лет (63,2%), 24 – 30 лет (51,0%). Такой вариант ответа, как «славяне», наибольшее число приверженцев нашел в группе тридцатилетних (12,7% против 5,7% в среднем по выборке).

Нет серьезных различий в ответах на вопрос о «мы»-группах между жителями населенных пунктов разного типа, между уроженцами Калининградской области и респондентами, родившимися за ее пределами. Зато обнаруживаются расхождения в ответах респондентов, переселившихся в регион в последние десять лет, и тех, кто живет здесь дольше (условно назовем их коренными жителями области). Делая первый выбор, мигранты последних лет отдают предпочтение варианту «россияне» (39,5%), практически игнорируя вариант «калининградцы» (10,5%). Соответственно среди них в два раза больше доля тех, кто выбрал в качестве «мы»-группы представителей той же с ними национальности, а также славян. По совокупности у условно коренных калининградцев равное число выборов вариантов ответа «россияне» и «калининградцы» – по 79,4%, у мигрантов последних 10 лет оба показателя ниже – соответственно 59 и 64,1% (табл. 5).

Одним из важнейших типов общностей, с которыми возможна идентификация, являются этнические. В нашей анкете содержались вопросы, направленные на выявление степени идентификации респондентов с теми этническими общностями, представителями которых они себя считают.

Таблица 5

Выбор «мы»-группы условно коренными жителями области и переселенцами последних лет (% от опрошенных)

«Мы»-группа	1-й выбор		Общее число выборов любой очередности	
	Переселенцы 1991 – 2001 гг.	Живущие больше 10 лет	Переселенцы 1991 – 2001 гг.	Живущие больше 10 лет
Россияне	39,5	48,3	59,0	79,4
Калининградцы	10,5	30,8	64,1	79,4
Представители одной с Вами национальности	21,1	10,3	28,2	22,7
Славяне	13,2	5,1	35,9	30,5
Европейцы	5,3	2,4	25,6	22,4
Затрудняюсь ответить	10,5	3,0	41,0	22,1

В связи с малочисленностью подвыборок представителей отдельных национальностей анализировать данные по каждой из них не представляется возможным. Поскольку наиболее крупной этнической группой в регионе являются русские, а представители других этносов оказываются в позиции меньшинства, мы для удобства анализа позволили себе сгруппировать данные по категориям «русские» и «представители других национальностей».

Полученные нами данные показывают, что доля русских, гордящихся своей национальностью в высокой и очень высокой степени, больше, чем среди респондентов других национальностей (61,6 и 51,7% соответственно). У четверти представителей других этносов вопрос о гордости своей национальностью вообще вызвал затруднения.

Русские участники опроса и респонденты других национальностей примерно одинаково часто (в трети случаев)

ощущают духовную близость с представителями той же этнической общности. Однако в подгруппе респондентов других национальностей больше доля тех, кто почти никогда не ощущает эту духовную близость (соответственно 9,7 и 24,5% по подгруппе русских и подгруппе других национальностей).

Осознание себя членом той или иной социальной общности, группы среди прочего выражается через самоназвание. В связи с этим мы задавали респондентам вопрос о том, как они называют свое место жительства за пределами области. Вопрос был открытым, затем ответы группировались по категориям «Калининград», «Калининградская область», «Конкретный населенный пункт» (в категорию «Другое» попал вариант ответа «Кенигсберг»).

В целом по выборке две трети респондентов, отвечая (будучи в другом регионе России) на вопрос о месте жительства, говорят «Калининград», чуть более пятой части называют Калининградскую область, остальные 10,5% называют конкретный населенный пункт (табл. 6). При этом структура ответов жителей населенных пунктов разного типа имеет различия. Ответы жителей г. Калининграда в основном разделились на две категории – Калининград (83,2%) и Калининградская область (17,8%). Калининградцам же принадлежат ответы «Кенигсберг». По селам и малым городам – иная структура ответов. Сельчане в редких случаях (10,5%) называют конкретный населенный пункт, в котором проживают, гораздо «удобнее» для них называть Калининград (56,1% ответов) или Калининградскую область (33,3%). Жители малых городов чаще респондентов, проживающих в сельской местности, называют конкретный населенный пункт (31,3% случаев), однако называть в качестве места жительства Калининград для них привычнее (41,8%).

Еще один возможный аспект изучения идентификаций жителей региона – выяснение степени гордости респонден-

тов в связи с их принадлежностью к той или иной социальной общности. Участникам опроса было предложено оценить, в какой степени они гордятся своей национальностью, а также тем, что являются россиянами и жителями Калининградской области. Полученные данные приводятся в таблице 7. Из нее видно, что различия в том, насколько респонденты гордятся принадлежностью к этнической общности, региону и стране в целом, не столь значительны и касаются не столько самого факта ощущения или неощущения гордости, а ее степени. Так, доля вариантов ответов, характеризующих высокую и очень высокую степень гордости («весьма горд» и «очень горд»), несколько ниже среди ответов на вопрос «В какой степени Вы гордитесь тем, что Вы россиянин?» (54,5%) по сравнению с аналогичными о национальности и проживании в Калининградской области (соответственно 59,1 и 65,2%).

Таблица 6

**Презентация места жительства
(% от опрошенных)**

Вариант ответа	Населенный пункт (тип)			Вся выборка
	Калининград	Малый город	Село	
<i>Когда Вам в другом регионе России задают вопрос о Вашем месте жительства, Вы обычно называете...</i>				
Калининград	79,4	41,8	56,1	66,8
Калининградскую область	17,8	26,9	33,3	22,7
Конкретный населенный пункт	—	31,3	10,5	8,9
Другое	2,8	—	—	1,6

**Гордость в связи с принадлежностью к социальным общностям
(% от опрошенных)**

Вариант ответа	Совсем не горжусь	Не очень горжусь	Весьма горжусь	Очень горжусь	Затрудняюсь ответить
<i>В какой степени Вы гордитесь ...</i>					
... своей национальностью	7,8	18,2	35,9	24,1	13,9
... тем, что Вы россиянин	6,8	24,7	36,6	17,9	13,9
... тем, что Вы житель Калининградской области	5,5	17,8	42,7	22,5	11,5

Анализ возрастных отличий в ответах на эти вопросы показывает следующее.

Все возрастные группы респондентов примерно в одинаковой степени гордятся своей национальностью.

Доля тех, кто «совсем не гордится», что он россиянин, достигает максимума в группе 30-летних, минимума – в группе 50-летних. Среди тех, кому от 31 до 40, соответственно самая низкая доля тех, кто «очень гордится» статусом россиянина. Наиболее велика она среди старшей возрастной группы (от 60 лет).

30-летние же наиболее «спокойно» относятся к тому факту, что проживают в Калининградской области. Именно среди них доля ответов «совсем не горжусь» достигает максимума (12,7%), «очень горжусь» – минимума (7,9%). Респонденты остальных возрастов гордятся тем, что проживают в нашем регионе, в большей степени. Особенно это касается молодежи, выбравшей варианты ответа «весьма горжусь» и «очень горжусь» в 71,7% случаев, что значительно превышает показатели по гордости быть россиянином (55,3%) или своей национальностью (55,9%).

В ходе анализа мы также рассмотрели, в какой степени гордятся свои статусом россиян респонденты, родившиеся в разных регионах. Как и следовало ожидать, наиболее сильно гордятся тем, что они россияне, уроженцы российских регионов (29,1% ответов «весьма горжусь» и 30,4% – «очень горжусь», что в сумме составляет 69,4%). У уроженцев Калининградской области гордость статусом россиян ниже как в количественном, так и в качественном смысле: сумма долей ответов «весьма горжусь» и «очень горжусь» составляет 55,3%, на ответ «очень горжусь» приходится 15,3% ответов, то есть в два раза меньше, чем по подвыборке урожденных россиян. Еще ниже показатели по подгруппе уроженцев нероссийских регионов: сумма положительных ответов составляет здесь 46,4%, доля ответов «очень горжусь» – 11%.

Обнаружились отличия в степени гордости статусом жителя Калининградской области между группами респондентов – уроженцев и неуроженцев региона, проживающих в области давно или с рождения и переселившихся сюда в течение последних лет.

Данные показывают, что среди респондентов, родившихся за пределами региона, доля тех, кто весьма или очень гордится своим статусом его жителя, несколько ниже, чем среди уроженцев Калининградской области (соответственно 58,2 и 70,4%). Аналогичные доли по группам «коренных» жителей и мигрантов последних лет – 57,9 и 66%. То есть мигрантов, гордящихся проживанием в области, больше, чем «коренных» жителей, однако последние гордятся этим более «интенсивно» (здесь доля ответов «очень горжусь» в полтора раза превышает аналогичный показатель по мигрантам).

Видение и оценка населением перспектив развития региона

Ряд вопросов анкеты был посвящен тому, как население представляет себе и оценивает современную ситуацию в регионе и перспективы его развития.

Выяснилось, что более половины жителей области в той или иной степени обеспокоены ее эксклавным положением, территориальной оторванностью от России. В старших возрастных группах доля обеспокоенных больше: если среди молодежи доля обеспокоенных оторванностью региона составляет меньше половины опрошенных, то по остальным возрастам – от трети и более.

Особенно обеспокоены эксклавным положением области люди с высшим образованием (63,8% респондентов этой подгруппы дали ответы «скорее беспокоит» и «очень беспокоит»). Несколько более других волнует эта проблема респондентов, имеющих детей, несколько менее других – респондентов с самым низким уровнем дохода и невысоким уровнем образования.

Наиболее явные различия – между респондентами, переселившимися в регион в течение последнего десятилетия, и теми, кто живет здесь дольше. Если среди первых доля тех, кто в той или иной степени обеспокоен оторванностью области от «материка», составляет 38,4%, то среди условно коренных жителей – 62,5%.

Анализ ответов жителей населенных пунктов разного типа показывает, что существуют небольшие различия в степени их обеспокоенности проблемой эксклавности. Сельчан эта проблема беспокоит несколько меньше, чем горожан, однако они более определенно высказывают свою обеспокоенность (на эту группу приходится максимальная доля ответов «очень беспокоит»). Калининградцы, по сравнению с жителями других городов области, демонстрируют более высокую степень беспокойства оторванностью региона от России.

Почти половина опрошенных в той или иной степени согласилась с тем, что вхождение Прибалтийских республик и Польши в Европейский Союз и НАТО так или иначе угрожает Калининградской области. Спокойнее других эту ситуацию оценивает молодежь в возрасте 24 – 30 лет (доля ответивших на соответствующий вопрос «определенно да» и «скорее да, чем нет» здесь составила в сумме меньше трети). По остальным возрастным группам доля положительных ответов – почти или более полови-

ны, максимальная доля таких ответов приходится на группу тридцатилетних (58,1%). Следует отметить, что этот вопрос вызвал затруднения у значительной части опрошенных: 22,4% респондентов не смогли дать на него ответ.

Расхождения обнаружились и по критерию длительности проживания в области: условно коренные жители области видят угрозу в связи с вхождением соседних стран в ЕС и НАТО более определенно (51,6% положительных ответов), чем переселенцы последнего десятилетия (35,8%). Существенных различий в ответах жителей населенных пунктов разного типа не обнаружилось (за исключением того, что вопрос вызвал особые трудности у сельских жителей).

Респондентов, посчитавших, что угроза области в связи с вхождением Прибалтики и Польши в Европейский союз и НАТО существует, также просили ответить на вопрос, в чем именно состоит эта угроза. Как выяснилось, наиболее серьезными угрозами, с точки зрения опрошенных, являются полная изоляция от России (30,9% ответов) и ухудшение социально-экономического положения жителей области (25,8%); 12,5% респондентов полагают, что вступление стран-соседей в ЕС и НАТО может в перспективе привести к выходу области из состава России, 8,6% опрошенных опасаются вторжения иностранной культуры и языка. Показательно, что пятая часть респондентов не смогла объяснить, в чем именно состоит угроза в связи с расширением НАТО и ЕС на восток.

Структура ответов на данный вопрос отличается по населенным пунктам разного типа. Так, жители областного центра в два раза чаще остальных респондентов опасаются полной изоляции региона от России. Население малых городов боится в первую очередь ухудшения социально-экономического положения (доля этих ответов вдвое выше, чем по подвыборкам калининградцев и сельчан). Сельские жители сравнительно чаще обеспокоены вторжением иностранной культуры и языка.

На вопрос, чем именно угрожает Калининградской области вхождение соседних стран в ЕС и НАТО, были предложены варианты ответов, распределение которых выглядит следующим образом:

- полной изоляцией от России – 30,9%;
- вторжением иностранной культуры и языка – 8,6%;
- ухудшением социально-экономического положения жителей области – 25,8%;
- перспективой выхода области из состава России – 12,5%;
- другое – 2,7%;
- затрудняюсь ответить – 19,5%.

Обнаружились различия в ответах на этот вопрос среди респондентов разного возраста. У разных возрастных групп выстраивается своя иерархия объяснений, в чем кроется для Калининградской области угроза в связи с расширением ЕС и НАТО на восток. Молодежь от 24 до 30 лет и сорокалетние в первую очередь опасаются полной изоляции региона от России, остальные возрастные группы – ухудшения социально-экономического положения. Интересно, что наибольшая доля (14,3%, что почти вдвое превышает средневыворочный показатель) тех, кто считает, что угроза связана с вторжением иностранной культуры и языка, – среди молодых респондентов до 24 лет, что заставляет задуматься о том, как сегодня работает система образования.

Ухудшения социально-экономического положения чаще опасаются бездетные респонденты, тогда как респонденты, имеющие детей, боятся прежде всего изоляции региона от России. Среди них также в два раза выше доля тех, кто в качестве угрозы в связи с вхождением соседних стран в ЕС и НАТО видит вторжение иностранной культуры и языка.

Уроженцы российских регионов, что неудивительно, в значительно большей степени опасаются полной изоляции области от России (доля таких ответов составляет среди них 41,0%, тогда как среди уроженцев области и нероссийских регионов соответственно 29,3 и 27,1%). Остальные ответы, по сравнению с вариантом «изоляция», выбирались значительно реже, хотя боязнь вторжения иностранного языка и культуры свойственна коренным россиянам гораздо больше, чем остальным группам опрошенных.

В контексте полемики о перспективах развития Калининградской области в связи с наметившимися в Балтийском регионе геополитическими переменами особый интерес представляют ответы участников исследования на вопрос о ее возможном статусе. В целом по выборке наибольшее число выборов получил вариант ответа «область с правами особой экономической зоны в составе РФ» (39,3%). Далее следуют: «республика в составе РФ» (15,8%), «территория, находящаяся в совместном управлении РФ и Европейского Союза» (14,5%), «независимое государство» (11,1%), «область в составе РФ» (10,3%). «Другое» указали 0,5%, затруднились ответить 8,4%.

Таким образом, только десятую часть респондентов устроило бы, чтобы регион имел статус рядовой российской области без каких бы то ни было привилегий. Более двух третей опрошенных, хоть и видят область частью России, но частью особенной – с особым политическим и (или) экономическим статусом.

Рассмотрим особенности видения будущего политического статуса области разными группами респондентов.

Респонденты самых старших возрастов более консервативны и гораздо чаще остальных выбирают варианты ответов «область в составе РФ» (27,0% против средневывборочных 10,3%), «республика в составе РФ» (24,3% против средневывборочных 15,8%), реже остальных – «область РФ с правами ОЭЗ» (21,6% против средневывборочных 39,3%). За область с правами особой экономической зоны выступают в первую очередь группы наиболее активных возрастов – от 30 до 50 лет (46 – 47%), от них немного отстает молодежь и группа пятидесятилетних респондентов (чуть более трети). Наибольший энтузиазм у респондентов в возрасте от 40 и от 50 лет (по 20,5 и 17,5% соответственно) и молодежи от 24 до 30 лет (16,3%) вызвал вариант «территория, находящаяся в совместном управлении РФ и ЕС». Кстати, именно в старшей группе молодежи вопрос вызвал наибольшие затруднения (доля неответивших составила почти четверть).

Перспективы миграции населения из области

Респондентам задавался вопрос, собираются ли они покидать нашу область, переезжать в другие регионы России или в другие страны.

В целом по выборке сумма положительных ответов на вопрос о миграции из региона составляет 14,2% (соответственно 4,4% ответов «да» и 9,7% ответов «скорее да, чем нет»), то есть относительно невелика. Однако, если рассматривать проблему в связи с возрастом респондентов, ситуация выглядит несколько иначе. Доля ответивших «да» или «скорее да» на этот вопрос в группе лиц наиболее активного возраста (31 – 40 лет) составляет 19% (соответственно 6,3 и 12,7% ответов), а среди самых молодых респондентов (очень важной, с точки зрения оценки перспектив развития области, группе) достигает почти четверти (соответственно 7,8 и 16,5% ответов). К этому следует добавить, что по группе респондентов с неполным высшим образованием (то есть в основном студентов) доля собирающихся уехать высока и составляет 21,5%.

Настораживает и то, насколько мала доля определенно отрицательных ответов на вопрос о миграции из региона – 9,7% по выборке в целом. Основная масса респондентов, таким образом, выбирает вариант «скорее нет, чем да», предполагающий хотя бы незначительную вероятность отъезда на другое место жительства.

Сравнивая ответы на вопрос о возможной миграции по группам респондентов с разным уровнем доходов, можно заметить рост доли ответивших на него положительно по мере роста дохода – от менее десятой части в группах с доходом ниже 800 руб. в месяц на одного члена семьи до трети в группе респондентов с доходами выше 5000 руб.

Как выяснилось, непосредственной связи между видением и оценкой респондентами перспектив развития региона и намерением мигрировать из него нет. Опрошенные строят (или не строят) планы о смене места жительства вне зависимости от того, беспокоит ли их оторванность области от России и вхо-

ждение соседних стран в ЕС и НАТО и как они оценивают возможности для улучшения личного благосостояния. Единственный момент, о котором следует упомянуть, – сравнительно более высокая доля тех, кто намерен покинуть область, среди респондентов, которые в связи с вхождением Прибалтийских стран и Польши в НАТО и ЕС опасаются выхода области из состава Российской Федерации.

Ценностные ориентации населения

С тем, чтобы определить перспективы и направление развития региона, в исследовании была также предпринята попытка оценить состояние ценностной подсистемы регионального социума. Нас интересовал расклад по двум «идеальным» типам ценностных ориентаций, описанным Инглехартом в теории культурного сдвига². Люди с так называемой материалистической ориентацией в первую очередь озабочены решением задач выживания – обеспечения физического существования, безопасности своей семьи, сохранения своего материального благополучия. Соответственно в качестве наиболее важных, первоочередных общественных целей для них выступают экономическое процветание и безопасность своей страны, обеспечение порядка, законности и высокого уровня жизни.

«Постматериалисты» в большей степени ориентированы на цели, не имеющие непосредственного материального выражения. Они больше обеспокоены созданием условий для самоопределения, самовыражения, самореализации личности, сохранением свободы слова, защитой окружающей среды, расширением участия людей в управлении обществом. Таким образом, они более заинтересованы не в определенном уровне, а в качестве жизни.

Согласно Инглехарту, в последние десятилетия в обществе под влиянием социальных и культурных перемен произошел

² См.: *Инглехарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. №4.

значительный сдвиг в ценностных ориентациях от материализма к постматериализму, который может быть обнаружен путем измерения числа постматериалистов.

Мы прибегли к наиболее простому и часто используемому в опросах способу измерения распространенности идей материализма и постматериализма³. Он состоит из одного вопроса о целях, которые, по мнению респондента, должны быть поставлены перед страной на ближайшие несколько лет. В качестве вариантов ответа предлагались по три цели, соответствующие материалистической и постматериалистической ориентациям. К группе материалистических выборов относились: поддержание порядка в стране, борьба с ростом цен, стабильная экономика. Среди постматериалистических вариантов были предложены: предоставление больших возможностей для выражения гражданами своего мнения при принятии важных государственных решений, расширение участия людей в принятии решений по месту работы и жительства, защита свободы слова. Респондент имел возможность сделать два выбора: сначала из предложенных шести альтернатив, затем – из оставшихся пяти.

В зависимости от типов выбранных вариантов ответа возможны четыре сочетания, каждому из которых присваивается свое значение: «чистый материалист» (оба выбранных варианта – материалистические), «смешанный материалист» (первый выбор – материалистический, второй – постматериалистический), «смешанный постматериалист» (первый выбор – постматериалистический, второй – материалистический), «чистый постматериалист» (оба выбора – постматериалистические).

В целом по выборке преобладают материалистические ориентации: 73% респондентов могут быть охарактеризованы как «чистые материалисты», еще 17% – как «смешанные материалисты». «Чистые» и «смешанные» постматериалисты составляют не более десятой части выборки.

Такой результат можно назвать естественным. По Инглехарту, постматериалистические цели приобретают для челове-

³ См.: Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Указ. соч. С. 237 – 240.

ка значение тогда, когда решены задачи материалистического порядка, и потому, что они решены. Пока в обществе не обеспечена безопасность каждого (а напротив, высок уровень преступности и крайне неэффективна работа правоохранительных органов), пока нет уверенности в материальной обеспеченности завтрашнего дня и гарантированной защиты от рисков, на нее влияющих, люди редко акцентируют свое внимание на решении проблем более высокого порядка. Проще говоря, когда надо хоть как-то накормить семью, не до самовыражения.

К сожалению, понятия гарантированного выживания, субъективного ощущения безопасности, которые отражаются в постматериалистических ценностях, чужды подавляющему большинству населения нашей страны, которое вынуждено заботиться в первую очередь об удовлетворении своих базисных потребностей и нужд. Собственно, сдвиг, о котором писал Инглехарт, произошел в тех странах, где было достигнуто изобилие материальных благ, а первичные нужды граждан в значительной мере удовлетворены, что сделало возможным выдвижение на повестку дня новых целей и ценностей (например, согласно данным социологического опроса, в 1990 г. в Нидерландах насчитывалось 33% чистых постматериалистов, в Западной Германии – 28%, в Канаде – 26% и т.д.⁴).

Рассмотрим различия в ценностных ориентациях между респондентами разного возраста (табл. 8).

Наибольшее число «чистых материалистов» – в старших (83 – 84%), наименьшее – в средних возрастных группах (67% – среди сорокалетних, 69% – среди молодежи 24 – 30 лет, более 70% – среди тридцатилетних).. Доли «чистых постматериалистов» настолько малы в целом по выборке (1,9%) и по отдельным группам, что обсуждать эти данные не представляется возможным. Доли смешанных типов различаются по возрастным группам: так, доля смешанных материалистов варьируется от 5 и 10% в старших возрастных группах до 21 и 24% в группах сорокалетних и «старшей» молодежи соответственно, доля смешанных по-

⁴ См.: Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Указ. соч. С. 241.

стматериалистов – от 5% среди респондентов старше 60-ти лет до 12% в группе сорокалетних. Однако интерпретировать такое распределение довольно затруднительно.

Таблица 8

**Тип ценностных ориентаций (по возрасту)
(% от опрошенных)**

Тип ориентации	Возраст, лет						Вся вы- борка
	До 23	От 24 до 30	От 31 до 40	От 41 до 50	От 51 до 60	Стар- ше 60	
Чистый материалист	74,7	68,9	70,6	66,7	83,8	83,8	73,1
Чистый постматериалист	2,2	2,3	2,0	0	0	5,4	1,9
Смешанный материалист	15,4	24,4	19,6	21,2	9,7	5,4	17,0
Смешанный постматериалист	7,7	4,4	7,8	12,1	6,0	5,4	8,0

Так или иначе, молодежные группы (наиболее важные с точки зрения перспектив развития региона) незначительно отличаются от остальной выборки, что объясняется Инглехартовской гипотезой социализационного лага, согласно которой в базисных ценностях индивида находят отражение обстоятельства, в которых прошли его детские и подростковые годы. Детство и отрочество наших молодых респондентов пришлось на «эпоху дефицита» и период затянувшихся экономических реформ, поэтому неудивительно, что большинству из них не свойственно в качестве приоритетных выбирать постматериалистические ценности.

Есть некоторые различия в ценностных ориентациях между респондентами, проживающими в населенных пунктах разного типа. Среди жителей сел, где уровень жизни радикально отличается от города в худшую сторону, объективно больше материалистов. В областном центре доля чистых материалистов ниже (две трети), а доли остальных типов – выше (табл. 9).

Рассмотрим подробнее, какие именно варианты ответов выбирали наши респонденты, отвечая на вопрос о стратегических

целях нашей страны, представление о которых отражают те проблемы, которые значимы для людей на сегодняшний день. Как видно из таблицы 10, наибольшая часть респондентов (43,5%) в первом выборе отметила вариант «поддержание порядка в стране». Далее следовали «стабильная экономика» (36,6%) и, с большим отрывом, «борьба с ростом цен» (9%). Остальные, постматериалистические, варианты ответов получили незначительное число выборов. Во втором выборе тройка «лидеров» осталась прежней, хотя изменились ранги ответов.

Таблица 9

**Тип ценностных ориентаций (по типу населенного пункта)
(% от опрошенных)**

Тип ориентации	Населенный пункт (тип)			Вся выборка
	Калининград	Малый город	Село	
Чистый материалист	66,7	83,7	78	73,1
Чистый постматериалист	2,7	1,2	0	1,9
Смешанный материалист	21,5	7,0	18	17,0
Смешанный постматериалист	9,1	8,1	4	8,0

Таблица 10

**Цели, имеющие первостепенное значение для нашей страны
в ближайшие 5 – 10 лет (% от опрошенных)**

Стратегические цели	1-й выбор	Ранг	2-й выбор	Ранг
Поддержание порядка в стране	43,5	1	22,5	2
Предоставление больших возможностей для выражения гражданами своего мнения при принятии важных государственных решений	3,9	4	6,1	5
Борьба с ростом цен	8,9	3	20,8	3
Защита свободы слова	2,8	5а	6,4	4
Расширение участия людей в принятии решений по месту работы и жительства	2,8	5б	5,2	6
Стабильная экономика	36,6	2	32,4	1
Затрудняюсь ответить	1,9	–	6,6	–

Таким образом, можно сказать, что на сегодняшний день наиболее актуальными проблемами для наших респондентов являются порядок в стране и стабильность в экономике. Куда меньше их волнуют цены – проблема, актуальная еще несколько лет назад. И практически вовсе не волнуют проблемы участия в принятии тех или иных решений или защиты свободы слова – прежде нужно обеспечить безопасность и выживание.

Г.М. ФЕДОРОВ, И.Н. СИМАЕВА

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ
КРИЗИС И ЕГО СЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ КАЛИНИНГРАДСКОГО СОЦИУМА**

Характерные особенности демографических процессов Калининградской области существенно сказываются на специфике формирования калининградского социума. Его зарождение началось всего полвека назад благодаря притоку мигрантов из разных регионов страны. И в последующем миграционное движение всегда играло важную роль в формировании населения области, хотя с начала 1950-х и до конца 1980-х годов динамика численности населения определялась естественным движением. Но в 1990-е годы вновь повысилось значение миграции. Приток населения из других регионов с ежегодным положительным сальдо миграции, составлявшим почти все 1990-е годы 1 – 1,5% ежегодно и лишь в 1999 – 2000 годах снизившимся до 0,5% в год, не способствует формированию автохтонного населения.

В настоящее время местные уроженцы, по нашим подсчетам, составляют лишь 44% населения области. Из них 24% относится к первому поколению, 20% – ко второму. То есть и сейчас население области носит в основном переселенческий характер.

Для периода 1990-х годов характерны следующие изменения в динамике населения. Так, в 1990 году возросший миграционный прирост становится больше снизившегося естественного прироста. В 1992 году естественный прирост из-за снизившейся рождаемости и возросшей смертности превращается в естественную убыль населения, и увеличение числа жителей в области обеспечивается высоким миграционным приростом. Наконец, с 1999 года уменьшение миграционного прироста при сохранившейся значительной естественной убыли населения привело к падению численности населения области с 951 тыс. человек в начале 1999 года до 947 тыс. человек в начале 2001 года – и 944 тыс. человек на середину 2001 года.

Итак, для современной динамики населения области характерны естественная убыль и миграционный приток населения. Ситуацию во второй половине 1980-х и в 1990-е годы характеризует рисунок.

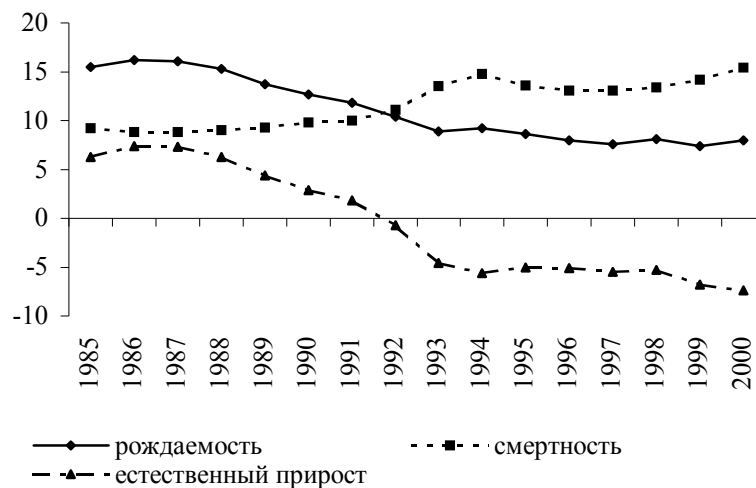

Рис. Динамика естественного прироста населения Калининградской области в расчете на 1000 жителей

Внешний вид двух из трех представленных на рисунке кривых, отражающих рождаемость и смертность, – тенденция к падению рождаемости и рост смертности, их пересечение в точке между 1991 г. и 1992 г. – позволил некоторым демографам ввести в обиход понятие «русский крест». Правда, рождаемость в самое последнее время стабилизировалась, но смертность продолжает возрастать. И естественная убыль населения тоже увеличивается.

К сожалению, и тенденции изменения возрастных показателей рождаемости, как и смертности, и ожидаемой продолжительности жизни не дают оснований к оптимизму. Практически во всех возрастных группах, особенно в молодых фертильных возрастах, происходит неуклонное снижение возрастных коэффициентов рождаемости. Соответственно снижается и суммарный коэффициент рождаемости – с 1,87 в 1990 году до 1,05 в 1999 году. Последний показатель означает, что нетто-коэффициент воспроизводства населения не превышает сейчас 0,5, то есть каждое поколение уменьшается ровно вдвое.

За 1990-е годы возрастные показатели рождаемости в Калининградской области, которые в 1990 году были практически равными среднероссийским, стали ниже их. Суммарный коэффициент рождаемости в РФ в 1998 году составлял 1,24 против 1,15 в Калининградской области (хотя и российский уровень обеспечивает уровень нетто-коэффициента воспроизводства населения не более 0,6, что означает резко суженное воспроизводство). Подобных показателей нет ни в одной развитой стране, хотя они типичны для европейских стран ближнего зарубежья и некоторых стран Восточной Европы с переходной экономикой (Болгария, Венгрия).

В течение 1990 годов произошло окончательное падение авторитета института семейно-брачных отношений. Число заключаемых браков сократилось вдвое, с 10 до 5 браков в расчете на 1000 жителей. Безусловно, речь идет не о фактических браках (количество которых вряд ли сильно изменилось), а о

регистрируемых. В то же время количество разводов возросло, на 15% превышая средний уровень по РФ (2000 г.). В результате за январь-август 2001 года по Калининградской области зарегистрировано на 20% больше разводов, чем браков. Количество детей, рождающихся в среднем у одной матери, снизилось практически до одного ребенка (суммарный коэффициент рождаемости в 1999 году составил 1,05).

Особенно негативным следствием сложившейся к настоящему времени системы семейно-брачных отношений с непрочными и часто нерегистрируемыми браками стало ухудшение условий воспитания детей. Из 47 тысяч расторгнутых за 1990 – 1999 годы браков 26 тысяч – браки с детьми. В этих браках насчитывалось 39 тысяч детей в возрасте до 18 лет. По нашим ориентировочным оценкам, 33% детей сейчас воспитывается в неполных семьях с одним родителем или в семьях с неродным отцом (матерью). Кроме того, не менее 9% детей родилось вне брака. Вследствие возросшей преступности значительная часть родителей находится в местах лишения свободы. В связи с увеличением смертности растет число детей – сирот. Следует учесть также большое число неблагополучных семей с родителями-алкоголиками и наркоманами. Таким образом, не более половины детей воспитывается в благополучных семьях с обоими родными родителями.

Неудовлетворительна ситуация и с возрастными коэффициентами смертности. За 1990 – 1994 годы они сильно возросли, отличаясь от средних показателей по стране в худшую сторону. Соответственно уменьшилась и ожидаемая продолжительность жизни, уступая среднему по РФ уровню. После некоторого улучшения указанных показателей в 1995 – 1996 годах и в 1997 – 1998 годах они стабилизировались на неудовлетворительном уровне, имея даже тенденцию к ухудшению. Если в 1989 – 1990 годах ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин составляла 64 года, а у женщин – 74 года, то в 1998 году соответствующие цифры составляли 60,3 и 71,4 года против соответственно 61,3 и 72,3 года (то есть

на год больше) в РФ в целом¹. Как известно, в экономически развитых странах продолжительность жизни мужчин составляет 72 – 77 лет, а женщин – 79 – 84 года. В странах с переходной экономикой эти показатели ниже. Тем не менее в соседней с Калининградской областью Литве они составляют соответственно 65 и 76 лет, в Польше – 68 и 77 лет.

С учетом повышения доли старших возрастов в структуре населения (старения населения), еще худшие перспективы по сравнению с повозрастными показателями имеют и общие коэффициенты рождаемости и смертности, естественного прироста населения. Правда, за январь-август 2001 года по сравнению с тем же периодом предыдущего года коэффициент рождаемости несколько возрос (с 8,5 до 8,6 промилле), но это связано с временным увеличением в структуре населения доли молодых фертильных возрастов. Коэффициент же смертности увеличился на 0,3 промилле (с 15,9 до 16,2).

Миграционный прирост, весьма высокий в 1990-е годы, в ближайшей перспективе будет не столь очевиден. Если не случится непредвиденного ухудшения социально-экономической или политической обстановки, имеющиеся прогнозы на продолжение притока населения в область достаточно вероятны. Но следует учесть два обстоятельства, подвергающие подобную вероятность сомнению.

Первое из них – значительное сокращение притока населения в область. В 1970-е годы число прибывших колебалось около 60 тыс. человек в год, в 1980-е – около 50 тысяч. А в 1990-е оно составляло всего 20 – 35 тысяч. Положительное сальдо миграции обеспечивается не столько благодаря большому притоку мигрантов, сколько за счет снижения оттока населения из области. Как только выбытие из области в 1999 – 2000 годах возросло, так сразу сальдо, даже при увеличившемся числе прибывших, сократилось.

¹ См.: *Демографический ежегодник Калининградской области*. Калининград: Калинингр. обл. комитет гос. статистики, 2000.

Второе обстоятельство связано с географией внешних миграций. До начала 1990-х годов подавляющую их часть составляли миграции между Калининградской областью и другими регионами Российской Федерации, в меньшей мере – Белоруссии и Украины. В 1990-е годы объемы миграций с остальными российскими регионами резко снизились. В 1991 – 1993 годах значительную часть прибывших (несколько тысяч) составляли военнослужащие и их семьи, прибывшие из стран Восточной Европы. В последующем со странами дальнего зарубежья нарастает отрицательное сальдо миграции, превысившее в 1999 году 1 тыс. человек (две трети – с Германией, почти треть – с Израилем).

Но главная особенность 1990-х годов – соотношение миграций с регионами России и странами ближнего зарубежья. Из регионов России за 1991 – 1999 годы прибыло в Калининградскую область 117 тыс. человек при положительном сальдо 25 тыс. Почти столько же за этот период прибыло переселенцев из стран ближнего зарубежья – 113 тыс. человек, а положительное сальдо составило намного больше, чем с российскими регионами, – 77 тыс. человек.

Изменение географии внешних миграций имеет два следствия. Первое – изменение структуры калининградского социума, его усложнение, повышение в нем роли переселенцев, в основном русских, но не из России, а из других бывших республик СССР, прежде всего из Казахстана, откуда в последние годы прибывает две трети всех переселенцев из стран ближнего зарубежья.

И второе – неизбежное и уже начавшееся сокращение миграционного притока населения из стран ближнего зарубежья. Ведь наиболее мобильная часть проживавших там русских (и представителей некоторых других некоренных для стран выбытия национальностей) уже переселилась в Российскую Федерацию.

Поэтому, на наш взгляд, можно ожидать сокращение миграционного притока населения в Калининградскую область; во всяком случае, он не сможет достичь уровня первой половины и середины 1990-х годов. С учетом ожидаемой естест-

венной убыли населения, численность жителей Калининградской области, видимо, будет, как и в 1999 – 2001 годах, сокращаться.

Одним из важнейших индикаторов уровня развития стран и регионов является младенческая смертность, которая в Калининградской области очень высока. До конца 1980-х годов она постепенно снижалась, и в 1989 году из 1000 родившихся живыми умерло 14 детей. Но в 1990-е годы вновь начался рост младенческой смертности. В 2000 году соответствующий показатель в области составил 19,6, больше, чем в среднем по РФ – 15,3, тогда как в наиболее экономически развитых странах колебался в пределах 4 – 6.

С врожденными аномалиями и осложнениями в процессе беременности и родов связано 70% смертей. Следовательно, в высокой младенческой смертности главную роль играют два фактора: состояние здоровья женщин и уровень развития здравоохранения.

В сельской местности младенческая смертность в 1,3 – 1,5 раза выше, чем в городе. Среди городов более благоприятны показатели в Калининграде, где в 1999 году коэффициент младенческой смертности в расчете на 1000 родившихся составил 13,8 против 22,4 в остальных городах, где этот показатель соответствует сельскому (22,2). Следовательно, Калининград качественно выделяется в области по уровню развития здравоохранения, по крайней мере, в части наблюдения за состоянием здоровья беременных, приема родов и ухода за новорожденными.

Среди причин смерти доминируют болезни системы кровообращения (46%), но их доля ниже, чем в среднем по РФ (55%). Чрезвычайно высока для европейского региона смертность от несчастных случаев и травм (19% умерших против 14% по РФ), новообразований (13%, РФ – 14%). Причиной почти 2% смертей явились инфекционные и паразитарные болезни, на которые в 1990 году приходилось менее 1% причин смерти.

Наибольший рост смертности в 1990-е годы связан с такими причинами, как инфекционные и паразитарные болезни (в

3,6 раза), случайные отравления алкоголем и убийства (более чем вдвое). Смертность от перечисленных выше причин носит ярко выраженную социальную обусловленность и отражает кризисное состояние общества.

Более сложную социальную обстановку в Калининградской области отражает повышенная по сравнению со среднероссийским уровнем смертность в расчете на 100 тыс. человек населения от случайных отравлений алкоголем – 51 (РФ – 19), самоубийств – 46 (РФ – 38); близка к средней по стране смертность от убийств – 21 (РФ – 24).

Отметим, что по показателю «смертность от самоубийств» Россия сейчас превосходит все страны мира. В экономически развитых странах этот показатель колеблется в пределах 10 – 20 на 100 тыс. человек населения, а в России – вдвое выше; как отмечено, еще выше он в Калининградской области.

Укажем также на распространение в области наркомании, заболеваемость венерическими болезнями, СПИДом, более широкое, чем в среднем по стране.

Итак, в Калининградской области очень высока социальная детерминированность состояния здоровья населения; наблюдаются признаки дезадаптации жителей к окружающей среде. По оценкам социальных психологов, около 80% населения области живут в состоянии затяжного психоэмоционального и социального стресса, который истощает приспособительные и компенсаторные механизмы, поддерживающие здоровье. Более 87% детей страдают хроническими заболеваниями, увеличивается число молодых людей, не пригодных по состоянию здоровья к военной службе (около 30%) и эффективной творческой и трудовой деятельности.

Заболеваемость социально обусловленными болезнями

Инфекционные болезни. В Калининградской области высока заболеваемость инфекционными болезнями: в течение 1997 – 2000 гг. количество больных составляло от 21582 до 22807 на 100 тыс. населения. Число больных различными

формами дизентерии в эти годы ежегодно увеличивалось на 40% (в 2000 году 67 детей инфицированы дизентерией в условиях организованного отдыха в летнем лагере). Указанные факты связаны с нарушениями гигиены, водного режима, ослаблением государственного санитарно-эпидемиологического надзора, гигиенической и эпидемиологической экспертизы.

Участились случаи заболевания брюшным тифом, дифтерией, скарлатиной и другими инфекциями, что свидетельствует о напряженной общей эпидемиологической обстановке, а также о снижении эффективности функционирования системы медицинской профилактики и санитарного режима.

Произошедшие ухудшения санитарно-гигиенических условий жизни подтверждает более широкое распространение (в 1998 г. – на 70%) заболеваний педикулезом и чесоткой, наиболее характерных для сельской местности. Эти болезни обычно являются спутниками войн и появляются также при резком падении качества жизни населения в мирное время.

Эпидемия туберкулеза. Противотуберкулезная служба в области характеризуется организованностью и достаточной централизацией. Однако снижение материальных вложений в развитие этой отрасли здравоохранения привело к тому, что сегодня наблюдается эпидемическое распространение туберкулезной инфекции, наносящее населению Калининградской области большой ущерб. В 1999 году более 800 жителей области впервые в жизни заболели активным туберкулезом, 53% из них – мужчины, 17% – женщины трудоспособного возраста, 9% – дети до 6 лет, около 17% – школьники. Динамика свидетельствует о выпадении из зоны контроля возрастной группы 17-летних, т.е. юношей и девушек, окончивших школу.

К началу 2000 года контингент больных различными формами туберкулеза, находящихся под наблюдением, составил более 4000 человек, 20% из которых – дети. В больницы и санатории помещено менее половины. Еще несколько тысяч человек входят в группу повышенного риска. Парадокс заключается в том, что Центральный НИИ туберкулеза Российской академии наук считает лечение туберкулеза по сравнению с

другими болезнями наиболее эффективным в экономическом отношении. Если учесть численность и плотность населения области и преимущественное распространение туберкулеза органов дыхания, то для городских жителей риск подвергнуться инфицированию очень велик, и прогноз эпидемии неблагоприятен.

Рост заболеваемости связан с увеличением миграции, количества бомжей, социально дезадаптированных групп населения. Это наиболее значительный, плохо контролируемый резервуар туберкулезной инфекции. Работа по выявлению и лечению туберкулеза у данных лиц проводится всеми противотуберкулезными учреждениями за счет областного бюджета. Однако проведение противотуберкулезных мероприятий в городе и области не улучшает ситуацию. Очевидна недостаточность и неэффективность существующей системы профилактики, эффективность лечения снижается. Профилактика туберкулеза сводится к выявлению уже заболевших и их лечению, не задействованы социальные механизмы борьбы с опасной инфекцией. Эпидемия туберкулеза в Калининграде – яркое свидетельство неэффективности попыток разрешения социальной проблемы медицинскими средствами.

Сложившаяся ситуация является чрезвычайной, требует не только пересмотра тактики проведения противотуберкулезных мероприятий на всех уровнях, но и политического разрешения проблемы.

Инфекции, передающиеся половым путем (ИППП). Наибольшую тревогу и озабоченность вызывает распространение заболеваний, передающихся половым путем.

Эпидемия сифилиса. К началу 2000 года количество зарегистрированных больных сифилисом превысило 5 тысяч, причем 41% из них зарегистрированы в 1999 г., треть из них уже миновали ранние формы заболевания. Катастрофическое разрастание инфекции в течение 1990-х годовхватило различные слои населения и в два раза превышает среднероссийские показатели. С распространением эпидемии борются преимущественно медики: выявление больных ведется, как правило, в

поликлиниках, стационарах и женских консультациях, при лечении других заболеваний и профилактических осмотрах. Обращения в анонимные консультации составляют незначительную часть случаев.

Эпидемия охватила все возрастные группы, и если две трети 15 – 20-летних заболевших составляют женщины, то в более старших возрастных категориях наблюдается 8 – 9-кратный скачок заболеваемости мужчин.

На фоне ужасающей динамики заболевания сифилисом остается в тени крайне негативная динамика заболеваемости гонореей, хламидиозом, трихомонозом.

Стратегия контроля за ИППП предполагает первичную и вторичную профилактику.

Первичная профилактика включает санитарное просвещение, направленное на изменение сексуального поведения и уменьшение риска заражения, обеспечение презервативами по доступным ценам. Информация и просвещение призваны сыграть здесь значительную роль.

Вторичная профилактика предполагает необходимость обращения в медицинские учреждения, адекватное ведение случаев ИППП, раннюю диагностику и лечение бессимптомных инфекций с помощью выявления случаев заболевания и скрининга.

Анализ статистических данных показывает неэффективность проведения первичной профилактики в Калининградской области, особенно среди мужской части населения – как сельского, так и городского.

Эпидемия ВИЧ-инфекции. Заболевания, передаваемые половым путем, представляют собой основную проблему здравоохранения, которая еще более обострилась с появлением СПИДа и ВИЧ-инфекции. Масштабы ее распространения в Калининградской области достоверно неизвестны. Статистические данные свидетельствуют, что в 1997 г. зарегистрировано 1276 носителей ВИЧ, в 1998 г. – еще 728, что составило соответственно 136 и 78 на 100 тыс. населения. К началу 2000 года

контингент больных ВИЧ-инфекцией, официально находящихся под наблюдением в Калининградском областном центре СПИДа, составил 2685 человек, из них у 45% начальная стадия заболевания, у стольких же продолжительность заболевания не установлена, 70% больных составляют мужчины, 11% – дети и подростки. Учитывая неполноту официальных данных, можно сказать, что в области с населением менее чем 1 млн. человек до 3000 больны СПИДом. Распространение ВИЧ неразрывно связано с ростом наркомании и алкоголизма.

Алкоголизм, наркомания. Распространение реактивных психозов и неврозов, депрессий и суицидов, алкоголизма, наркомании – также свидетельство общего снижения качества здоровья населения.

Если в 1996 – 1997 гг. регистрировалось около 130 наркоманов на 100 тыс. населения области, третья часть которых относилась к сельскому населению, то к 2000 году их число увеличилось на четверть. Обследование на СПИД прошла незначительная часть этого контингента, однако заболеваемость среди них оказалась чрезвычайно высокой. Более того, среди наркоманов, употребляющих наркотики внутривенно, быстро распространяется эпидемия ВИЧ-инфекции, вызванная необычным подтипом вируса.

Ранее большинство случаев заражения регистрировалось в среде наркоманов, в настоящее время половой путь передачи может стать основным и эпидемия распространится на популяцию лиц, не употребляющих наркотики.

Система профилактики и преодоления наркотических, токсических и алкогольных зависимостей в Калининградской области включает следующие учреждения:

- Областной центр медицинской профилактики;
- Областная наркологическая больница;
- Областной СПИД-центр;
- Областной реабилитационный психотерапевтический центр;
- Санитарно-эпидемиологическая служба Калининградской области;

- Калининградский городской центр Санэпиднадзора. Общественные организации:
- Молодежная организация «Дельта К»;
- Пункт профилактики зависимостей;
- Общественный региональный Фонд «Нет СПИДу и наркотикам»;
- Общественный региональный Фонд ВИЧ-инфекции и наркомании («Преодоление»);
- Ореховский Центр реабилитации;
- Общественный региональный Фонд «НЕЕМИЯ».

Социально-психологические исследования показывают низкий уровень тревожности различных групп населения, связанный с темами СПИДа и наркомании. Пропаганда здорового образа жизни и самосохранительного поведения практически отсутствуют на всех уровнях образования. Осуществляемые меры носят локальный характер и не изменяют тенденцию в целом.

Характер и динамика распространения ИППП свидетельствуют о том, что ресурсов и учреждений, призванных бороться с эпидемией, недостаточно. В условиях депопуляции и отсутствия средств лечения и профилактики заражения, последствий эпидемии СПИДа можно диагностировать состояние кризиса, выйти из которого местным властям не под силу. Требуется разработка и внедрение широкомасштабных программ первичной профилактики, осуществляемой в сфере образования и воспитания, а также международная поддержка в обеспечении средствами лечения и профилактики.

На фоне катастрофы, связанной со СПИДом, сифилисом и наркоманией, проблемы алкоголизма выглядят менее устрашающими. Однако масштабы распространения алкоголизма достигли критических величин и сделали его серьезной социальной, экономической, демографической и политической проблемой.

К началу 2000 года число зарегистрированных хронических алкоголиков достигло 13,5 тысяч: 38% из них – люди до 40 лет, 54% – от 40 до 59 лет. Около 16% – женщины. Это со-

ставляет примерно 1,5 тыс. на каждые 100 тыс. населения и превышает российские показатели. Наблюдения показывают, что алкоголизм получает распространение и в более ранних возрастных категориях, не учитываемых официальной статистикой. Борьба с алкоголизмом ведется преимущественно медицинскими средствами, когда болезнь достигает средней или конечной стадий. Действующие региональные программы профилактики отсутствуют.

Выводы и предложения. Анализ статистических данных, социально-психологических исследований позволяют констатировать кризис здравоохранительной политики в Калининградской области. Суть кризиса – в беспрецедентном в мирное время уменьшении количества и ухудшении качества (здоровья и развития) населения, в растущей неспособности социальной системы региона защитить человека и обеспечить его жизненно важные потребности.

Во-первых, уменьшается численность населения. Рождаемость упала вдвое ниже уровня простого воспроизводства, резко возросла смертность.

Во-вторых, снизился уровень здоровья, ослаблен иммунитет и возросла заболеваемость практически всех возрастно-половых и социальных групп и слоев населения. Повышена заболеваемость среди детей и матерей. Растет распространение инфекционных болезней. Три опаснейших эпидемии – туберкулез, сифилис, СПИД – захватили значительную часть населения. Масштабы распространения алкоголизма выше, чем по России.

В-третьих, более 80% населения живет в состоянии затяжного психоэмоционального и социального стресса, вызывающего рост количества депрессий, неврозов, психосоматических заболеваний, асоциального поведения.

Содержание и особенности протекания кризиса как более острого и специфического по сравнению с Россией в целом обусловлены резким ослаблением системных функций здравоохранения. Поскольку кризис системен, выйти из него можно только системными методами, задействовав в качестве меха-

низма региональную социальную политику. Необходима разработка и внедрение системных подходов к охране и восстановлению здоровья, моделей пропаганды и воспитания самосохранительного поведения.

Региональная демографическая политика

Региональная социально-экономическая политика должна органически включать демографический компонент. В то же время экономико- и социально-демографическое регулирование не может рассматриваться в отрыве от общих и региональных проблем социально-экономического развития. Необходимо предусмотреть постепенную эволюцию региональной политики регулирования населения с учетом тенденций социально-экономического развития региона.

Уже в настоящее время можно выделить ключевые геодемографические проблемы и наметить цели развития населения, начать его все более активное регулирование.

Депопуляция. Изменения в уровнях рождаемости, ухудшение соотношения числа браков и разводов, с одной стороны, отражают кризис семейно-брачных отношений (характерный для многих развитых стран мира) и являются составной частью общих социально-психологических изменений в обществе. С другой стороны, в России они усилены длительным социально-экономическим и политическим кризисом, резкими изменениями качества и образа жизни населения за короткий период. В Калининградской области эти изменения протекают быстрее по сравнению с большинством российских регионов в силу ее географического положения, территориальной близости к странам Запада и соответствующего их культурного влияния, а также вследствие несформированности и недостаточной устойчивости социума. Понятно, что нетто-коэффициент воспроизводства населения 0,5, характерный для области, ни в коей мере не может считаться приемлемым.

Осенью 2001 года в областной Думе состоялся круглый стол с участием представителей общественных организаций,

где рассматривались актуальные демографические и социально-демографические проблемы региона. Однако в целом демографические приоритеты недостаточно осознаны органами власти, как и населением области. Поэтому первой задачей, не требующей больших инвестиций, является изменение позиций средств массовой информации и образовательных учреждений по отношению к воспроизводству населения.

Одновременно следует предусмотреть наращивание финансовой поддержки семей с детьми, предусматривая на эти цели ассигнования из областного и муниципальных бюджетов. Конечной целью должно стать повышения рождаемости до уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения.

Сверхсмертность. Не менее важны проблемы нынешней сверхсмертности населения, в том числе в трудоспособном возрасте (особенно мужчин), и крайне высокой младенческой смертности. Вытекающая из высокой смертности проблема – низкая продолжительность жизни населения. Для ее решения должен быть осуществлен комплекс мер как связанных с повышением уровня жизни различных слоев населения, так и направленных на пропаганду здорового образа жизни. Это предполагает особое внимание здравоохранению, спорту и физической культуре, которые находятся в области в неудовлетворительном состоянии даже по сравнению с другими регионами страны, не говоря уже о соседних странах.

Структурные преобразования в сфере здравоохранения по примеру западных стран указывают на необходимость переориентации бюджетных средств в пользу амбулаторно-поликлинических учреждений. Однако предлагаемые структурные изменения в организации здравоохранения сейчас вряд ли своевременны. Прежде чем переходить к ним, требуется создать надлежащую материально-техническую базу, добиться обновления действующей системы как амбулаторно-поликлинических учреждений, так и больниц. И лишь тогда думать о структурной перестройке.

Важным направлением является создание центров профилактики таких социально обусловленных заболеваний, как

СПИД, наркомания, алкоголизм. Необходимо наладить непосредственно в Калининграде эффективную переподготовку и повышение квалификации медицинских работников по этим направлениям. Следует усилить профилактическую работу в учебных заведениях и среди населения.

Большие возможности предоставляет активно развивающееся международное сотрудничество. Его возможности также должны использоваться в полной мере.

Миграции. Свободный миграционный обмен населением между Калининградской областью и другими регионами России жизненно необходим для обеспечения экономики области трудовыми ресурсами. Необходимо сформулировать комплекс мер, связанных с усилившимся притоком в область переселенцев из-за пределов Российской Федерации. За счет притока населения из стран СНГ и Прибалтики обеспечивалось 72 – 73% прироста в 1997 – 1998 годах и около 90% в 1999 – 2000 годах. Значительная часть мигрантов – беженцы и вынужденные переселенцы.

При разработке программ регионального развития особое внимание следует уделять развитию трудоемких производств, учитывающих происходящее увеличение численности трудовых ресурсов, в том числе в связи с притоком мигрантов.

Другой, пока еще не анализировавшийся вопрос – возможное усиление потока эмигрантов на Запад. Со странами дальнего зарубежья наблюдалось отрицательное сальдо миграции, приближающееся к тысяче человек в год (две трети – в Германию, заметна эмиграция в Израиль и США). В западных странах принимаются меры, препятствующие возможному притоку мигрантов из России, но пока, несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию в стране, массового стремления выехать за ее пределы не наблюдается. Тем не менее этот вопрос требует изучения.

Отдельного внимания заслуживает проблема внутриобластных миграций. Они должны быть оптимизированы с учетом приоритетов социально-экономического и пространственного развития региона. Важную роль в их регулировании может иг-

рать, на наш взгляд, политика стимулирования жилищного (включая ипотечное кредитование и выдачу ссуд) и культурно-бытового строительства в перспективных для экономического развития городах и поселках.

Уменьшение социального неравенства. Социальная политика (которую еще предстоит обосновать) должна решать две взаимосвязанные задачи. Первая из них – улучшение положения наименее обеспеченных слоев населения (дифференцированная социальная поддержка). Не менее важна и вторая задача, на которую обращается пока значительное меньше внимания, – создание возможностей перехода все большей части населения из менее обеспеченных групп в более благополучные. То есть речь идет о стимулировании к получению более значительных доходов с учетом возможностей, которыми располагают представители различных слоев, и их поддержки государством.

Уровень доходов населения крайне низок, особенно в сравнении с соседними странами. Многими экспертами высказывается мнение (с которым мы согласны), что поддержка прибалтийских стран Евросоюзом позволит им ускорить социально-экономическое развитие и отставание области от соседей может возрасти. В центре процветающей Европы возникнет кризисный регион, вносящий нежелательную нестабильность. Конечно, возможное отставание в темпах развития от соседних регионов крайне нежелательно и для властей Калининградской области и для федерального Центра. Поэтому стратегия ускоренного роста экономики области, каковой может стать стратегия «региона сотрудничества», могла бы стать выходом из сложившейся ситуации.

Если нынешние процессы усиления социального неравенства в регионе будут развиваться, то даже при росте количественных показателей производства продукции социальное положение основной части населения области будет ухудшаться. В этот процесс необходимо государственное вмешательство, направленное на повышение уровня жизни населения, улучшение его качества и сглаживание социальных различий.

К числу наиболее важных относятся меры по поддержке семей с малолетними детьми, а также совершенствование системы социальной помощи престарелым. Специальные вопросы, особенно обострившиеся в последнее время, – создание эффективной системы воспитания и социализации детей-сирот и инвалидов.

Особую опасность представляет разрастание маргинального слоя с нищетой, преступностью, социально обусловленными болезнями. В области уже осуществляется ряд мер по борьбе со СПИДом и наркоманией, в том числе с международной помощью. Однако речь идет о более широкой социальной политике ликвидации условий маргинализации и усилении воспитательного компонента всех звеньев образования.

Проблема пространственной геодемографической дифференциации. Очень велики различия между городом и селом, Калининградом и малыми городами области. Проблема выравнивания различий в социальном плане, задача проведения пространственно определенной социально-экономической политики остается крайне актуальной.

Учет демографического фактора в образовательной политике. Важное направление региональной политики, имеющее демографический аспект, – приоритетное развитие системы образования всех уровней.

Согласно нашему прогнозу, в Калининградской области ожидается сокращение контингента лиц школьного возраста по сравнению с 2000 годом к 2005 году на 18%, а к 2010 году на треть. По отношению к 1998 году уровень 2005 года составит около 82%, 2010 года – 67%, что ниже среднероссийских показателей.

Демографический фактор вплоть до 2005 года, когда численность детей в возрасте 17 лет достигнет 16,4 тыс. против 14,4 тыс. в начале 2000 года, будет определять высокий спрос на услуги учреждений высшего образования. Однако в следующие 5 лет произойдет резкий спад числа 17-летних до 11,5 тыс. человек, то есть почти в полтора раза. К этому должны готовиться и вузы, и областная администрация, поскольку

баланс распределения молодежи резко изменится, и определение отраслевых приоритетов, а также стратегии по отношению к учебным заведениям разных ступеней, станет еще более важной задачей чем в настоящее время.

В то же время численность детей в возрасте 0 – 5 лет, составляющая в настоящее время около 48 тыс. человек, вероятно (если сохранится миграционный приток в область), сначала (в ближайшие 5 лет) незначительно сократится – на 1,5 – 2 тыс. человек, а затем вновь вернется на нынешний уровень. Таким образом, демографический фактор не будет иметь решающего значения в формировании спроса на услуги детских дошкольных учреждений.

Не решена задача подготовки кадров в соответствии с реальными нынешними и вероятными будущими потребностями экономики. Одна из причин – трудность прогнозирования, вызванная существующей до сих пор неопределенностью отраслевых приоритетов экономического развития региона. Слабо используется опыт восточноевропейских стран с переходной экономикой, что могло бы оказать значительное содействие в определении приоритетов образовательной политики в регионе.

Занятость в теневом секторе. Специальной проблемой, особенно актуальной в Калининградской области, является высокая занятость населения в теневом секторе. Безработное (по классификации МОТ) население, официально не зарегистрированное в качестве безработных, но занятое в теневой экономике, преимущественно в сфере услуг, создает не только финансово-экономическую и правовую (уклонение от уплаты налогов), но и социальную проблему. Требуется специальная программа профессиональной ориентации молодежи, предусматривающая ее вовлечение в реальный сектор экономики. В этом направлении должно происходить реформирование региональной системы образования, во все большей мере ориентирующей на повышение квалификации и переподготовку кадров.

Определенный положительный опыт в данном направлении накоплен в переподготовке военнослужащих, уволенных в запас и отставку. Соответствующие проекты осуществляются

в области с помощью международных программ. Все большее значение приобретает оказание дополнительных платных услуг по повышению квалификации и переподготовке кадров высшими и средними специальными учреждениями.

Учет зарубежного опыта. Для того чтобы убедить органы власти в проведении активной политики в поддержку населения, полезно сопоставление состояния населения более развитых российских регионов с ситуацией в других странах как с переходной, так и с развитой рыночной экономикой и обоснование на этой основе рекомендаций по регулированию социально-демографической ситуации. На первом этапе речь может идти о преодолении наиболее острых диспропорций. Затем все большее значение станут приобретать долговременные меры, вписывающиеся в общую стратегию социально-экономического развития страны и в региональную политику государства. Сначала речь будет идти о демографическом компоненте социальной политики, и лишь позднее могут начаться осуществляться меры непосредственного демографического регулирования, такие, как поощрение рождаемости или стимулирование миграционных потоков.

Ю.М. ЗВЕРЕВ

**ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ГОРОДОВ
И РАЙОНОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ПО ИТОГАМ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ
1999 – 2000 гг.**

Итоги выборных кампаний 1999 – 2000 гг. вновь подтвердили существование объективных территориальных различий в политических предпочтениях избирателей Калининградской области. А накопленный статистический материал дает возможность типологизировать городские округа и районы области.

В основу типологии положены следующие показатели:

- процент избирателей, проголосовавших в 1999 и 2000 г. за кандидатов от центристских партий и блоков («Единство», ОВР,

«В поддержку президента»), за В.В. Путина на президентских выборах 2000 г., за В.Г. Егорова на губернаторских выборах 2000 г. (как показатель центристских настроений избирателей);

- процент избирателей, проголосовавших в 1999 и 2000 г. за кандидатов от КПрФ, за Г.А. Зюганова на президентских выборах 2000 г., за В.П. Никитина на губернаторских выборах 2000 г. (как показатель, с одной стороны, «левизны» электората);

- процент избирателей, проголосовавших в 1999 и 2000 г. за кандидатов от правых и правоцентристских партий и блоков («Яблоко», СПС, «Яблоко-Новая сила» «Янтарный край России»), за Г.А. Явлинского на президентских выборах 2000 г., за Ю.П. Синельника на губернаторских выборах 2000 г. (как показатель правых (или «демократических») настроений избирателей);

- процент избирателей, проголосовавших на губернаторских выборах 2000 г. за Л.П. Горбенко (как показатель, отражающий консервативность избирателей и их приверженность к партии «власти»);

- процент избирателей, проголосовавших в 1999 и 2000 г. за кандидатов от ЛДПР и за В.В. Жириновского на президентских выборах 2000 г. (как показатель популистского политического сознания избирателей).

Эти показатели в разрезе городов и районов области приводятся в нижеследующих таблицах¹. Далее учитывались отклонения соответствующих показателей от среднеобластных (выделены во всех таблицах шрифтом: жирный – выше среднего (+5% и более от среднего по области показателя), обычный – средний, курсив – ниже среднего (-5% и менее от среднего по области показателя).

¹ Избирательные округа на выборах в областную Думу по партийным спискам не совпадали с границами районов области. Поэтому данные результатов выборов в районном разрезе являются расчетными. Данные по Озерскому и Нестеровскому районам даны суммарно, рассчитать результаты по Славскому району, г. Пионерскому на данном этапе не удалось (для этого необходимо свести результаты участковых избирательных комиссий).

**Процент избирателей, проголосовавших в 1999 и 2000 г.
за кандидатов от центристских партий и блоков
(«Единство», ОВР, «В поддержку президента»),
за В.В. Путина на президентских выборах 2000 г.,
за В.Г. Егорова на губернаторских выборах 2000 г.**

Город и район	«Един- ство»	ОВР	«В под- держку Пре- зидента»	В.В.Пу- тин	В.Г. Егоров	
					1-й тур	2-й тур
Калининград	28,0	10,6	14,5	56,7	40,6	63,9
Зеленоградский	39,3	7,0	19,0	64,6	36,8	53,9
Гурьевский	38,0	6,3	18,8	67,8	38,4	57,2
Багратионовский	42,5	6,5	20,6	72,7	42,7	57,4
Светлый	32,2	8,2	16,3	59,7	40,8	63,0
Светлогорск	42,4	6,8	17,6	63,9	34,0	50,0
Балтийск	31,5	11,0	16,0	61,2	53,5	66,6
Пионерский	37,2	6,2	...	60,0	22,9	43,1
Советск	24,7	11,0	15,2	50,5	27,5	50,2
Черняховский	44,6	4,4	20,0	64,6	33,7	50,8
Гусевский	46,5	3,4	21,7	66,4	34,5	44,7
Гвардейский	40,4	5,3	19,7	62,5	37,8	55,6
Правдинский	44,5	4,0	18,5	68,2	34,5	40,6
Озерский	43,5	4,6	21,7 (вкл. Нестеров- ский)	68,6	46,0	59,5
Неманский	35,5	8,3	14,0	57,6	18,4	25,6
Славский	34,1	5,3	...	62,9	26,2	40,4
Краснознаменский	46,3	4,7	19,0	69,7	30,0	44,6
Полесский	45,4	5,2	18,4	67,1	34,7	46,5
Нестеровский			21,7 (вкл. Озерский)	74,8	30,9	41,0
Всего	34,0	8,4	16,8	60,7	38,3	57,3

В данном случае надо иметь в виду, что в 1999 г. избиратели голосовали за В.В. Путина из разных соображений. Часть электората – как за действующего главу государства, часть – из желания перемен, другая часть – наоборот, из соображений

преимущества («наследник Ельцина»), часть была привлечена его патриотической державной позицией, часть – достаточно либеральными экономическими воззрениями и т.д. В целом же вполне можно отнести В.В. Путина как политика к центристам, что, на наш взгляд, и показала его последующая деятельность на посту Президента России.

К центристам нами отнесен и В.Г. Егоров, который шел на выборы с этих позиций (и, по информации прессы, был поддержан администрацией Президента РФ).

Если смотреть на результаты голосования в тройке «Единство» – Путин – Егоров, то можно отметить любопытный феномен. В периферийных районах области (Краснознаменский, Нестеровский, Полесский, Правдинский), где В.В. Путин набрал голосов значительно больше, чем в среднем по области, показатели В.Г. Егорова, наоборот, оказались ниже среднеобластных. Электорат предпочел ему Л.П. Горбенко. По-видимому, сработал феномен голосования «за партию власти», за начальника.

Таблица 2

**Процент избирателей, проголосовавших в 1999 и 2000 г.
за кандидатов от КПРФ, за Г.А. Зюганова на президентских
выборах 2000 г., за В.П. Никитина на губернаторских выборах
2000 г. (как показатель, с одной стороны, «левизны» электората)**

Город и район	КПРФ-99	КПРФ-2000	Г.А. Зюганов	В.П. Никитин
Калининград	20,0	13,8	24,4	17,6
Зеленоградский	18,1	10,8	21,6	14,0
Гурьевский	17,6	10,0	19,6	12,2
Багратионовский	15,1	9,5	16,6	10,9
Светлый	18,0	10,0	23,4	12,8
Светлогорск	17,5	11,0	22,2	19,2
Балтийск	15,3	10,0	21,3	9,6
Пионерский	16,7	...	24,8	12,5
Советск	26,1	20,0	32,8	23,8
Черняховск	24,3	17,0	24,6	23,8

Город и район	КПРФ-99	КПРФ-2000	Г.А. Зюганов	В.П. Никитин
Гусевский	23,5	13,2	22,9	15,7
Гвардейский	21,8	13,6	26,2	18,3
Правдинский	22,5	10,4	21,7	10,0
Озерский	22,1	10,5 (вкл. Нестеровский)	22,9	15,6
Неманский	23,0	13,8	29,9	7,8
Славский	25,3	...	25,3	12,8
Краснознаменский	18,9	13,5	20,6	12,0
Полесский	16,7	13,0	21,3	13,1
Нестеровский	17,0	10,5 (вкл. Озерский)	15,3	11,3
Всего	20,0	13,6	23,7	16,1

Из таблицы видно, что наиболее ярко «левые» настроения выражены у избирателей Советска, Черняховского, Неманского, Гвардейского районов (в последних двух – только на федеральных выборах). В целом левые силы не пользуются в Калининградской области особой популярностью. Так, коммунисты получили в области меньший процент голосов, чем в среднем по России, на всех выборах в Государственную Думу (в 1993, 1995, 1999 гг.).

Таблица 3

Процент избирателей, проголосовавших в 1999 и 2000 г. за кандидатов от правых и правоцентристских партий и блоков («Яблоко», СПС, «Яблоко-Новая сила» «Янтарный край России»), за Г.А. Явлинского на президентских выборах 2000 г., за Ю.П. Синельника на губернаторских выборах 2000 г.

Город и район	«Яблоко»-99	«Яблоко-Новая сила»-2000	СПС-99	«ЯКР»-2000	Г.А. Явлинский	Ю.П. Синельник
Калининград	8,1	16,4	11,2	12,2	9,1	16,0
Зеленоградский	4,1	10,8	6,9	9,5	4,3	13,0

Город и район	«Яб- ло- ко»- 99	«Яблоко- Новая си- ла»-2000	СПС- 99	«ЯКР»- 2000	Г.А. Яв- лин- ский	Ю.П. Си- нель- ник
Гурьевский	5,0	12,1	7,8	10,0	4,4	12,4
Багратионовский	3,7	8,0	5,7	9,8	3,0	8,8
Светлый	7,0	11,6	9,6	16,8	7,2	17,4
Светлогорск	4,0	11,0	7,0	11,0	4,6	12,6
Балтийск	5,1	9,4	6,6	9,0	5,3	9,3
Пионерский	4,2	...	6,3	...	4,8	30,5
Советск	7,9	10,4	9,4	11,8	7,6	14,1
Черняховский	2,9	6,8	4,3	11,0	2,4	9,7
Гусевский	2,7	6,4	4,5	12,0	2,2	6,5
Гвардейский	3,1	7,9	4,8	13,0	3,0	11,1
Правдинский	2,1	8,0	4,0	9,5	1,8	6,1
Озерский	1,7	6,3 (вкл. Нестеров- ский)	3,2	12,0 (вкл. Нестеров- ский)	1,1	7,5
Неманский	4,5	6,6	5,0	8,6	3,9	3,8
Славский	4,2		5,3		3,5	4,6
Краснознаменский	2,8	7,1	3,8	10,0	2,0	6,9
Полесский	3,1	8,2	4,2	10,0	3,2	8,2
Нестеровский		6,3 (вкл. Озерскую)		12,0 (вкл. Озерскую)	1,8	10,1
Всего	6,0	12,3	8,4	11,6	6,3	13,0

Естественной опорой «демократов» (или правых) в Калининградской области являются крупные города – Калининград, Светлый, Советск. Выделяющийся из общего ряда результат, полученный Ю.П. Синельником на губернаторских выборах 2000 г. в Пионерском – следствие не политического выбора, а личного фактора. Избиратели голосовали за земляка (Синельник – бывший генеральный директор местной рыболовной базы «Океанрыбфлот») и главу Госкомрыболовства (база – градообразующее предприятие) в одном лице. Это яркий пример хорошо известного в политической географии

Калининградский социум в европейском измерении

эффекта друзей и соседей (или голосования за кандидата). Среди избирателей распространено стремление голосовать за земляка, часто вне зависимости от его политических взглядов.

Таблица 4

**Процент избирателей, проголосовавших
на губернаторских выборах 2000 г. за Л.П. Горбенко**

Город и район	1-й тур	2-й тур
Калининград	13,4	25,2
Зеленоградский	23,5	37,5
Гурьевский	26,4	36,3
Багратионовский	27,1	36,4
Светлый	18,6	29,1
Светлогорск	23,7	40,7
Балтийск	14,3	22,9
Пионерский	23,6	45,7
Советск	25,9	42,6
Черняховский	25,1	42,5
Гусевский	35,0	49,3
Гвардейский	23,4	37,6
Правдинский	43,4	50,9
Озерский	22,6	36,6
Неманский	65,3	71,9
Славский	49,7	56,8
Краснознаменский	43,5	51,3
Полесский	36,4	49,0
Нестеровский	40,2	53,8
Всего	21,9	34,2

Л.П. Горбенко с его крайне запутанной политической биографией весьма сложно отнести к какому-то определенному политическому направлению. Он выступал скорее как прагматик, опиравшийся на те политические силы, которые в данный конкретный момент могли помочь ему в получении (сохранении) власти и в решении областных хозяйственных вопросов. В связи с этим мы и привели его электоральные результаты отдельно.

Электоральная база Л.П. Горбенко явно находилась за пределами областного центра. Уже в первом туре выборов (5.11.2000 г.) он вчистую проиграл Калининград, что, собственно, и предопределило исход выборов (областной центр – это более 46% всех зарегистрированных избирателей). В Калининграде Горбенко занял в первом туре только четвертое место, уступив не только своему главному сопернику командующему ДКБФ адмиралу В.Г. Егорову, но и В.П. Никитину (депутат Государственной думы) и Ю.П. Синельнику (в то время – председатель Госкомрыболовства):

- В.Г. Егоров – 65489;
- В.П. Никитин – 28447;
- Ю.П. Синельник – 25863;
- Л.П. Горбенко – 21599.

Отметим, что в 1996 г. в первом туре губернаторских выборов Л.П. Горбенко победил тогдашнего губернатора Ю.С. Маточкина в Балтийском районе Калининграда, уступив ему в трех других районах областного центра. Однако ему удалось обойти Маточкина во втором туре во всех районах Калининграда (главным образом за счет голосов коммунистического электората – кандидат коммунистов, бывший первый секретарь обкома КПСС Ю.Н. Семенов, занявший в первом туре третье место после Маточкина и Горбенко, призвал своих избирателей голосовать за Горбенко).

Л.П. Горбенко в первом туре выборов 2000 г. победил преимущественно в сельских периферийных районах – Гусевском, Краснознаменском, Неманском, Нестеровском, Полесском, Правдинском, Славском, что, однако, в силу малочисленности их населения, не смогло компенсировать провал в Калининграде. На отрицательных результатах Горбенко в Калининграде в немалой степени сказалось то обстоятельство, что мэр города Ю.А. Савенко открыто поддержал В.Г. Егорова. Это особенно важно, так как летом 2000 г. по опросам общественного мнения Савенко был самым популярным политиком области и, по общему мнению, являлся наиболее «проходным» кандидатом на губернаторский пост. Однако он

не стал выдвигать свою кандидатуру и открыто поддержал В.Г. Егорова.

Если брать результаты первого тура за пределами Калининграда, то они выглядят следующим образом:

- В.Г. Егоров – 68921;
- Л.П. Горбенко – 55477;
- В.П. Никитин – 28137;
- Ю.П. Синельник – 19875.

Во втором туре Л.П. Горбенко победил практически в тех же районах, что и в первом туре, прибавив себе только «синельниковский» Пионерск. Отметим, что в 1996 г. во втором туре Л.П. Горбенко уступил Ю.С. Маточкину только в Балтийске и Гвардейском районе.

Егоров забрал себе все остальное, т.е. то же, что и в первом туре. В Калининграде В.Г. Егоров победил в соотношении 99577: 39318, т.е. Егоров по сравнению с первым туром прибавил в областном центре более 34 тыс. голосов, а Горбенко – только около 18 тыс. А вот в 1996 г. Горбенко одолел Маточкина во всех четырех территориальных избирательных комиссиях (ТИКах) областного центра.

В целом по результатам голосования за Л.П. Горбенко можно судить о консервативности избирателя («от добра добра не ищут»), с одной стороны, и об уже упоминавшемся «голосовании за начальство» – с другой.

Таблица 5

**Процент избирателей, проголосовавших в 1999 и 2000 г.
за кандидатов от ЛДПР и за В.В. Жириновского
на президентских выборах 2000 г.**

Город и район	ЛДПР-99	ЛДПР-2000	В.В. Жириновский
Калининград	6,6	5,6	3,2
Зеленоградский	9,8	8,0	4,4
Гурьевский	9,3	7,3	3,8
Багратионовский	9,6	7,8	3,8
Светлый	7,7	5,9	3,3

Город и район	ЛДПР-99	ЛДПР-2000	В.В. Жириновский
Светлогорск	7,9	6,3	3,6
Балтийск	12,7	8,8	5,8
Пионерский	9,6		3,8
Советск	7,3	5,6	2,7
Черняховский	9,0	8,0	4,4
Гусевский	9,3	8,4	4,2
Гвардейский	9,4	8,1	4,2
Правдинский	10,0	9,0	4,4
Озерский	9,2	9,1 (вкл. Нестеровский)	3,8
Неманский	9,7	6,3	3,4
Славский	10,7	Н.д.	3,9
Краснознаменский	10,1	9,0	3,9
Полесский	9,0	7,8	4,1
Нестеровский	9,0	9,1 (вкл. Озерский)	4,6
Всего	8,1	6,8	3,7

Голосование за В.В. Жириновского и его партию достаточно хорошо, на наш взгляд, показывает степень «маргинальности» избирателей, их стремление идти за политиками, отличающимися эксцентричным поведением и строящими свою карьеру на эпатирующих популистских лозунгах. Здесь на первый план выходит голосование за неординарного (главным образом по стилю поведения) лидера, а не за содержание его лозунгов или программу. Ясно, что без личности В.В. Жириновского ЛДПР давно уже бы постигла печальная судьба многих когда-то гремевших, а потом канувших в небытие или тихо доживающих свой век партий и движений (вспомним хотя бы «Демократическую Россию» или ДПР).

Отметим, что опорой ЛДПР в нашей области являются преимущественно периферийные районы с высокой долей сельского населения. Впрочем, и в Калининграде поддержка ЛДПР и ее лидера по крайней мере не ниже средней по области.

Результаты выборов из вышеприведенных таблиц были объединены в сводную таблицу 6.

Таблица 6

Сводные итоги выборов в Калининградской области в 1999 – 2001 гг.

Голоса, отданные за политическую партию (избирательный блок, кандидата), %

Город, район	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Багратионовский	42,5	6,5	20,6	72,7	42,7	57,4	15,1	9,5	16,6	10,9	3,7
Балтийск	31,5	11,0	16,0	61,2	53,5	66,6	15,3	10,0	21,3	9,6	5,1
Гвардейский	40,4	5,3	19,7	62,5	37,8	55,6	21,8	13,6	26,2	18,3	3,1
Гурьевский	38,0	6,3	18,8	67,8	38,4	57,2	17,6	10,0	19,6	12,2	5,0
Гусевский	46,5	3,4	21,7	66,4	34,5	44,7	23,5	13,2	22,9	15,7	2,7
Зеленоградский	39,3	7,0	19,0	69,7	30,0	44,6	18,1	10,8	21,6	14,0	4,1
Калининград	28,0	10,6	14,5	56,7	40,6	63,9	20,0	13,8	24,4	17,6	8,1
Краснознаменский	46,3	4,7	19,0	69,7	30,0	44,6	18,9	13,5	20,6	12,0	2,8
Неманский	35,5	6,3	14,0	57,6	18,4	25,6	23,0	13,8	29,9	7,8	4,5
Нестеровский	...	...	21,7 (вкл. Озерский)	74,8	30,9	41,0	17,0	10,5 (вкл. Озерский)	15,3	11,3	...
Озерский	43,5	4,6	21,7 (вкл. Нестеровский)	68,6	46,0	59,5	22,1	10,5 (вкл. Нестеровский)	22,9	15,6	1,7
Пионерский	37,2	6,2	...	60,0	22,9	43,1	16,7	...	24,8	12,5	4,2
Полесский	45,4	5,2	18,4	67,1	34,7	46,5	16,7	13,0	21,3	13,1	3,1
Правдинский	44,5	4,0	18,5	68,2	34,5	40,6	22,5	10,4	21,7	10,0	2,1
Светлый	32,2	8,2	16,3	59,7	40,8	63,0	18,0	10,0	23,4	12,8	7,0
Светлогорск	42,4	6,8	17,6	63,9	34,0	50,0	17,5	11,0	22,2	19,2	4,0
Славский	34,1	5,3	...	62,9	26,2	40,4	25,3	...	25,3	12,8	4,2
Советск	24,7	11,0	15,2	50,5	27,5	50,2	26,1	20,0	32,8	23,8	7,9
Черняховский	44,6	4,4	20,0	64,6	33,7	50,8	24,3	17,0	24,6	23,8	2,9

Окончание табл. 6

Город, район	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Багратионовский	8,0	5,7	9,8	3,0	8,8	27,1	36,4	9,6	7,8	3,8
Балтийск	9,4	6,6	9,0	5,3	9,3	14,3	22,9	12,7	8,8	5,8
Гвардейский	7,9	4,8	13,0	3,0	11,1	23,4	37,6	9,4	8,1	4,2
Гурьевский	12,1	7,8	10,0	4,4	12,4	26,4	36,3	9,3	7,3	3,8
Гусевский	6,4	4,5	12,0	2,2	6,5	35,0	49,3	9,3	8,4	4,2
Зеленоградский	10,8	6,9	9,5	4,3	13,0	23,5	37,5	9,8	8,0	4,4
Калининград	16,4	11,2	12,2	9,1	16,0	13,4	25,2	6,6	5,6	3,2
Краснознаменский	7,1	3,8	10,0	2,0	6,9	43,5	51,3	10,1	9,0	3,9
Неманский	6,6	5,0	8,6	3,9	3,8	65,3	71,9	9,7	6,3	3,4
Нестеровский	6,3 (вкл. Озерский)	...	12,0 (вкл. Озерский)	1,8	10,1	40,2	53,8	9,0	9,1 (вкл. Озерский)	4,6
Озерский	6,3 (вкл. Нестеровский)	3,2	12,0 (вкл. Нестеровский)	1,1	7,5	22,6	36,6	9,2	9,1 (вкл. Нестеровский)	3,8
Пионерский	...	6,3	...	4,8	30,5	23,6	45,7	9,6	...	3,8
Полесский	8,2	4,2	10,0	3,2	8,2	36,4	49,0	9,0	7,8	4,1
Правдинский	8,0	4,0	9,5	1,8	6,1	43,4	50,9	10,0	9,0	4,4
Светлый	11,6	9,6	16,8	7,2	17,4	18,6	29,1	7,7	5,9	3,3
Светлогорск	11,0	7,0	11,0	4,6	12,6	23,7	40,7	7,9	6,3	3,6
Славский	...	5,3	...	3,5	4,6	49,7	56,8	10,7	...	3,9
Советск	10,4	9,4	11,8	7,6	14,1	25,9	42,6	7,3	5,6	2,7
Черняховский	6,8	4,3	11,0	2,4	9,7	25,1	42,5	9,0	8,0	4,4

Условные обозначения к таблице 6

- 1 – «Единство» – выборы в Госдуму 1999 г.
- 2 – ОВР – выборы в Госдуму 1999 г.
- 3 – «В поддержку Президента» – выборы в Облдуму 2000 г.
- 4 – В.В. Путин – выборы Президента РФ 2000 г.
- 5 – В.Г. Егоров – выборы губернатора 2000 г. (1-й тур)
- 6 – В.Г. Егоров – выборы губернатора 2000 г. (2-й тур)
- 7 – КПРФ – выборы в Госдуму 1999 г.
- 8 – КПРФ – выборы в Облдуму 2000 г.
- 9 – Г.А. Зюганов – выборы Президента РФ 2000 г.
- 10 – В.П. Никитин – выборы губернатора 2000 г. (1-й тур)
- 11 – «Яблоко» – выборы в Госдуму 1999 г.
- 12 – Яблоко-Новая сила» – выборы в Облдуму 2000 г.
- 13 – «Союз правых сил» (СПС) – выборы в Госдуму 1999 г.
- 14 – «Янтарный край России» – выборы в Облдуму 2000 г.
- 15 – Г.А. Явлинский – выборы Президента РФ 2000 г.
- 16 – Ю.П. Синельник – выборы губернатора 2000 г. (1-й тур)
- 17 – Л.П. Горбенко – выборы губернатора 2000 г. (1-й тур)
- 18 – Л.П. Горбенко – выборы губернатора 2000 г. (2-й тур)
- 19 – ЛДПР – выборы в Госдуму 1999 г.
- 20 – ЛДПР – выборы в Облдуму 2000 г.
- 21 – В.В. Жириновский – выборы Президента РФ 2000 г.

На основе табл. 6 нами было выделено 7 типов электоральных регионов Калининградской области.

Тип 1

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Калинин-град	28,0	10,6	14,5	56,7	40,6	63,9	20,0	13,8	24,4	17,6	8,1	16,4	11,2	12,2	9,1	16,0	13,4	25,2	6,6	5,6	3,2

Тип 2

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Советск	24,7	11,0	15,2	50,5	27,5	50,2	26,1	20,0	32,8	23,8	7,9	10,4	9,4	11,8	7,6	14,1	25,9	42,6	7,3	5,6	2,7

Тип 3

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Балтийск	31,5	11,0	16,0	61,2	53,5	66,6	15,3	10,0	21,3	9,6	5,1	9,4	6,6	9,0	5,3	9,3	14,3	22,9	12,7	8,8	5,8

Тип 4

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Светлый	32,2	8,2	16,3	59,7	40,8	63,0	18,0	10,0	23,4	12,8	7,0	11,6	9,6	16,8	7,2	17,4	18,6	29,1	7,7	5,9	3,3

Тип 5

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Пионерский	37,2	6,2	...	60,0	22,9	43,1	16,7	...	24,8	12,5	4,2	...	6,3	...	4,8	30,5	23,6	45,7	9,6	...	3,8
Светлогорск	42,4	6,8	17,6	63,9	34,0	50,0	17,5	11,0	22,2	19,2	4,0	11,0	7,0	11,0	4,6	12,6	23,7	40,7	7,9	6,3	3,6

Окончание табл.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Баграионовский	42,5	6,5	20,6	72,7	42,7	57,4	15,1	9,5	16,6	10,9	3,7	8,0	5,7	9,8	3,0	8,8	27,1	36,4	9,6	7,8	3,8
Гурьевский	38,0	6,3	18,8	67,8	38,4	57,2	17,6	10,0	19,6	12,2	5,0	12,1	7,8	10,0	4,4	12,4	26,4	36,3	9,3	7,3	3,8
Зеленоградский	39,3	7,0	19,0	69,7	30,0	44,6	18,1	10,8	21,6	14,0	4,1	10,8	6,9	9,5	4,3	13,0	23,5	37,5	9,8	8,0	4,4

Тип 6

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Гвардейский	40,4	5,3	19,7	62,5	37,8	55,6	21,8	13,6	26,2	18,3	3,1	7,9	4,8	13,0	3,0	11,1	23,4	37,6	9,4	8,1	4,2
Черняховский	44,6	4,4	20,0	64,6	33,7	50,8	24,3	17,0	24,6	23,8	2,9	6,8	4,3	11,0	2,4	9,7	25,1	42,5	9,0	8,0	4,4

Тип 7

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Гусевский	46,5	3,4	21,7	66,4	34,5	44,7	23,5	13,2	22,9	15,7	2,7	6,4	4,5	12,0	2,2	6,5	35,0	49,3	9,3	8,4	4,2
Озерский	21,7							10,5				6,3	12,0	12,0							
	43,5	4,6	(вкл. 21,7)	68,6	46,0	59,5	22,1	(вкл. 10,5)	22,9	15,6	1,7	(вкл. 6,4)	3,2	(вкл. 12,0)	1,1	7,5	22,6	36,6	9,2	(вкл. 9,1)	3,8
			Не-стеровский)					Не-стеровский)				Не-стеровский)		Не-стеровский)						Не-стеровский)	

Окончание табл.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Краснознаменский	46,3	4,7	19,0	69,7	30,0	44,6	18,9	13,5	20,6	12,0	2,8	7,1	3,8	10,0	2,0	6,9	43,5	51,3	10,1	9,0	3,9
Нестеровский	21,7		(вкл.					10,5				6,3	12,0						9,1		
Озерский	...	...	Озерский	74,8	30,9	41,0	17,0	Озерский	15,3	11,3	...	Озерский	...	Озерский	1,8	10,1	40,2	53,8	9,0	Озерский	4,6
Полесский	45,4	5,2	18,4	67,1	34,7	46,5	16,7	13,0	21,3	13,1	3,1	8,2	4,2	10,0	3,2	8,2	36,4	49,0	9,0	7,8	4,1
Правдинский	44,5	4,0	18,5	68,2	34,5	40,6	22,5	10,4	21,7	10,0	2,1	8,0	4,0	9,5	1,8	6,1	43,4	50,9	10,0	9,0	4,4

Тип 8

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Славский	34,1	5,3	...	62,9	26,2	40,4	25,3	...	25,3	12,8	4,2	...	5,3	...	3,5	4,6	49,7	56,8	10,7	...	3,9
Неманский	35,5	6,3	14,0	57,6	18,4	25,6	23,0	13,8	29,9	7,8	4,5	6,6	5,0	8,6	3,9	3,8	65,3	71,9	9,7	6,3	3,4

Ниже приводится краткая характеристика этих типов электоральных регионов.

Тип 1 (Калининград – 388780 избирателей, внесенных в список²).

Для этого региона характерна более низкая, чем в среднем по области, поддержка как «Единства», так и В.В. Путина (здесь и далее речь идет только о результатах соответствующих выборов). По-видимому, это связано с тем, что в областном центре, где больше людей с высоким образовательным уровнем и где более доступны альтернативные СМИ, избиратели критично отнеслись к кампании «раскручивания наследника» Б.Н. Ельцина.

При этом на губернаторских выборах Калининград с большим перевесом поддержал адмирала В.Г. Егорова с его репутацией кандидата «от Путина» и столь же дружно отказал в доверии действующему губернатору Л.П. Горбенко, который, как известно, был одним из «отцов-основателей» «Единства» и в своей предвыборной кампании также делал ставку на «близость» к Президенту.

Калининград в то же время является оплотом «демократов» – хотя кандидаты правых партий и блоков и не занимают первых мест, но уровень поддержки и «Яблока», и СПС, и Г.А. Явлинского здесь намного выше, чем в среднем по области. Показателен и высокий результат Ю.П. Синельника, который на губернаторских выборах выступал в целом с либеральных позиций.

Поддержка коммунистов и близких им «национально-патриотических сил» в Калининграде соответствует средней по области (В.П. Никитин на губернаторских выборах занял в городе 2-е место, уступив только В.Г. Егорову, но избиратели голосовали за Никитина скорее не как за «ставленника коммунистов», сколько как за зарекомендовавшего себя экономиста-профессионала, играющего не последнюю роль в Госдуме и имеющего хорошие контакты в Москве).

² Здесь и далее по итогам второго тура выборов главы администрации (губернатора) области 19.11.2001 г.

Поддержка В.В. Жириновского и его партии в Калининграде ниже среднеобластной – популистские лозунги, похоже, перестали быть милы сердцу большинства калининградцев.

Тип 2 (Советск – 33753 избирателя, которые были внесены в список).

Один из оплотов левых сил – и КПРФ, и Г.А. Зюганов, и В.П. Никитин получили на всех выборах 1999 – 2000 гг. здесь намного больше голосов, чем в среднем по области. А вот центристские силы популярны менее, чем у среднего жителя Калининградской области – отметим самые низкие результаты и «Единства», и В.В. Путина в 1999 г. (24,7 против 34,0 и 50,5% против 60,7% в среднем по области соответственно). Не исключено, что свою роль в этом как раз и сыграла коммунистическая агитация в период выборов.

В отличие от Калининграда, В.Г. Егоров хотя и занял в Советске 1-е место и в первом и во втором турах губернаторских выборов, но оба раза получил меньше среднеобластного процента голосов. А Л.П. Горбенко, уступивший ему, – выше среднего.

Более высокую поддержку, чем в среднем по области, имеют в Советске и демократы, а вот Жириновский пользуется меньшей популярностью (и в этом город похож на Калининград).

Тип 3 (Балтийск – 29948 избирателей, внесенных в список).

Военно-морская база с преобладанием среди избирателей военнослужащих, гражданских служащих ВМФ и членов их семей, что, разумеется, сказывается и на итогах голосования.

Основные особенности по результатам выборов 1999 – 2000 гг. – самая высокая в области поддержка на губернаторских выборах командующего ДКБФ адмирала В.Г. Егорова, самая высокая поддержка ОВР на парламентских выборах 1999 г. Результаты В.В. Путина близки к средним, что, по-видимому, отражает достаточно неоднозначное отношение военной среды к «московским начальникам». И левые, и демократы здесь популярны менее, чем в среднем по области. А вот В.В. Жириновский пользуется более высокой поддержкой, чем среднеобластная.

Тип 4 (Светлый – 21653 избирателя, которые были внесены в список). Светлый во многом похож на Балтийск, но есть и принципиальное отличие – бо́льшая, чем в среднем по области, популярность демократов и близкая к средней или более низкая поддержка В.В. Жириновского и ЛДПР.

Тип 5 (Светлогорск, Пионерский, Багратионовский, Гурьевский, Зеленоградский районы – 117269 избирателей, внесенных в список).

Ближняя пригородная зона Калининграда, территории с высоким положительным сальдо миграции (особенно Гурьевский и Багратионовский районы), что, разумеется, не могло не сказаться и на итогах выборов.

Основные особенности этого типа – более высокая, чем в среднем по области, поддержка «Единства» и В.В. Путина, Л.П. Горбенко. Относительно более умеренная поддержка В.Г. Егорова – он опередил Горбенко в трех районах и в Светлогорске и в первом и во втором турах, но его показатель превысил среднеобластной только в Багратионовском районе (1-й тур). О феномене голосования за Ю.П. Синельника в Пионерском уже говорилось выше – сработал личностный фактор (да и Л.П. Горбенко, как представляется, занял там второе место в первом туре во многом из-за своего рыбацкого прошлого).

Относительно непопулярны левые и демократы, выше средней популярности В.В. Жириновского и ЛДПР.

Тип 6 (Гвардейский и Черняховский районы – 68684 избирателя, которые были внесены в список).

В этих районах относительно сильны позиции левых и ЛДПР, относительно слабы – демократы. «Единство» получило относительно более высокую поддержку, В.В. Путин – тоже (чуть выше средней в Гвардейском районе и еще выше в Черняховском). Поддержка Л.П. Горбенко выше средней в обоих турах губернаторских выборов, а В.Г. Егорова – средняя (Гвардейский район) или ниже средней (Черняховский), хотя и в том и в другом районе он опередил Горбенко по числу набранных голосов.

Тип 7 (Гусевский, Озерский, Краснознаменский, Нестеровский, Полесский, Правдинский – 90550 избирателей, внесенных в список).

Самый обширный по составу тип, представленный периферийными районами области. Для него характерна более высокая, чем в среднем по области, поддержка Л.П. Горбенко на губернаторских выборах во всех указанных районах (кроме Озерского), где Горбенко опередил Егорова и в первом и во втором турах. В Озерском районе картина была обратная – впрочем, «неприязнь» озерских избирателей к Л.П. Горбенко носит устойчивый характер. В первом туре губернаторских выборов 1996 г. Л.П. Горбенко набрал в этом районе только 19% голосов (в среднем по области 22,3%), уступив и Ю.С. Маточкину, и Ю.Н. Семенову. По результатам второго тура, принесшего, как известно, Л.П. Горбенко общую победу, Озерский район оказался в ряду трех районов области, в которых победил Ю.С. Маточкин (наряду с Балтийском и Гвардейским районом). Причем за Маточкина было отдано 48,5% голосов (самый высокий показатель в области – средний был 40,4%).

Для избирателей в этом типе района также характерна стойкая нелюбовь к демократам (самые низкие относительные показатели по области) и преимущественно средняя и ниже средней поддержка коммунистов. Поддержка ЛДПР выше средней.

Тип 8 (Славский, Неманский районы – 31839 избирателей, внесенных в список).

Этот тип района отличается от 8-го тем, что на федеральных выборах поддержка коммунистов здесь оказалась выше среднеобластной. В этом он схож с соседним Советском (тип 2), но объединить их в один тип нам мешает значительно более высокая поддержка в Советске демократических сил.

В.В. Путин и «Единство» получили в Славском и Неманском районах (в том числе, по-видимому, и из-за активной работы коммунистов) более низкий процент голосов, чем в 8-м типе, соответствующий среднеобластному. Поддержка ЛДПР средняя или ниже средней.

По-нашему мнению, главными факторами, способствующими электоральной дифференциации территории Калининградской области, является степень удаленности от областного центра (периферийности) и уровень урбанизации. В периферийных районах явно сильнее позиции «партии власти» и кандидатов от этой партии (каковой бы она не была), крайне низка поддержка демократических (правых) сил, наблюдается явная тяга к популистским лозунгам и личностям, такие лозунги провозглашающим (ЛДПР и В.В. Жириновский). В то же время и поддержка КПРФ и ее кандидатов на селе, судя по нашим данным, ниже среднеобластной.

И еще – так или иначе судьбу любых выборов в Калининградской области определяют горожане, и прежде всего избиратели областного центра (46,3% избирателей Калининградской области).

Предложенная типология не является законченной и рассматривается нами лишь как первый шаг в анализе электоральных различий внутри Калининградской области. На следующем этапе необходимо рассмотреть эту дифференциацию уже не на уровне территориальных избирательных комиссий, а отдельных избирательных участков, что, разумеется, крайне трудоемко. Кроме того, при помощи социологических исследований нужно выявить существовавшие в 1999 – 2000 гг. и существующие сейчас так называемые «*электоральные расколы*». Под ними понимаются базовые социально-политические конфликты в изучаемом социуме, имеющие свое географическое выражение и позволяющие интерпретировать географические результаты голосований, то есть – от описания итогов выборов, к их объяснению, а в дальнейшем и к прогнозированию итогов будущих голосований.

Что касается последних губернаторских выборов, то ключевые проблемы, которые предстояло решить главе администрации Калининградской области (независимо от того, кто им станет) – сохранение и совершенствование механизма ОЭЗ, разработка и реализация стратегии развития региона в условиях расширения ЕС, которое, надо признать, воспринималось

избирателями скорее с тревогой, чем с надеждой. Ясно, что все эти вопросы могут быть решены только при конструктивном взаимодействии областных властей и федерального Центра. Не было секретом и то, что в 1996 – 2000 гг. это взаимодействие было нарушено. Выбор был, в сущности, прост – либо проголосовать за продолжение политики, ведущей к отчуждению от федерального Центра и отгораживанию от соседей под лозунгом «опоры на собственные силы», либо наладить конструктивные взаимоотношения с Москвой и постараться совместными усилиями разработать и реализовать стратегию развития Калининградской области, учитывающую новые геополитические реалии, прежде всего расширение ЕС. И это достаточно четко осознала региональная политическая и бизнес-элита, а также и наиболее продвинутая часть избирателей, что в итоге и определило исход губернаторских выборов 2000 г. На выборах победил кандидат, поддержанный федеральным Центром и намеренный активно взаимодействовать с ним в деле решения ключевых проблем Калининградской области. Уже сделанные администрацией В.Г. Егорова шаги говорят о том, что она движется именно в этом направлении.

А.П. КЛЕМЕШЕВ

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИУМА

Актуальность исследований

Формирование социума, то есть органической, саморегулирующейся системы, объединяемой устойчивыми социально-территориальными связями, происходит под воздействием совокупности внешних факторов, других территориальных систем – экономических, социальных, политических, природных. Особую роль среди них играет система образования, поскольку она во многом определяет социализацию личности, то есть

способствует вхождению в систему социальных отношений, складывающихся в обществе, во многом задавая и сами эти отношения. Следовательно, специфика региональной системы образования влияет на специфику социума. Более того, в условиях эксклавной переселенческой Калининградской области образование является, возможно, решающим фактором, который может обеспечить формирование социума.

Однако система образования в нашей стране в целом и в Калининградской области в частности испытывает сейчас серьезные трудности, поскольку нуждается в реформировании. Реформирование системы образования в соответствии с изменившимися и продолжающимися меняться экономическими и социальными условиями в нашей стране – одна из важнейших задач, стоящих перед российским государством и обществом. Задачи реформирования формулируются и обсуждаются в течение всего периода с начала 1990-х годов, принимаются определенные меры по изменению системы образования, однако полноценной реформы до сих пор не осуществлено. Сейчас на правительственном уровне предпринимается еще одна попытка внести качественные изменения в российскую систему образования. Однако, на наш взгляд, предлагаемая реформа должна более полно учитывать возможные социальные следствия и те особенности, в том числе региональные, которые характерны для российского социума в процессе его современного развития.

При всех недостатках советской системы образования (прежде всего связанных с отставанием в развитии от темпов научно-технической революции, что было характерно для всей административно-командной системы, и недостаточной активизацией самостоятельности учащихся, опасной для «демократического централизма» господствовавшей в обществе коммунистической партии) она имела и ряд несомненных достоинств. В частности, обеспечивала сравнительно высокий общий уровень грамотности, значительный объем знаний (особенно в естественнонаучной сфере), необходимую социализацию личности. Недостатки, к сожалению, так и не устра-

нены, а достоинства утеряны. В том числе и связанные не только с обучением, но и с воспитанием, подготовкой как к трудовой деятельности, так и к жизни в обществе.

Усилился разрыв между общим и профессиональным образованием, хотя с целью преодоления этого разрыва создано единое Министерство образования. Теперь, также во многом с целью упрочить связи между двумя частями системы, осуществляются попытки ввести единый государственный экзамен. Однако формальное объединение явно недостаточно для реальной интеграции. Более того, есть опасность того, что уровень школьного образования не повысится, а качество вузовской подготовки специалистов снизится.

Конечно, многие беды российского образования связаны с общим неудовлетворительным состоянием экономики. Однако нельзя не заметить и снижения за последнее десятилетие приоритетности образования среди социальных целей государства, как, собственно, и социальной сферы среди различных направлений государственной деятельности. Это легко можно подтвердить сравнением уровня оплаты труда в различных отраслях народного хозяйства. Работники сферы образования относятся к числу наименее оплачиваемых категорий.

В то же время в обществе после некоторого спада интереса к обучению стремление к получению высшего образования потеснило другие приоритеты. Это находит отражение в значительных расходах, которые несет население на получение платного образования. Можно предположить, что интересы государства и общества в отношении образования не вполне согласованы. В этом, на наш взгляд, и заключается одна из главных проблем совершенствования управления образованием, на что органами власти обращается слишком мало внимания.

Недостаточно изучены и современные проблемы социального развития, особенно, проблемы социальной стратификации общества. В советский период в нашей стране, в отличие от развитых стран Запада, такие исследования почти не проводились, так что их теория и методика были разработаны слабо. В настоящее время исследования сдерживаются недостаточ-

ным финансированием. Поэтому взаимные связи социального развития и развития системы образования, в том числе на региональном уровне, изучены мало.

В Калининградском государственном университете развитие региональной системы образования во взаимодействии с социальным развитием активно изучается с конца 1980-х годов¹. Накоплен значительный опыт разработки региональных программ развития системы образования; действует научно-методический центр «Регион и образование». Центром дополнительного и профессионального образования при КГУ осуществляется социологический мониторинг рынка образовательных услуг. Выполненные исследования и создали основу для оценки социальных, в том числе образовательных, процессов в регионе в их взаимной связи и взаимообусловленности.

Калининградская область в силу особых географических условий представляет собой уникальный полигон региональных исследований. Эксклавное, изолированное от основной части страны географическое положение делает все протекающие здесь процессы, в том числе и процессы в сфере образования, особенно ярко выраженными. Внешние связи региональной системы образования и ее взаимодействие с российской системой образования в целом, с одной стороны, и с зарубежными образовательными системами – с другой, проявляются особенно четко. Так же, как и взаимодействие системы образования с другими общественными системами в рамках всей социально-экономической системы региона.

Будут ли полученные на материалах изучения Калининградской области выводы характерны только для одного этого региона или их также можно применить к остальным субъектам Российской Федерации? Полагаем, что яркое проявление

¹ См., например: *Программа развития системы образования Калининградской области*. Калининград, 1994; *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Образование и региональное развитие. Калининград, 1999; *Клемешев А., Люейер П., Федоров Г.* Управление региональным развитием. Калининград, 1999 и др.

разнообразных проблем в регионе, наоборот, обеспечит необходимый уровень абстракции, обобщения. Безусловно, для *любого* региона *все* выводы не станут объективной истиной. Но некоторые общие закономерности можно проследить, чтобы дать им оценку и наметить необходимые методы регулирования, а также определить важнейшие направления в совершенствовании региональной системы образования конкретно в Калининградской области с учетом особенностей формирующегося здесь социума, проблем и перспектив социального развития региона.

Мнения населения о необходимости повышения уровня образования и профессиональной квалификации

Высокий конкурс в высшие и средние специальные учебные заведения в последние годы, готовность населения платить достаточно высокую плату за обучение престижным специальностям, за профессиональную переподготовку и повышение квалификации – все это свидетельствует о том, что среди ценностных ориентаций образование занимает видное место.

Проведенное нами социологическое обследование показало недостаточно высокую степень удовлетворенности населения области уровнем своего образования. Лишь 19% опрошенных полностью удовлетворены уровнем своего образования и квалификации; 35% скорее удовлетворены, чем не удовлетворены, 26% скорее не удовлетворены и полностью не удовлетворены 8%.

Более других удовлетворены имеющие высшее образование: доля в той или иной степени удовлетворенных в этой группе достигает 75%, что в полтора раза выше среднего показателя и, например, в два раза больше, чем в группе лиц с начальным профессиональным образованием.

Неудовлетворенность уровнем образования и квалификации заставляет респондентов предпринимать в этом отношении какие-то шаги, но лишь 5% опрошенных уже проходит обучение. Причем среди полностью удовлетворенных уровнем

образования и квалификации эта доля выше, чем среди не-удовлетворенных.

В целом в ближайшие годы примерно треть опрошенных намеревается получить образование более высокого уровня, повысить свою квалификацию или пройти профессиональную переподготовку. В подгруппах респондентов, наименее удовлетворенных своим образованием, этот показатель достигает 50% (табл. 1), хотя эти намерения будут реализованы лишь частично, ведь сейчас проходят переподготовку лишь 4% опрошенных из этой группы.

Таблица 1

**Удовлетворенность уровнем образования
и квалификации и намерение их повысить
(% от опрошенных)**

Насколько Вы удовлетворены уровнем своего образования и квалификации?	Планируете ли Вы в ближайшие годы получить образование более высокого уровня, повысить свою квалификацию или пройти профессиональную переподготовку?					
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Уже заняты этим	Затруд- няюсь ответить
Полностью удовле- творен	16,9	8,5	11,3	56,3	4,2	2,8
Скорее удовлетворен	16,8	15,3	21,4	36,6	3,1	6,9
Скорее не удовлетво- рен	21,3	23,6	19,1	28,1	2,2	5,6
Полностью не удовле- творен	34,6	15,4	7,7	38,5	3,8	0,0
Затрудняюсь ответить	14,8	7,4	11,1	35,2	14,8	16,7
Вся выборка	18,9	14,8	16,4	38,3	4,9	6,7

Для улучшения качественных характеристик социума (включая рост социального оптимизма и др.) рост уровня образования имеет очень большое значение. Данные таблицы 2 показывают, что имеющие высшее образование и особенно

незаконченное высшее (преимущественно студенты) в большей мере считают, что развитие региона предоставляет им шансы стать состоятельным человеком или человеком среднего достатка. Противоположную точку зрения относительно своих перспектив имеют лица с низким уровнем образования.

Таблица 2

**Оценка отражения развития региона на личном благосостоянии
в зависимости от уровня образования респондентов
(% от опрошенных)**

Уровень образования	Выберите суждение, которое, по Вашему мнению, отражает то, как развитие региона может сказаться на Вашем благосостоянии			
	Шансы стать			Затруд- няюсь ответить
	состоя- тельным человеком	человеком среднего достатка	бедным и очень бедным	
Начальное	0,0	28,6	42,0	28,6
Неполное среднее	9,1	18,2	63,7	9,1
Общее среднее	24,3	43,2	10,8	21,6
Начальное профессиональное	0,0	39,4	18,2	42,4
Среднее специальное	12,9	26,7	26,8	33,6
Неполное высшее	28,0	34,0	10,0	28,0
Высшее	19,8	36,5	20,6	23,0

Следует отметить, что пессимистические настроения в отношении перспектив роста образования, особенно у лиц с более низким уровнем образования, распространены достаточно широко. Очень большая доля калининградцев (в целом около трети) затруднилась ответить на этот вопрос.

Аналогичным образом удовлетворенность уровнем образования и квалификации (как уже отмечалось, более высокая у лиц со сравнительно высоким уровнем образования) также положительно сказывается на перспективах благосостояния населения в связи с развитием региона (табл. 3).

**Оценка влияния развития региона
на личное благосостояние в связи с удовлетворенностью
уровнем образования и квалификации
(% от опрошенных)**

Насколько Вы удовлетворены уровнем своего образования и квалификации?	Выберите суждение, которое, по Вашему мнению, отражает то, как развитие региона может сказаться на Вашем благосостоянии			
	Шансы стать			Затруд- няюсь ответить
	состоя- тельным человеком	человеком среднего достатка	бедным и очень бедным	
Полностью удовлетворен	37,1	37,1	8,6	17,1
Скорее удовлетворен	13,1	34,6	20,0	32,3
Скорее не удовлетворен	10,1	42,7	24,7	22,5
Полностью не удовле- творен	7,7	34,6	19,2	38,5
Затрудняюсь ответить	11,3	15,1	33,9	39,6

Региональная специфика развития системы образования

Модернизация страны в целом опирается на модернизацию образования, на его содержательное и структурное обновление. Задачами государственной политики в 2000 – 2010 гг., намеченными правительством России, являются создание условий для максимально полной и эффективной реализации гражданами своих прав на получение образования, обеспечение соответствия его структуры и качества потребностям развития экономики, социальной сферы и гражданского общества.

Образование не только выполняет функции обучения и воспитания, социализации населения. Необходимо подчеркнуть его роль в обеспечении национальной безопасности России в целом и Калининградской области в частности.

Дело в том, что образование действует на всех уровнях безопасности: общества, государства, личности. Как ведущие

политики, так и отечественные, и зарубежные ученые утверждают, что игнорирование этого аспекта культуры выживания в образовательном процессе обречет нас на катастрофу.

Специалисты ЮНЕСКО и Всемирной организации здоровья, изучавшие в течение 1992 – 2000 гг. проблему жизнеспособности различных наций и государств, оценили жизнеспособность России в 1,4 балла из 5 возможных. Состояние ниже этого ведет к необратимой деградации. Тенденции развития ряда социальных сфер и сторон жизни российского общества, к сожалению, таковы, что этот показатель может снизиться.

В Калининградской области данный вопрос приобретает особую остроту, так как депопуляция касается еще недостаточно сформировавшегося социума. Прогноз на ближайшие десять лет, сделанный учеными Калининградского университета, говорит о дальнейшем неблагоприятном характере демографических процессов. Ситуация усугубляется тем, что изменение менталитета молодого населения области, репродуктивных установок подрастающего поколения происходит в отсутствие единой национальной идеологии и способно привести не только к дальнейшему вырождению, но и к усилению сепаратистских настроений, подобно тому, как это происходит в некоторых других регионах России.

Исходным противоречием, определяющим ситуацию, сложившуюся в сфере образования в России в целом и в Калининграде в частности, является противоречие между сформированной в советское время системой образования и динамичной, хотя и недостаточно оптимально изменяющейся социальной средой. Пытаясь разрешить данное противоречие, федеральные и местные власти взяли курс на осуществление реформы системы образования, которая, несмотря на известные недостатки, привела к определенным положительным результатам. Однако резкое уменьшение государственных расходов на образование в условиях экономического спада, с одной стороны, и необходимость реформирования образования в соответствии с требованиями качественно изменившейся социально-экономической среды – с другой, предопределяют то

сложное положение, в котором оказалась вся российская система образования.

В современных условиях сохранение, рост и качественное изменение образовательного уровня населения области являются одной из важнейших и наиболее трудных задач регионального развития. Эта задача, во-первых, определяется общими для страны условиями и, во-вторых, имеет местную специфику, обусловленную эксклавным положением области, ее историческими особенностями, соседством с зарубежными странами, уровнем развития и структурой народного хозяйства, состоянием социальной сферы в целом и культуры и образования в частности.

Общероссийские условия имеют два наиболее общих аспекта: *финансовый* и *содержательный*.

Финансовые проблемы вытекают из общего кризисного состояния российской экономики в 1990-е годы и могут быть кардинально решены только с улучшением экономической ситуации. Однако и в условиях экономического кризиса следовало бы стремиться к приоритетному, по сравнению с другими отраслями, финансированию образования, чего большую часть периода не прослеживалось, наоборот: наблюдалась тенденция сокращения доли бюджетных расходов, направляемых на нужды образования. Лишь в самое последнее время, благодаря наметившемуся с 1999 года росту экономических показателей, правительство утверждает о предстоящем росте выделяемых на образовательные нужды средств.

Содержательные моменты связаны с утерей прежних идеологических ориентиров при отсутствии новых. Возникший вакуум заполняется зачастую худшими образцами западной (американизированной) масс-культуры. Общая духовная атмосфера в обществе ухудшается – растет аморальность, вседозволенность. Система образования, не получающая необходимого финансирования, не в состоянии надлежащим образом реализовать процесс воспитания (а отчасти и образования). Качество кадров в связи с низким уровнем оплаты труда, уступающим большинству отраслей экономики, ухудшается в

связи с их оттоком в другие сферы хозяйства и отсутствия времени на повышение квалификации в связи с высокой учебной нагрузкой, вызванной дополнительной работой для заработка. Распространена теневая деятельность при поступлении на бюджетные места в вузы и средние специальные учебные заведения.

Региональный аспект развития образования также включает две названные выше группы проблем: *финансовую* и *содержательную*.

Финансовые проблемы в регионе стали более острыми, чем в среднем по стране, уже в 1980-е годы. Уровень развития социальной сферы, в том числе системы образования, в Калининградской области был средним или ниже среднего по сравнению с Российской Федерацией в целом.

В середине 1980-х годов число студентов вузов в расчете на 10000 жителей снизилось по сравнению с 1970 годом со 195 до 181, средних специальных учебных заведений – с 219 до 179. Этот показатель для вузов стал ниже среднего по России, к 1990 году стал уступать среднероссийскому и соответствующий показатель для средних специальных учебных заведений.

Позиции области в РФ по показателям социальной сферы ухудшались, поскольку снижалась ее доля в капиталовложениях, направляемых на эти цели. За 1965 – 1985 гг. значительно меньше, чем в среднем по РФ, стало вводиться в строй школ и дошкольных учреждений, кинотеатров. Продолжение этой тенденции во второй половине 1980-х годов вело к тому, что социальная сфера области в масштабах РФ превращалась из средне-развитой в развитую ниже среднероссийского уровня, притом что и показатели в среднем по РФ стали ухудшаться.

Отставанию социальной сферы региона способствовала пассивная позиция областного руководства в получении дополнительного финансирования при недостаточном внимании к региону центральных властей и плановых органов. Научно-исследовательские институты Госплана России вели разработки крупных экономических районов, а Калининградская область не входила ни в один из таких районов РФ (она была от-

Калининградский социум в европейском измерении

несена к Прибалтике вместе с тремя республиками – Эстонией, Латвией и Литвой). Так, разработка республиканской программы «Подготовка кадров и образование» была начата и практически уже доведена до конца, когда разработчики «вспомнили» о Калининградской области и в крайне недостаточные сроки пришлось обосновывать соответствующие предложения.

Провозглашенные в годы перестройки, во второй половине 1980-х гг., принципы приоритета социальной сферы в противовес прежним принципам ее остаточного финансирования реализовать не удалось. Нарастание социальной дифференциации потребовало относительного роста расходов прежде всего на поддержку малоимущих слоев населения, на содержание жилищно-коммунального и городского хозяйства. Рост показателей развития отраслей социальной сферы, в том числе образования, достигнутый в 1985 – 1990 гг., сменился в 1990-е гг. их быстрым снижением (табл. 4)².

Таблица 4

Динамика некоторых показателей системы образования, 1985 – 2000 гг.

Показатель	1985	1990	1995	1998	2000
Число постоянных дошкольных учреждений	510	519	434	335	286
Число детей в постоянных дошкольных учреждениях, тыс. чел.	51,0	48,4	32,4	24,8	23,9
Доля школ, ведущих занятия в одну смену, %	70	61	55	58	56

² Это соответствовало общероссийским тенденциям. Доля затрат на образование в 1991 г. в РФ составила лишь 3,6% ВВП против 4,8% в 1989 г. Только за 1992 г. расходы государства на образование сократились на 20%. Это сокращение продолжалось до 1997 г., когда впервые был обеспечен некоторый рост расходов, вновь сменившийся падением в 1998 г.

Показатель	1985	1990	1995	1998	2000
Доля детей, занимающихся во второй и третьей сменах, %	19	22	30	30	27
Число студентов государственных вузов на 10 тыс. жителей	181	178	133	178	209

Источники: Социально-экономическое положение Калининградской области в 1998 году. Калининград, 1999. С. 188 – 189; Калининградская область в цифрах. Калининград, 2001. С. 64 – 65.

Резко сократился ввод в действие новых объектов социальной сферы. При общем спаде инвестиций удельный вес непроизводственной сферы крайне низок. Новое строительство почти не ведется. Для сравнения приведем следующие данные. В 1981 – 1985 годах были построены школы на 8472 ученических места, дошкольные учреждения на 7050 мест, больницы на 150 коек, клубы и дома культуры на 2700 мест. А во второй половине 1990 годов введены в действие лишь следующие объекты социально-культурного назначения: школы на 1416 мест, больницы на 60 коек и поликлиники на 775 посещений в смену. Вовсе не вводились дошкольные образовательные учреждения и клубы. А бюджетное финансирование действующих учреждений стало включать лишь заработную плату (более низкую по сравнению с ее средним уровнем), частично – коммунальные платежи.

Попытки развивать платные услуги оказались относительно успешными лишь у некоторых учреждений образования, в других отраслях успехи намного меньше (можно выделить, в частности, стоматологические службы в здравоохранении). За счет развития платного образования с 1996 г. увеличивается число студентов, превысившее дореформенные показатели. Но многие учреждения дошкольного воспитания были вынуждены прекратить свое существование. Огромные трудности испытывает начальное профессионально-техническое образование.

Отметим, что платные услуги, вопреки действующему законодательству, отнюдь не полностью возмещают затраты, необходимые на подготовку студентов. Калькуляция затрат не предполагает ни капитальных вложений, ни расходов на сложное оборудование, ни надлежащих закупок научной литературы, ни тем более расходов на бюджетную науку. Правда, и государство не обеспечивает учебные заведения нормативно необходимым финансированием. В частности, законом «Об образовании» предусмотрен уровень оплаты труда педагогов более высокий, чем в среднем по промышленности. В действительности он намного ниже.

Оплата труда учителей и воспитателей в нашей стране всегда была ниже средней по стране. Но никогда отставание не было столь большим. Так, в 1985 году в сфере образования заработная плата составляла 76% от среднего по народному хозяйству уровня. И никогда, как сейчас, бюджетные ставки работающих в высшей школе профессоров и доцентов не были ниже среднего уровня оплаты труда.

Усилившаяся социально-экономическая дифференциация регионов предопределяет и их различия в возможностях финансирования культуры и образования, поскольку федеральный Центр не имеет возможности в полной мере сгладить региональные различия за счет централизованных ресурсов. В большинстве регионов бюджетное финансирование не позволяет полностью решать даже задачи сохранения культурного и образовательного потенциала, не говоря уже о проблемах его развития. В то же время регионы имеют сейчас больше самостоятельности в поиске дополнительных источников финансирования учреждений образования (региональные налоги и сборы, льготы, участие в международных программах и др.). Но поиск таких источников крайне труден: рост и так высоких налогов отрицательно сказывается на экономическом развитии, а международные проекты активно развиваются лишь в ограниченном числе регионов (в частности, в Калининградской области).

Содержательная сторона в республиках и областях предполагает введение регионального компонента в образовательные программы, учет местной специфики в развитии культуры. Применительно к Калининградской области региональный аспект имеет весьма существенное значение. При этом имеют место как позитивные, так и негативные моменты, требующие учета при разработке программ развития культуры и образования.

Условия финансирования социальной сферы за счет региональных источников в Калининградской области не вполне благоприятны, поскольку доходы бюджета здесь формируются при большем уровне спада производства по сравнению со среднероссийским уровнем. Поступающие из федерального бюджета средства также недостаточны. В то же время область имеет больше возможностей по сравнению с другими регионами в получении международной помощи через различные программы и фонды.

Региональный компонент образования также оценивается неоднозначно. Многие сложности связаны со спецификой формирования калининградского социума, его недавним возникновением и развитием в пространственном отрыве от основной территории страны. Эта специфика позволяет ожидать большей гибкости социума, более быстрой его адаптации к изменившимся внешним социально-экономическим условиям. Положительную роль в этом может сыграть образовательная и культурная политика в регионе, нацеленная на построение желаемой модели (которую, однако, еще предстоит обосновать).

Пути совершенствования региональной системы образования

Научно-методическим центром «Регион и образование» КГУ выполнена общая оценка региональной системы образования и проведены подробные исследования двух звеньев системы образования – общего среднего (прежде всего на материалах Калининграда) и высшего образования. Проведенный

анализ состояния и проблем развития образовательных учреждений разного уровня позволяет сделать следующие общие выводы.

Калининградская область обладает развернутой сетью учреждений образования различного уровня, имеет достаточно подготовленные кадры и систему их подготовки и переподготовки, у населения большой спрос на образовательные услуги. Следовательно, имеются предпосылки для дальнейшего развития системы образования как основы всего регионального развития. Для этого необходимо:

- добиться приоритетности системы образования в финансировании государством и регионом;
- не допустить разрушения государственной системы образования путем недобросовестной конкуренции со стороны негосударственных учреждений;
- решать проблемы развития эволюционным путем, не допуская насильственной ломки сложившейся системы образования;
- стимулировать развитие образовательных учреждений изнутри, их саморазвитие, обеспечивая при этом государственные образовательные стандарты;
- обеспечить благоприятную внешнюю социальную среду развития образования, повышение его статуса среди социальных приоритетов населения.

Решение проблем развития системы образования играет во многом решающую роль в дальнейшем развитии Калининградской области. Становление новых (в том числе негосударственных) форм в системе образования, ориентация подготовки и переподготовки кадров на текущие, и в особенности на перспективные, потребности региона, формирование в процессе обучения рыночного менталитета – именно это в наибольшей мере необходимо сейчас для создания настоящей рыночной среды.

При таких условиях можно решать стратегические проблемы развития региональной системы образования. К числу

таких стратегических приоритетов, учитывающих общее для страны и конкретные региональные условия и задачи развития образования, следует отнести:

- Дальнейшее совершенствование и развитие многообразных форм образовательных учреждений, государственных и негосударственных (гимназий, лицеев, специализированных школ, колледжей, училищ, университетов, институтов, академий и т.д.).

- Развитие непрерывного образования, обеспечение взаимной связи звеньев системы образования при ведущей роли вузов региона, с одной стороны, и потребностей и возможностей для населения постоянного повышения своей квалификации – с другой.

- Разработку регионального компонента образовательных программ, специализацию учреждений образования в соответствии с перспективным хозяйственным профилем региона и его ролью как экономического и культурного моста между Востоком и Западом.

- Вхождение региональной системы образования как общегосударственной подсистемы в балтийское, европейское и мировое образовательное пространство.

- Создание условий для прогрессивных изменений в технологиях обучения:

- а) техническое оснащение образовательных учреждений для обеспечения новых методик и возможностей самостоятельной работы обучающихся;
- б) подготовка и переподготовка преподавательских кадров в соответствии с новыми направлениями развития системы образования.

- Сочетание самостоятельности образовательных учреждений с централизованным контролем за качеством обучения; совершенствование лицензирования, аккредитации и аттестации учреждений.

С учетом происходящей реструктуризации народного хозяйства области объективно требуются изменения и в профес-

сиональной структуре подготовки специалистов. По мнению разработчиков программы Tacis «Поддержка программой Tacis глобального плана развития Калининградской области», сейчас в регионе появляется необходимость в создании при международном содействии нескольких небольших высоко-специализированных учебных заведений, необходимых для развития приоритетных отраслей и предприятий – главных объектов развития. В частности, это требуется для бизнеса и торговли, обработки и дизайна изделий из янтаря, транспорта и логистики, информации и коммуникации. При этом не предлагается отдельный вуз для каждого объекта. Разрабатываемая проектом стратегия развития основывается на обрабатывающих производствах по повышению добавленной стоимости продукта, где главным ресурсом является человеческий фактор. Следовательно, наибольший эффект может иметь организация нескольких стратегических вузов в сфере коммерции, логистики, переработки сельскохозяйственной продукции или в информационных технологиях.

Дальнейшее реформирование системы образования предполагает сохранение и развитие лучших отечественных традиций и одновременно – учет позитивного (и негативного!) зарубежного опыта. Такой подход позволяет наращивать преимущества в тех аспектах образования, где мы сейчас превосходим зарубежные образовательные системы, и укреплять слабые звенья – такие, как недостаточная самостоятельность обучающихся, слабая материально-техническая база, в ряде случаев шаблонный подход к процессу обучения и недостаток его активных форм.

Неопределенность направлений социально-экономического развития региона накладывает ограничения на реализацию стратегии развития системы профессионального образования. В условиях этой неопределенности наиболее адекватным и удовлетворительным является университетское образование. Самыми оптимальными можно считать следующие направления ведущих учреждений высшего профессионального обра-

зования в ходе создания трех университетских образовательных комплексов:

- фундаментальное образование – Калининградский государственный университет;
- политехническое образование – Калининградский государственный технический университет;
- специализированное транспортное направление – Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота (в перспективе возможно преобразование ее в транспортную академию).

Каждый комплекс должен представлять собой систему непрерывного образования и включать в себя профильные классы в школах, базовые лицеи, гимназии, ПТУ, технические лицеи, колледжи, учреждения дополнительного образования, бакалавриат, магистратуру, аспирантуру, факультеты повышения квалификации, структуры, занимающиеся подготовкой и переподготовкой кадрового потенциала для каждого комплекса.

Существенными чертами образовательных комплексов должны стать преемственность и взаимное дополнение государственных стандартов на всех ступенях профессионального образования, преемственность учебных программ, методов и форм организации учебного процесса, постоянное изучение подготавливаемых кадров психологом и профориентатором. Принципиальной проблемой является разработка и реализация в деятельности образовательных комплексов регионального компонента содержания профессионального образования.

Учитывая вышеизложенное, к числу основных стратегических направлений развития системы образования Калининградской области можно отнести:

1. Дальнейшее совершенствование и развитие многообразных форм учреждений образования (государственных и негосударственных, гимназий, лицеев, специализированных школ, колледжей и т.д.).

2. Разработку образовательных программ и специализацию учреждений образования в соответствии с перспективным хо-

зяйственным профилем региона и его ролью экономического и культурного моста между Востоком и Западом.

В КГУ, в частности, программы предусматривают все большее внимание компьютерным курсам, иностранному языку, ряду гуманитарных (экономических, политических, социологических, философских) дисциплин. С 1995 г. началось открытие таких новых специальностей и специализаций, как польский язык и литература, литовский язык и литература, прикладная математика, геоэкология, философия, изобразительная деятельность, валеология, социально-культурный сервис и туризм. Начата также подготовка врачей-лаборантов.

3. Развитие непрерывного образования, обеспечение взаимной связи звеньев системы образования при ведущей роли высших учебных заведений региона.

Известны успехи БГА в обеспечении связи в блоке морского образования. В КГУ устанавливаются аналогичные связи в педагогическом образовании (пока на договорной основе).

4. Вхождение региональной системы образования как общегосударственной подсистемы в европейское образовательное пространство. Международное сотрудничество играет особую роль для системы образования региона. И его значение будет возрастать, способствуя внедрению новых форм подготовки и переподготовки кадров, новых технологий обучения, более тесной связи учебных заведений с хозяйственной практикой.

Этому способствуют активные двусторонние связи многих учебных заведений области с зарубежными, а также участие вузов области в международных программах. Проекты, финансируемые из различных международных источников, обращались к ряду основных направлений, среди которых:

- включенная подготовка преподавателей;
- изучение иностранных языков и преподавателями, и студентами;
- обеспечение академических визитов преподавателей и студентов калининградских вузов в рамках международных программ обмена;

- изучение русского языка и аспектов русской экономики и культуры иностранными преподавателями и студентами в рамках программ обмена;
- сравнительное изучение образования в области менеджмента в разных странах, включая Россию, Великобританию, Францию, Германию, Грецию;
- знакомство ведущих преподавателей с различными международными системами высшего образования в области менеджмента и экономики;
- поддержка разработки, адаптации и пробного осуществления соответствующих программ по менеджменту и экономике (включая методические материалы) и прикладные исследования;
- модернизация и развитие экологического образования в Калининградской области, включая подготовку преподавателей, пересмотр существующих учебных планов по экологическому образованию и разработку новых курсов;
- помощь в международном признании дипломов, включая сертифицирование калининградских выпускников зарубежными вузами и предоставление доступа к послевузовскому образованию на основе результатов по диплому;
- поставка оборудования для поддержки преподавания, исследований и коммуникации (особенно Интернет).

В этих рамках основные калининградские вузы имеют возможности, которых у них не было в условиях закрытости региона для иностранцев. Однако еще важнее то, что местным попыткам планировать будущее выживание и развитие вузов в направлении соответствия международным стандартам был дан значительный импульс. Визиты зарубежных преподавателей и взаимные обмены способствовали началу критического процесса самостоятельной оценки вузов на организационном и образовательном уровнях. Конкретные проектные результаты состояли, в частности, в совместной разработке учебных курсов. При этом приходилось учитывать различия образовательных систем (табл. 5), заимствуя позитивный опыт каждой из них.

Характеристика образовательных систем

Критерий	Российская образовательная система	Западные образовательные системы
1. Основная задача образования	Дать знания и научить ими пользоваться. Проверить эффективность усвоения определенного набора знаний	Предоставить возможность учиться. Контроль на выходе (по существу, только на экзамене)
2. Цель образования	Показать общие закономерности процессов и явлений, дать их теоретическое понимание, то есть обеспечить фундаментальную основу	Разработка конкретных алгоритмов возможных действий в определенных ситуациях
3. Соотношение аудиторных и внеаудиторных занятий	Объем аудиторных занятий в российских вузах в среднем в два раза больше, чем в любом зарубежном (разнообразие уникальных специальных курсов)	Самостоятельное штудирование пособий, сеть библиотек, оснащенных компьютерными системами поиска

Значительный опыт реализации программ Tempus и Tacis накоплен в Калининградском госуниверситете – на факультете романо-германской филологии (английская филология), экономическом, географическом факультетах и факультете педагогики и психологии. Общий объем финансирования этих программ за 1995 – 1998 гг. превысил 2 млн. ЭКЮ.

5. Создание условий для прогрессивных изменений в технологиях обучения:

а) подготовка и переподготовка преподавательских кадров в соответствии с новыми направлениями развития системы образования;

б) техническое оснащение образовательных учреждений для обеспечения учебного процесса (пока отставание от западноевропейских стран в оснащении – как минимум на порядок);

в) совершенствование методик обучения (прежде всего внедрение активных методов).

6. Сочетание самостоятельности учреждений образования с централизованным контролем за качеством обучения; совершенствование аккредитации, аттестации и лицензирования.

Специфика области должна найти отражение в региональном учебном плане, который необходимо внедрять в школах Калининградской области (табл. 6). Будет возникать потребность в учете и других региональных особенностей, помимо отмеченных в таблице. Уже сейчас, например, можно отметить следующую новую особенность (она учитывается в ряде школ): усиление языковой неоднородности населения. Возможно (но не обязательно), она будет возрастать и тогда потребуются ее надлежащий учет.

Таблица 6

Учет особенностей области в региональном учебном плане

Особенности региона	Учет в региональном учебном плане
Наличие в регионе мигрантов с различным образовательным уровнем	Нивелирование недостатка в образовании путем усиления базовой подготовки
Безработица, миграция в Россию	Расширенное и углубленное базовое образование, позволяющее поступить в различные вузы или легко найти работу
Перспективы развития ОЭЗ в регионе, развитие частного предпринимательства	Введение курса «Основы экономики и предпринимательства»; формирование у учащихся самостоятельности, предприимчивости, ответственности
Внедрение новых технологий в связи с интенсивным развитием региона	Введение курсов «Информатика и вычислительная техника», «Использование электронно-вычислительной техники»
Повышенная конфликтность в обществе, проблемы социализации, общения	Введение курса «Основы психологии и социологии»
Наличие международных границ, перспективы развития области как транспортного узла	Углубленное изучение иностранных языков

Особенности региона	Учет в региональном учебном плане
Близость зарубежных образовательных центров	Усиление базовой и гуманитарной подготовки учащихся
Оторванность от корней российской культуры	Изучение истории России, истории края, русской и мировой художественной культуры
Недостаточно активное осуществление основных направлений программы развития региона	Усиленная подготовка по профессиональному самоопределению
Нестабильное экономическое развитие региона	Универсализация базового образования, позволяющая быстро адаптироваться к изменениям социально-экономической среды

Учет региональной специфики в учебных планах учреждений образования всех уровней является одним из проявлений их относительной самостоятельности. Но ее реализация протекает не столь уверенно. Так, после небольшого периода относительной самостоятельности вузов в первой половине и середине 1990-х годов усилилось административное давление «сверху» – из Минобразования и в какой-то мере областных органов. Крайне важно, чтобы это давление, имеющее и определенные объективные основания (необходимость сохранения единого образовательного пространства, требования контроля за соблюдением законодательства, образовательных стандартов и т.д.), не превратилось в чрезмерное администрирование и отмену допускаемой законом автономии высших учебных заведений.

Условием успешного развития региональной системы образования является ее достаточное финансирование. Основным источником и впредь должно оставаться бюджетное финансирование – федеральное и региональное. Это не отрицает возможности привлечения негосударственных средств, которые для отдельных учреждений могут играть и преобладаю-

щую роль, особенно в сфере переподготовки и повышения квалификации кадров. Но нельзя допускать попыток приватизации и перехода на преимущественно негосударственные источники финансирования основной массы учреждений, в особенности вузов.

Крайне отрицательно следует оценить и попытки подчинить высшие учебные заведения областным органам управления, как и перевести их на финансирование через областные структуры (а не непосредственно из федерального бюджета через финансовые органы Минобразования России, как сейчас). Отдельные образовательные и научные проекты в интересах региона могут так финансироваться (а поэтому и контролироваться), но не весь процесс высшего образования, который тем самым распадется на региональные компоненты и измельчает. Именно 750 российских вузов в единой системе высшего образования страны обеспечивают нынешний достаточно высокий уровень и авторитет высшей школы Российской Федерации. Эта система допускает одновременно и автономию вузов, и их координацию, поэтому не имеет смысла от нее отказываться.

Задачи управления региональной системой образования не могут догматически пониматься как создание специального контролирующего органа, осуществляющего финансирование учреждений и диктующего разрядку на подготовку кадров. Это означало бы не только возврат к административно-командной схеме управления, но и ее реализацию в ухудшенном варианте – в масштабах региона. Такие попытки, к сожалению, усиливаются. Например, для лицензирования новых специальностей сейчас требуются не только необходимые кадры и иные предпосылки у учреждений образования, но и согласие областных органов управления (службы трудоустройства), даже если предполагается негосударственное финансирование специальности. Это противоречит задачам учреждений образования в удовлетворении спроса населения на образовательные услуги.

Система образования осталась одной из немногих сфер, поддающихся административному управлению. Однако из этого не следует, что нужно вновь возвращаться к прежним командным методам. Система образования способна к саморазвитию, и в этом одно из главных ее достоинств. Не следует ее бюрократизировать и лишать нынешних элементов самостоятельности. Требуется искать такие формы управления, которые, наоборот, развивали бы самостоятельность и инициативу самих учреждений в соответствии с общей образовательной политикой в стране и регионе.

Формирование в регионе учебного округа

Переориентация образовательной системы Калининграда на возникающие потребности производства, особенно на перспективные внутренние инвестиционные проекты, требует разработки высшим образованием соответствующих программ подготовки. Это условие состоит из двух текущих элементов, где первый – предложение традиционных профессий и соответствующих знаний и изменения квалификации, и второй – поддержка специальных внутренних инвестиционных проектов, когда можно определить конкретные требования к знаниям и умениям.

Наиболее подходящей основой для необходимой поддержки вузов являются структуры средних специальных и профессионально-технических учебных заведений. Хотя условия части учреждений высшего образования второго уровня эффективны, сеть именно этих учебных заведений могла бы быть использована для создания интегрированного и сбалансированного диапазона профессиональных курсов, обращаемых как к выпускникам школ, так и к рабочим, которым требуется переподготовка. Важное направление – обучение и переобучение взрослых. Следует обратить внимание на рационализацию различных видов подготовки кадров – от обучения основным навыкам до более передового знания, необходимого для воз-

можных инвестиционных проектов. Наличие таких проектов является условием для заблаговременного развертывания системы подготовки в соответствии с будущими потребностями в кадрах различного уровня квалификации и профессиональной направленности.

В условиях Калининградской области особенно необходима консолидация усилий всех субъектов системы образования. В этом и заключается идея формирования в регионе экспериментального учебного округа, методически возглавляемого системой вузов Калининграда, действующих совместно с областной администрацией в определении регионального компонента образования.

Для реализации идеи учебного округа необходимо разработать совместный план действий Минобразования России, администрации области и калининградских вузов. Функции округа должны быть согласованы в рамках общей стратегии регионального развития, которой, на наш взгляд, должна стать стратегия, в полной мере учитывающая интересы региона, направленная на повышение его роли в экономике и культуре России, принимающая во внимание особенности геополитического и, если можно так выразиться, «геокультурного» положения области.

Итак, приоритетность образования, необходимость его опережающего развития объясняется не только его ролью в развитии экономики, но и в связи с проблемами социализации личности, формирования социума. Специфику Калининградской области необходимо учитывать в стратегии развития образования, и особенно следует обратить внимание на формирование гражданского сознания, на развитие образования как института культуры.

Нельзя дожидаться, пока социум в регионе сам заработает как саморегулирующаяся система, поскольку множество факторов действуют в направлении его дестабилизации. И региональный образовательный стандарт, и содержание образования в целом, и работа всей региональной системы образования

должно быть ориентировано на усиление целостности социума в пределах регионов, а также в городах и сельских районах.

В настоящее время в Калининградском государственном университете продолжаются комплексные исследования проблем региональной системы образования. Проводятся социологические исследования для того, чтобы получить необходимый эмпирический материал для последующих теоретических и практических выводов. Мы надеемся установить более тесные связи с администрацией области и областной Думой, с муниципальными структурами для того, чтобы обеспечить повышение роли образования в регионе. Усиливаются связи с ведущими российскими образовательными и научными центрами, с зарубежными партнерами с тем, чтобы полнее учесть российский и зарубежный опыт научных исследований сферы образования и чтобы привлечь внимание исследователей к нашему своеобразному региону.

Полагаем, что Калининградская область обладает значительным образовательным и научным потенциалом, который используется и регионом, и Федерацией далеко не в полной мере. Значительны возможности региона в усилении интеграции российской и зарубежных образовательных систем. В направлении повышения образовательной и научной роли региона и в России, и за рубежом будет продолжаться деятельность Калининградского государственного университета, других вузов области.

Научное издание

Калининградский социум в европейском измерении

Сборник научных трудов

Под редакцией Андрея Павловича Клемешева

Редактор Н.Н. Мартынюк. Корректор Л.Г. Владимирова
Оригинал-макет подготовлен И.А. Хрусталевым, О.М. Жовтенко

Лицензия № 020345 от 14.01.1997 г. Подписано в печать 25.12.2001 г.

Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×84 ¹/₁₆.

Гарнитура «Таймс». Ризограф. Усл. печ. л. 11,1. Уч.-изд. л. 8,3.

Тираж 1000 экз. Заказ .

Издательство Калининградского государственного университета
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14